

ИЗВЕСТИЯ
САМАРСКОГО НАУЧНОГО
ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУКIZVESTIYA
OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCESwww.ssc.smr.ruСоциальные, гуманитарные, медико-биологические науки
Social, humanitarian, medicobiological sciencesИздательство
Самарского федерального исследовательского центра
Российской академии наук

**Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук
«ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК.
Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»**

Том 26 № 1(94), 2024

Основан в 2002 году в составе Известий СамНЦ РАН. Выходит 6 раз в год. ISSN 2413-9645 (print)

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ № ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: Э.А. Радаева. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Заместитель главного редактора: О.М. Буранок

Редакционная коллегия: А.Ю. Агафонов, Г.В. Акопов, А.С. Бакалов, Дж.Ф. Бейлин,

О.М. Буранок, Е.Я. Бурлина, А.Л. Бусыгина, В.П. Бездухов, Н.И. Воронина,

Й. Догнал, Д.А. Дятлов, В.И. Ионесов, Т.В. Каракова, Л.А. Колыванова, О.А. Кострова,

М.А. Кулинич, Э.А. Куруленко, В.Б. Малышев, А.А. Масленникова, И.Д. Немировская,

В.И. Немцев, О.К. Позднякова, И. Рёблинг, М.Б. Сабыр, И.Л. Сиротина, С.В. Соловьева,

О.Н. Солдатова, М.М. Халиков, В.Д. Шевченко

Электронная версия журнала: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Адрес издательства: Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук. 443001 Самара, Студенческий переулок, 3а.

Тел.: 8 (846) 337-53-81, факс 8(846) 332-66-79. E-mail: presidium@ssc.smr.ru

Founder: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences

«IZVESTIYA SAMARSKOGO NAUCHNOGO TSENTRA ROSSIYSKOY AKADEMII NAUK.

Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki»

[IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENTIFIC CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES.

Social, Humanitarian, Medicobiological Sciences]

Volume 26, no 1(94), 2024

Published since 2002. Issued 6 times a year. ISSN 2413-9645 (print)

Founder: Samara Federal Research Scientific Center of Russian Academy of Sciences

The journal is registered with Roskomnadzor, certificate PI № FS77-64960, 04.03.2016

Editor-in-chief: E.A. Radaeva. E-mail: radaeva@ssc.smr.ru

Deputy editor-in-chief: O.M. Buranok

Editorial board: A.Yu. Agafonov, G.V. Akopov, A.S. Bakalov, John Frederick Bailyn,

O.M. Buranok, E.Ya. Burlina, A.L. Busy`gina, V.P. Bezduxov, N.I. Voronina, J. Dohnal,

D.A. Dyatlov, V.I. Ionesov, T.V. Karakova, L.A. Kolyvanova, O.A. Kostrova, M.A. Kulinich,

E.A. Kurulenko, V.B. Malyshev, A.A. Maslennikova, I.D. Nemirovskaya, V.I. Nemtsev,

O.K. Pozdnyakova, Irmgard Roebeling, M.B. Sabyr, I.L. Sirotnina, S.V. Solovyova,

O.N. Soldatova, M.M. Khalikov, V.D. Shevchenko.

Electronic version of the journal: http://www.ssc.smr.ru/izvestiya_human.html

Address of the Publishing House: Samara Federal Research Center of Russian Academy of Sciences.
443001 Samara, Studenchesky pereulok, 3a.

Ph.: 8 (846) 337-53-81, fax 8(846) 332-66-79. e-mail: presidium@ssc.smr.ru

СОДЕРЖАНИЕ «ИЗВЕСТИЯ САМАРСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки»	
Том 26, номер 1 (94), 2024	
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Профессиональная надежность как ключевая характеристика в модели личности современного специалиста <i>Белов Д.О.</i>	5
К вопросу об эффективности накопительной системы оценивания индивидуальных достижений студентов <i>Гуменникова Ю.В., Золкин А.Л., Черницына Р.Н.</i>	11
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Эволюция эпиграмматического жанра во французской литературе: обзор исторических традиций <i>Недбайлик С.Р., Калинина Л.Ю.</i>	17
Антонимия как субстанция комического в произведениях Ф.М. Достоевского <i>Халиков М.М.</i>	30
КУЛЬТУРОЛОГИЯ И ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	
Осциллография ситуации метамодерна <i>Афанасьева А.П.</i>	40
Историческое значение песни «Джурджевдан»: к проблеме подбора музыкального материала для учебных работ <i>Вученович А.</i>	46
Современные глобальные трансформации общественно-политического пространства под влиянием цифровых информационно-коммуникационных технологий <i>Григорьева М.В.</i>	61
Функциональная определённость пяти 40-летних периодов в составе 72-летнего цикла исторического развития: фрактально-кластерный подход <i>Денисов Д.В.</i>	71
К вопросу о гастрономической рефлексии <i>Ермолаев В.А.</i>	79
Истоки праздничной культуры Луганщины <i>Олейникова М.В.</i>	88
Отечественное нотоиздательское дело второй половины XIX – начала XX вв.: характеристики и особенности функционирования отрасли <i>Радзецкая О.В.</i>	94
Художественные особенности российских промыслов лаковой миниатюры в современном декоративном искусстве и дизайне <i>Столярова Е.Г., Князева А.В., Давыдов А.В.</i>	101
Коранические тексты в хоровых сочинениях современных татарских композиторов <i>Шириева Н.В.</i>	107
МЕДИКО-БИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Цифровая диагностика парафункциональных нарушений жевательных мышц при повышенном стирании зубов <i>Тлустенко В.С.</i>	114

РЕЦЕНЗИИ

**Антиметафизика современного общества: рецензия на монографию
Д.Г. Плынова «Синдром причастности: диагноз, которого нет, а симптомы
уже наблюдаются»**

Дударева М.А., Чердынцева О.А.

119

CONTENTS	
«IZVESTIYA OF THE SAMARA SCIENCE CENTRE OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences»	
Volume 26, number 1 (94), 2024	
PEDAGOGICAL SCIENCES	
Professional Reliability as a Key Characteristic in The Personality Model of a Modern Specialist	5
<i>Belov D.O.</i>	
To The Question of The Effectiveness of The Cumulative System of Assessing Individual Achievements of Students	11
<i>Gumennikova Yu.V., Zolkin A.L., Chernitsyna R.N.</i>	
PHILOLOGICAL SCIENCES	
Evolution of The Epigrammatic Genre in French Literature: a Review of Historical Traditions	17
<i>Nedbaylik S.R., Kalinina L.Yu.</i>	
Antonymy as The Substance of The Comic in The Works of F.M. Dostoevsky	30
<i>Khalikov M.M.</i>	
CULTURAL SCIENCES AND ART HISTORY	
Oscillography of The Metamodern Situation	40
<i>Afanasyeva A.P.</i>	
The Historical Significance of The Song «Djurjevdan»: on The Problem of Selection of Musical Material for Studies	46
<i>Vucenovic A.</i>	
Modern Global Transformations of The Socio-Political Space under The Influence of Digital Information and Communication Technologies	61
<i>Grigorieva M.V.</i>	
Functional Definity of 40-year Processes Forming 72-year Cycle of Historical Development: Fractal-Cluster Approach	71
<i>Denisov D.V.</i>	
On The Question of Gastronomic Reflection	79
<i>Ermolaev V.A.</i>	
Origins of Holiday Culture of Lugansh Region	88
<i>Oleynikova M.V.</i>	
Domestic Music Publishing Business of The Second Half of The XIX – Early XX Centuries: Characteristics and Features of The Functioning of The Industry	94
<i>Radzetskaya O.V.</i>	
Artistic Features of Russian Vacquery Miniature Crafts in Modern Decorative Arts and Design	101
<i>Stolyarova E.G., Knyazeva A.V., Davydov A.V.</i>	
Quranic Texts in Choral Works Modern Tatar Composers	107
<i>Shirieva N.V.</i>	
BIOMEDICAL SCIENCES	
Digital Diagnostics of Parafunctional Disorders of The Masticatory Muscles with Increased Tooth Abrasion	114
<i>Thlustenko V.S.</i>	

REVIEWS

**Anti-Metaphysics of Modern Society: Review of The Monograph by D.G. Plynov
«Involved Syndrome: a Diagnosis That is not, but Symptoms are Already Observed»**

Dudareva M.A., Cherdyntseva O.A.

119

УДК 378.4 (Университеты)

**ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НАДЕЖНОСТЬ КАК КЛЮЧЕВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
В МОДЕЛИ ЛИЧНОСТИ СОВРЕМЕННОГО СПЕЦИАЛИСТА**

© 2024 Д.О. Белов

*Белов Даниил Олегович, старший преподаватель**кафедры «Физическое воспитание и спорт»**E-mail: d.belov@samgups.ru*

Самарский государственный университет путей сообщения

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 12.09.2023

Постиндустриальное и цифровое развитие общества характеризуется условиями высокой изменчивости, неопределенности и хаотичности. Вхождение сетевых технологий и ресурсов во все сферы жизнедеятельности, технологизация производственных и управленческих процессов создают предпосылки для появления рисков различной природы во всех видах профессиональной деятельности и социальных отношений. Данная ситуация усложняет требования к современному специалисту, требуя от него не только наличия предметных знаний и профессионально ориентированных компетенций, но и сформированных способностей к активному и преобразующему освоению новых техник и технологических решений, прогностической оценки возможных рисков и личной ответственности за последствия их выбора в нестандартных ситуациях. Вхождение цифрового компонента изменяет организационные и технологические аспекты в сфере профессионального образования, существенно расширяя границы традиционных форм обучения. Новые психолого-педагогические условия открытого образовательного пространства оказывают влияние на качество учебного процесса и результаты профессиональной подготовки, продуцируя негативные влияния информатизации сферы образования и развивая проблему образовательных рисков (витальных, психологических, социальных). Включение в категориальное пространство педагогического науки понятия «профессиональная надежность» обусловлено его содержанием, определяющим соответствие качеств субъекта профессиональной деятельности с быстро меняющимися условиями реализации профессиональной деятельности. Профессиональная надежность является ключевой и интегративной характеристикой в модели цифрового специалиста, содержательное и структурное наполнение которой определяется спецификой конкретной профессиональной деятельности. Структура профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте представлена совокупностью мотивационно-ценностного, деятельностно-технологического и рефлексивного компонентов. Опытнo-экспериментальная работа доказала эффективность разработанной дидактической системы формирования профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова: цифровизация, образовательные и профессиональные риски, профессиональная ненадежность, дидактическая система формирования профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-5-10

EDN: ZJWHAT

Введение. В настоящее время цифровизация является неотъемлемым элементом развития современной промышленной сферы. Глобальная трансформация технических, технологических и организационных основ производства, высокая динамика информационных потоков, внедрение новых сетевых технологий требуют от специалиста не только наличия предметных знаний и профессионально ориентированных компетенций, но и сформированных способностей к активному и преобразующему освоению новых техник и технологических решений, прогностической оценки возможных рисков и личной ответственности за

последствия их выбора в нестандартных ситуациях [1]. Актуальным становится опережающая направленность образовательных программ, перестройка педагогического процесса, проектирование и внедрение новых технологий обучения.

История вопроса. Включение цифрового компонента в структуру образовательных программ расширяет границы традиционных форм обучения. Вместе с тем изменяются требования к типологии преподавателя, к результативной характеристике образовательного процесса.

Сегодня в педагогической практике достаточно исследований, направленных на формирование «цифрового специалиста», «цифровых компетенций», разработку новых образовательных платформ, средств и методов обучения. Вместе с тем необходимо отметить, что цифровизация в образовательной и профессиональной сферах характеризуется наличием факторов неопределенности и альтернативности, которые являются причинами возникновения рисков различной природы, в связи с чем цена ошибок, связанных с человеческим фактором, стремительно увеличивается, а вопросы безопасности приобретают первостепенное значение [7]. Данная ситуация требует от обучающихся и современного специалиста наличие совокупности качеств, позволяющих оптимально быстро адаптироваться и эффективно развиваться в стремительно меняющихся условиях образовательной сферы и профессионального мира.

Обучение, реализуемое в открытой информационно-образовательной среде, обладает уникальной возможностью для построения индивидуальной траектории получения знаний для обучающегося, снижает временные ограничения и объем изучаемого материала. Но при этом сопровождается и рядом рискованных факторов, связанных с преобладанием технократического подхода (таблица 1).

Возникновение витальных рисков в образовательной области связано с ситуацией гиподинамии. Глобальное сокращение двигательной активности ведет к накоплению неблагоприятных сдвигов физиологического характера: рассеиванию внимания, некомпенсированному утомлению, снижению работоспособности, возникновению психосоматических расстройств, хронических заболеваний [2].

Психологические риски связаны с фактором неопределенности: большими объемами и противоречивостью поступающей информации, распределением направленности психических процессов на параллельное выполнение различных видов деятельности, высоким уровнем личной ответственности, связанной с принятием решения, которое при определенных условиях может закончиться неблагоприятным исходом [6].

Неконтактные формы коллективных взаимодействий обуславливают наличие социальных рисков. Снижение практики вербального, диалогического общения приводит к смещению коммуникативных навыков в сторону технологических умений, сокращению социальных контактов, развитию конфликтных ситуаций, потере взаимопонимания, снижению эффективности управленческих решений [9].

Таб 1. Образовательные риски, обусловленные цифровизацией образовательных программ
(Educational risks caused by the digitalization of educational programs)

Фактор риска (причина)	Вид риска	Последствия
Глобальное снижение двигательной активности, высокий уровень функциональной напряженности деятельности)	Витальный	Нарушение деятельности функциональных систем организма, развитие некомпенсированного утомления, снижение работоспособности, возникновение угрозы здоровью, развитие хронических заболеваний
Влияние увеличивающегося информационного потока, сложные способы предоставления информации, превышение оптимальной информационной емкости учебного материала)	Психологический	Дезориентация обучающегося в учебном материале, снижение адекватности восприятия реальности, снижение качества усвоения учебного материала и качества мышления.

Увеличение доли неконтактных форм проведения учебных занятий	Социальный	Снижение практики вербального, диалогического общения приводит к смещению коммуникативных навыков в сторону технологических умений, сокращению социальных контактов, развитию конфликтных ситуаций, потере взаимопонимания, снижению эффективности решений
--	------------	--

Исследования, направленные на снижение факторов риска в обеспечении вопросов безопасности технологических, технических, административных и дисциплинарных аспектов в профессиональной деятельности, позволяют констатировать что более 50 % возникновения случаев травматизма, конфликтных ситуаций, срывов коммуникаций, нарушений техники безопасности, трудовой и технологической дисциплины, приводящие к социально неприемлемым и даже трагическим последствиям связаны с «человеческим фактором».

Изучение процессов, направленных на приведение в соответствие качеств субъекта труда и условий реализации профессиональной деятельности, позволило ввести в пространство педагогической науки понятие «профессиональная надежность».

В определении содержательных характеристик в структуре профессиональной надежности исследователи выделяли три уровня изучения человека: социальный компонент (личность): целевые установки, ценностные ориентации; индивидуальный стиль деятельности; морально-нравственные аспекты (Е.Ю. Стрижов; Е.К. Веселова); деятельностный компонент (субъект деятельности) профессионально значимые умения и навыки, а также степень владения профессиональной деятельностью в соответствии с требованиями стандартной или проблемной ситуации, которую необходимо разрешить (М.А. Аكوпова, В.А. Андреева); слияние профессионального опыта и духовного компонента (В.В. Сериков, А.А. Вербицкий); функциональная (биологический индивид) синтез функциональной работоспособности организма и его приспособленности к определенным условиям работы и профессии; уровень здоровья, эмоционально-психологические напряжения, стрессовые состояния (В.Ю. Шебланов, А.Ф. Бобров) [3; 5; 8].

Сохраняя цепь логических заключений, можно констатировать, что профессиональная надежность является ключевой и интегративной

характеристикой в модели цифрового специалиста, содержательное и структурное наполнение определяется спецификой и особенностью конкретной профессиональной деятельности. И данное утверждение актуально для специалиста в любой сфере деятельности, так как в каждой профессии основная доминанта – это человек и его ответственность за самого себя, за сохранность жизни других, за качественность выполнения производственных процессов и принятие технологических решений.

Методы исследования. Для экспериментальной работы были выбраны специалисты хозяйства электроснабжения железных дорог, что связано с высокой наукоемкостью железнодорожного производства, стремительным развитием высокоскоростного движения, увеличением доли электрифицированных линий и приоритетностью вопросов электрификации на федеральном уровне.

Комплексный характер негативных влияний профессиональных рисков (биологический, физический, психофизиологический, социальный, техногенный) в деятельности специалистов транспортной отрасли требуют наличия профессиональной надежности, которая позволит оптимально адаптироваться к изменяющимся производственным условиям. Профессиональное развитие определяется качеством профессиональной подготовки, опытом практической деятельности, процессами социализации (проигрыванием социальных ролей, наличием профессиональной мотивации и др.). В процессе профессиональной подготовки необходимо сформировать не только актуальные (базисные) профессионально значимые качества будущего специалиста, но и создать условия для развития потенциальных профессиональных способностей, что позволит эффективно противостоять ситуациям риска и обеспечить становление механизмов саморегуляции [10].

Профессиональная надежность специалиста на железнодорожном транспорте может эффективно формироваться в процессе функциональ-

ной интеграции его компонентов. Мотивационно-ценностный компонент является системообразующим и запускным механизмом, актуализирующим профессионально значимые способности и мобилизующим внутренние резервы для достижения цели. Основными показателями сформированности данного компонента являются: профессиональная направленность, ценностные ориентации, мотивы, интересы, организующие познавательную и практическую деятельность на поддержание здорового образа жизни, сохранение и укрепление здоровья, освоение ценностей физической культуры, профессионального саморазвития.

Ресурсную основу составляет деятельностно-технологический компонент, представленный интегрированной совокупностью взаимосвязанных физиологических, физических, психологических способностей и позволяющий овладевать знаниями, способами и видами деятельности (инвариантами) за счет образования новых связей между отдельными предметами и их свойствами, между различными ситуациями и вызвавшими их причинами.

Регуляторным механизмом, позволяющим гибко реагировать в условиях риска, является рефлексивный компонент. Осмысление собственного опыта, анализ изменений, происходящих во внешней среде и их оценка способствуют самоопределению, самоактуализации, саморегуляции, которые в свою очередь обуславливают новые нормы деятельности, новые способы, а все это в целом – новый результат.

Дидактическая система формирования профессиональной надежности специалистов транспортной отрасли является частью общей системы профессиональной подготовки и интегрирует содержательный, процессуальный и результативный элементы. Методологические подходы в

рамках системы выделены на основе социально-профессиональных и методических параметров.

Содержательный элемент системы представлен шестью тематическими модулями. Модульная технология позволяет реализовать процесс обучения посредством разделения его на логически завершённые части профессионально-прикладной физической подготовки. Разработанные модули идентичны по структуре и содержат четыре структурных компонента: теоретический, методико-практический, учебно-тренировочный, оценочный.

Процессуальный элемент представлен методами активного обучения: проблемный, соревновательно-игровой, моделирования, физические упражнения, функциональные пробы и диагностические методики.

Результаты исследования. Экспериментальная работа проводилась на базе Самарского государственного университета путей сообщения (СамГУПС). Целью исследования являлась апробация эффективности дидактической системы формирования профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте. Выборочную совокупность составили 60 человек (студенты 2 курса, по 30 человек в каждой группе). Использовались опросники, тесты, диагностические методики, рекомендованные в специализированной литературе. В структуре профессиональной надежности выявлялся уровень сформированности следующих показателей: мотивация достижения; профессиональное самоопределение; уровень развития качеств внимания; общая выносливость, физическая подготовленность; психологическая устойчивость; коммуникативные качества, лидерство. Качественные и количественные показатели приводились к единой шкале от -1 до +1 (шаг 0,5). Результаты опытно-экспериментальной работы представлены в таблице 2.

Таб. 2. Показатели сформированности компонентов профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте
(Indicators of formation of components of professional reliability of specialists in railway transport)

Компоненты профессиональной надежности	Констатирующий эксперимент		Формирующий эксперимент		Прирост значе- ний	
	К.Г.	Э.Г.	К.Г.	Э.Г.	К.Г.	Э.Г.
Мотивационно-ценностный	-0,28	-0,23	0,37	0,69	0,65	0,92
Деятельностно-технологический	-0,14	-0,18	0,34	0,53	0,48	0,71
Рефлексивный	0,1	0,08	0,39	0,61	0,29	0,53

Сравнительный анализ результатов проведенного исследования показал положительную динамику по всем показателям в структуре профессиональной надежности специалистов на железнодорожном транспорте, что подтверждает эффективность разработанной дидактической системы.

Выводы. Профессиональная надежность специалистов на железнодорожном транспорте является интегративным свойством личности, структура которого может быть представлена мо-

тивационно-ценностным, деятельностно-технологическим и рефлексивным компонентами, показатели которых выражаются способностями и качествами личности, позволяющими противостоять негативным воздействиям профессиональных рисков. Разработанная дидактическая система основана на тесной взаимосвязи содержательных характеристик, имеет целостную структуру и может быть использована при проектировании спецкурсов профессионально-прикладной физической подготовки в транспортных вузах.

1. Белов, Д. О., Логинов, Н. В., Бродецкий, А. Б. Основные тенденции развития профессиональной подготовки в транспортных вузах // «Наука и культура России», XVII Международная научно-практическая конференция «Наука и культура России», 26–27 мая 2020 г. – Самара: СамГУПС, 2020. – С.222–224.
2. Белов, Д. О. Профессиональная подготовка специалистов транспортной отрасли средствами физической культуры // Наука и образование транспорту. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции. – Самара: СамГУПС. – 2017. – С. 179 – 180.
3. Белов, Д. О. Сущность и структура профессиональной надежности как педагогической категории / Д.О. Белов // Научно-теоретический журнал «Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта». – 2020. - № 7 (185). – С. 45 – 49.
4. Васельцова, И. А., Логинов, Н. В., Черепанова, М. А. Профессиографический анализ деятельности специалистов транспортной отрасли // Наука и культура России. – Самара: 2018. –Т1. – С.251–253.
5. Осадчук, О. Л., Максименко, Л. А. Понятие «надежность» в различных сферах жизнедеятельности человека: философские и этико-психологические аспекты // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 3-1. – С. 167-173.
6. Руднева, Т. И., Овсянникова, М. Н., Огородников, А. В. Профессиональная деятельность в ситуациях риска: коллективная монография. – Сызрань: Ваш Взгляд, 2014. – 323 с.
7. Руднева, Т. И., Стрекалова, Н. Б. Образовательные риски в инновационных условиях педагогической деятельности: монография. – Сызрань: Ваш Взгляд, 2018. – 194 с.
8. Стрижов, Е. Ю. Нравственно-правовая надежность личности: психологическая модель и механизмы развития // Прикладная юридическая психология. – 2009. – №4. – С.7–19.
9. Vasetltsova, I., Belov, D., Zolkin, A. [et al.]. Essence and Structure of Professional Reliability of Railway Transport Specialists // Transportation Research Procedia: 12. 2021. – P. 234-239. – DOI: 10.1016/j.trpro.2022.01.039
10. Vasetltsova, I. A., Loginov, N. V., Zolkin, A. L. [et al.] System of formation of psychophysical potential of transport industry specialists' // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: AmurCon 2021: International Scientific Conference, Birobidzhan, 17-декабря 2021 года. Vol. 126. – Birobidzhan: European Publisher, 2022. – P. 1034-1040. – DOI 10.15405/epsbs.2022.06.114. – EDN CEANZQ.

PROFESSIONAL RELIABILITY AS A KEY CHARACTERISTIC IN THE PERSONALITY MODEL OF A MODERN SPECIALIST

© 2024 D.O. Belov

Daniil O. Belov, Senior Lecturer

Department of "Physical education and sport"

E-mail: d.belov@samgups.ru

Samara State Transport University

Samara, Russia

The post-industrial and digital development of society is characterized by conditions of high variability, uncertainty and chaos. The entry of network technologies and resources into all spheres of life, the technologization of production and management processes create the prerequisites for the emergence of risks of a different nature in all types of professional activities and social relations. This situation complicates the requirements for a modern specialist, requiring them not only to have subject knowledge and professionally oriented competencies, but also to have developed abilities for the

active and transformative development of new techniques and technological solutions, a predictive assessment of possible risks and personal responsibility for the consequences of their choice in non-standard situations. The entry of the digital component is changing the organizational and technological aspects in the field of vocational education, significantly expanding the boundaries of traditional forms of education. The new psychological and pedagogical conditions of the open educational space have an impact on the quality of the educational process and the results of professional training, producing the negative effects of informatization of the education sector and developing the problem of educational risks (vital, psychological, social). The inclusion of the concept of "professional reliability" in the categorical space of pedagogical science is due to its content, which determines the correspondence of the qualities of the subject of professional activity with rapidly changing conditions for the implementation of professional activity. Professional reliability is a key and integrative characteristic in the model of a digital specialist, the content and structural content of which is determined by the specifics and features of a particular professional activity. The structure of professional reliability of specialists in railway transport is represented by a set of motivational-value, activity-technological and reflexive components. Experimental work proved the effectiveness of the developed didactic system for the formation of professional reliability of specialists in railway transport.

Key words: digitalization, educational and professional risks, professional insecurity, didactic system for the formation of professional reliability of specialists in railway transport

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-5-10

EDN: ZJWHAT

1. Belov, D. O., Loginov, N. V., Brodetsky, A. B. Main trends in the development of vocational training in transport universities // "Science and Culture of Russia", XVII International Scientific and Practical Conference "Science and Culture of Russia", May 26–27, 2020 – Samara: SamGUPS, 2020. – P.222–224.
2. Belov, D. O. Vocational training of specialists in the transport industry by means of physical culture // Science and education in transport. Collection of materials of the X International Scientific and Practical Conference. – Samara: SamGUPS. – 2017. – S. 179 – 180.
3. Belov, D.O. Essence and structure of professional reliability as a pedagogical category / D.O. Belov // Scientific and theoretical journal "Scientific notes of the University named after P.F. Lesgaft". – 2020. – No. 7 (185). – S. 45 - 49.
4. Vasel'tsova, I. A., Loginov, N. V., Cherepanova, M.A. Professiographic analysis of the activities of transport industry specialists // Science and Culture of Russia. – Samara: 2018. – T1. – P.251–253.
5. Osadchuk, O. L., Maksimenko, L. A. The concept of "reliability" in various spheres of human life: philosophical and ethical-psychological aspects // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2016. – No. 3-1. – S. 167-173.
6. Rudneva, T. I., Ovsyannikova, M. N., Ogorodnikov, A. V. Professional activity in situations of risk: a collective monograph. – Syzran: Your View, 2014. – 323 p.
7. Rudneva, T. I., Strekalova, N. B. Educational risks in innovative conditions of pedagogical activity: monograph. – Syzran: Your View, 2018. – 194 p.
8. Strizhov, E. Yu. Moral and legal reliability of personality: psychological model and mechanisms of development // Applied Legal Psychology. – 2009. – No. 4. – P. 7–19.
9. Vaseltsova, I., Belov, D., Zolkin, A. [et al.]. Essence and Structure of Professional Reliability of Railway Transport Specialists // Transportation Research Procedia: 12. 2021. P. 234-239. – DOI: 10.1016/j.trpro.2022.01.039
10. Vaseltsova, I. A., Loginov, N. V., Zolkin, A. L. [et al.] System of formation of psychophysical potential of transport industry specialists' // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: AmurCon 2021: International Scientific Conference, Birobidzhan, 17-декабря 2021 года. Vol. 126. – Birobidzhan: European Publisher, 2022. – P. 1034-1040. – DOI 10.15405/epsbs.2022.06.114. – EDN CEANZQ.

УДК 378.4 (Университеты)

К ВОПРОСУ ОБ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАКОПИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОЦЕНИВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ДОСТИЖЕНИЙ СТУДЕНТОВ

© 2024 Ю.В. Гуменникова¹, А.Л. Золкин², Р.Н. Черницына¹

Гуменникова Юлия Валериевна, кандидат физико-математических наук, доцент,
доцент кафедры «Высшая математика»

E-mail: gumennikov@yandex.ru

Золкин Александр Леонидович, кандидат технических наук,
доцент кафедры «Информатика и вычислительная техника»

E-mail: alzolkin@list.ru

Черницына Рузилья Нябиуловна, старший преподаватель кафедры
«Высшая математика»

E-mail: y-abc@mail.ru

¹Самарский государственный университет путей сообщения

²Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 17.01.2024

В статье описывается один из возможных способов решения важнейшей проблемы современного высшего образования в России – низкой мотивации студентов к овладению знаниями, умениями и навыками, необходимыми им в будущей профессиональной деятельности. По мнению авторов, решению обозначенной проблемы может способствовать внедрение в учебный процесс накопительной системы оценивания индивидуальных достижений обучающихся. Такая система оценивания позволяет трансформировать стремление студента получить высокую оценку в осознание им необходимости добросовестной и планомерной работы в течение всего семестра, повышает объективность выставляемой преподавателем оценки, улучшает качество обучения и уровень сформированности профессиональных компетенций. В работе приводится условный пример распределения баллов текущего и итогового контроля в одном семестре изучения математики студентами строительных специальностей в Самарском государственном университете путей сообщения. Для выявления мнения студентов об эффективности применяемой накопительной системы оценивания авторами была разработана анкета. Анкетирование проводилось анонимно, в нем приняло участие 243 человека. Анализ его результатов позволяет утверждать, что большинство опрошенных (около 70%) признают эффективность применения описанной в работе накопительной оценочной системы.

Ключевые слова: оценочные системы, оценочная деятельность преподавателя, накопительная система оценивания, балльно-рейтинговая система, анкетирование, ранжирование

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-11-16

EDN: ZPOAOJ

Введение. Проблемы современного высшего профессионального образования хорошо известны. Это, в частности, разрыв между знаниями, умениями и навыками (ЗУН), получаемыми обучающимися в вузах и потребностями рынка труда; недостаточная ориентированность учебных программ на профессию; низкий уровень школьной подготовки и наличие различных заболеваний (в том числе невротических) у абитуриентов; высокий уровень коррупции в вузах; высокая стоимость обучения; устаревшие педагогические технологии и пр. [1]. Часть этих проблем носит системный характер и требует реше-

ния на уровне государства, другая же часть может быть решена или хотя бы минимизирована каждым отдельно взятым преподавателем. Отсутствие мотивации студентов к получению знаний, овладению умениями и навыками, необходимыми в их будущей профессиональной деятельности, является наиважнейшей проблемой, решить которую может применение преподавателями современных оценочных систем накопительного типа.

История вопроса. Процесс оценивания знаний, умений и навыков, полученных студентом при изучении отдельной дисциплины, является

важной частью педагогического процесса. Оценочная деятельность преподавателя должна быть направлена не столько на контроль успеваемости, сколько на создание условий для развития у обучающихся адекватной самооценки и рефлексии [10]. Различные аспекты оценочной деятельности преподавателей вузов и вопросы повышения качества оценивания рассматриваются в трудах российских ученых. В частности, в работе Н.Н. Кисловой и С.А. Леонова [6] оценка качества образования рассматривается комплексно, освещается вопрос организации внутренней оценки качества образования, ее нормативное и методическое обеспечение. И.А. Васельцова и Л.Н. Черкасова [2] рассматривают деятельность преподавателя и студента в рамках реализации развивающего обучения, указывают основные критерии оценки эффективности качества обучения. А.П. Журавлев в своей работе [5] для повышения качества оценки знаний студентов по иностранному языку предлагает современные технологии организации самостоятельной работы и проведение контрольных мероприятий с использованием специально разработанных заданий, ориентированных на интерактивную работу студентов, исключающую возможность академического мошенничества. Э.А. Хапалажева в статье [11] показывает, что грамотно организованный контроль знаний имеет диагностические, воспитательные и развивающие функции, стимулирует учебную работу студентов, позволяет им своевременно скорректировать свою учебную деятельность, повышает мотивацию к обучению. Е.Н. Рябинова и соавторы [7] показывают роль оценочных процедур для повышения качества математической подготовки обучающихся, приводят результаты педагогического эксперимента, доказывающего эффективность применяемых ими КОМ в динамике. Б.А. Сазонов [8, 9] анализирует практику внедрения балльно-рейтинговых систем (БРС) оценивания достижений обучающихся, показывает их недостатки и преимущества по сравнению с традиционной системой оценивания, отмечает ошибки реализации БРС в российских вузах.

Методы исследования. В работе применялись такие методы педагогического исследования,

как непосредственное наблюдение; анкетирование; ранжирование, компаративный анализ.

Результаты исследования. До недавнего времени в российском образовании оценка достижений обучающихся выставлялась по результатам сдачи ими зачетов или экзаменов. Такая система оценивания имела ряд существенных недостатков, в частности, убеждение студентов в том, что экзамен – лотерея, не могло служить мотивацией к планомерной, регулярной и ответственной учебной работе на протяжении всего обучения. Накопительные системы оценивания (НСО), в отличие от традиционной российской, позволяют решить указанную проблему, то есть трансформировать вполне понятное стремление студента получить высокую оценку в осознание им необходимости добросовестной работы в течение всего семестра. Примером НСО может служить успешно применяемая за рубежом и внедряемая в последнее время в российских вузах БРС оценивания индивидуальных достижений обучающихся, не только обеспечивающая регулярность учебной работы студента и позволяющая справедливо оценивать ЗУН по дисциплинам, но и формирующая значение его рейтинга. Рейтинг студента определяется общим средним показателем успеваемости (ОСПУ) и показывает уровень успешности освоения дисциплин или всей образовательной программы по отношению к максимально возможному значению. ОСПУ является совокупной оценкой изученных с начала обучения дисциплин, он вычисляется в конце каждого семестра, изменяется в процессе обучения и по окончании вуза выступает интегрированной оценкой, учитывающей успешность освоения каждой дисциплины и ее вес в образовательной программе. Рассмотрим подробнее ту часть БРС, которая позволяет оценивать успешность изучения отдельной дисциплины, в частности, математики.

Максимальная оценка в семестре по дисциплине составляет 100 баллов, разделенные на две составные части. Первая часть (60 баллов) позволяет оценить текущую учебную работу студента. В таблице 1 приведен пример распределения баллов по итогам работы в семестре.

Таб. 1. Распределение баллов в семестре
(Distribution of points in semester)

Вид учебной работы	Количество баллов
Посещение занятий	8
Конспектирование лекций	8
Выполнение домашних заданий	15
Выполнение контрольной работы	14
Самостоятельная работа	15

При изучении математики в первом семестре планируется 16 лекций и 16 практических занятий. За присутствие на каждом из них рекомендуется ставить по 0,25 балла. Качественный конспект каждой лекции оценивается в 0,5 балла, правильное и своевременное выполнение одного домашнего задания – в один балл. Контрольная работа содержит 10 заданий, оцениваемых, в зависимости от их сложности, от одного до двух баллов. Очевидно, что для эффективности работы такой системы студенты должны быть подробно ознакомлены с ее правилами на первом же занятии по дисциплине.

Вторая часть (оставшиеся 40 баллов) – оценка ЗУН обучающегося на зачете или экзамене. Билет состоит, как правило, из пяти заданий, правильный ответ на каждый вопрос билета оценивается в восемь баллов. Все полученные студентом баллы в семестре и на экзамене суммируют-

ся и переводятся в общепринятую в России систему оценки: неудовлетворительно, удовлетворительно, хорошо или отлично. Более подробно принципы накопления оценки по дисциплине описаны в работах Ю.В. Гуменниковой и А.Л. Золкина [3, 4]. Приведенная система оценивания является абсолютно прозрачной и понятной для студента, что позволяет ему самостоятельно планировать свои учебные достижения.

В 2023 г. авторами работы был проведен опрос студентов первого и второго курсов строительных специальностей, обучающихся в СамГУПС, с использованием описанной выше технологии оценивания. Для выявления их мнения об эффективности применяемой накопительной системы оценивания была разработана анкета (таб. 2), аналогичная приведенной в работе Р.Н. Черницыной [12].

Таб. 2. Анкета для выявления мнения студентов об эффективности НСО
(Questionnaire to identify students' opinions on the effectiveness of the cumulative assessment system)

№	Вопрос	да	нет	затрудняюсь ответить
1.	Понятны ли Вам принципы НСО?			
2.	Считаете ли Вы, что применение НСО обеспечивает объективность выставяемой преподавателем оценки?			
3.	Считаете ли Вы, что применение НСО способствует повышению выставяемой преподавателем оценки?			
4.	Считаете ли Вы, что НСО способствует планомерной и добросовестной учебной работе в течение всего семестра?			
5.	По Вашему мнению, применение НСО повышает качество обучения?			
6.	Способствует ли применение НСО увеличению времени, выделяемого Вами на самостоятельную работу по математике по сравнению с другими дисциплинами?			
7.	Укажите, сколько часов в неделю Вы тратили на самостоятельную работу по математике.			
8.	Укажите процент посещения Вами занятий по математике.			

Анкетирование проводилось анонимно, в нем приняло участие 243 человека. Ответы студентов

с посещаемостью ниже 50% не учитывались. Ответы на вопросы анкеты оставшимися 164 сту-

дентами распределились следующим образом (таб. 3).

Таб. 3. Результаты анкетирования (Survey results)

№ вопроса	1	2	3	4	5	6	6
да	129	99	99	104	98	87	в среднем 1,45 ч.
нет	12	15	21	5	10	15	
затрудняюсь ответить	23	50	44	55	56	62	

Полученные результаты наглядно подтверждают эффективность НСО для самих обучающихся. Ранжируя вопросы по количеству положительных ответов анкетлируемых, получаем последовательность преимуществ накопительной системы, которая:

- понятна и прозрачна для всех участников образовательного процесса;
- способствует планомерной и добросовестной учебной работе в течение всего семестра;
- обеспечивает объективность выставяемой преподавателем оценки, способствует повышению этой оценки;
- позволяет улучшить качество обучения;
- увеличивает время, выделяемое студентами на самостоятельную работу по математике.

Выводы. Оценочные процедуры являются важной составной частью учебного процесса. Предложенная в работе НСО позволяет трансформировать стремление студента получить высокую оценку в осознание им необходимости добросовестной работы в течение всего семестра, повышает объективность выставяемой преподавателем оценки, улучшает качество обучения и уровень сформированности ЗУН по дисциплине. Результаты анкетирования студентов позволяют утверждать, что большинство опрошенных (около 70%) признают эффективность применения описанной в работе накопительной оценочной системы.

1. Болотов, В. А. Системы оценки качества образования: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, получающих образование по педагогическим направлениям и специальностям / В. А. Болотов, Н. Ф. Ефремова. – М.: Логос, 2007. – 192 с. – ISBN 5-98704-135-X. – EDN QVKNOZ.
2. Васельцова, И. А. Проблемы и основные подходы к оценке качества обучения / И. А. Васельцова, Л. Н. Черкасова // Наука и культура России. – 2022. – Т. 1. – С. 240-241. – EDN RENGZL.
3. Гуменникова, Ю. В. Одна из моделей балльно-рейтинговой системы оценивания знаний бакалавров университета по дисциплине "математика" / Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 79-2. – С. 187-193. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-187-193. – EDN KKVGH0.
4. Гуменникова, Ю. В. Балльно-рейтинговая система оценки знаний студентов вуза по математике / Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова, А. Л. Золкин // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 85. – С. 29-34. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-85-29-34. – EDN NUYAY.
5. Журавлев, А. П. Повышение качества контроля освоения дисциплины "Иностранный язык" в режиме дистанционного обучения: анализ проблемы / А. П. Журавлев // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2021. – Т. 23. – № 77. – С. 28-33. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-77-28-33. – EDN FNFFJG.
6. Кислова, Н. Н. Внутренняя независимая оценка качества образования: формы, нормативное и методическое обеспечение / Н. Н. Кислова, С. А. Леонов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25, № 88. – С. 34-41. – DOI 10.37313/2413-9645-2023-25-88-34-41. – EDN BQUSIH.
7. Рябинова, Е. Н. Оценочные средства как способ повышения качества математической подготовки бакалавров в университете / Е. Н. Рябинова, Ю. В. Гуменникова, Л. В. Кайдалова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2019. – Т. 21. – № 68. – С. 10-15. – EDN XKYSBJ.
8. Сазонов, Б. А. Балльно-рейтинговые системы оценивания знаний и обеспечение качества учебного процесса / Б. А. Сазонов // Высшее образование в России. – 2012. – № 6. – С. 28-40. – EDN OZPHNF.

9. Сазонов, Б. А. Балльно-рейтинговые системы оценивания знаний: особенности российской практики / Б. А. Сазонов // Образование и наука. – 2012. – № 9(98). – С. 15-34. – EDN PGQFDT.
10. Тодис, Л. М. Современные проблемы высшего образования в России и возможные пути их решения / Л. М. Тодис, Т. В. Виноградова, А. С. Андроничева // Современное педагогическое образование. – 2023. – № 3. – С. 78-81. – EDN HWCXES.
11. Хапалажева, Э. А. Организация контроля усвоения знаний и разработка оценочных средств как факторы повышения качества обучения студентов / Э. А. Хапалажева // Педагогика и психология образования. – 2016. – № 4. – С. 83-88. – EDN XVHAFD.
12. Черницына, Р. Н. Апробация технологии организации самообразовательной деятельности студентов / Р. Н. Черницына // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2015. – Т. 17. – № 1-5. – С. 1092-1095. – EDN VUTCAR.

TO THE QUESTION OF THE EFFECTIVENESS OF THE CUMULATIVE SYSTEM OF ASSESSING INDIVIDUAL ACHIEVEMENTS OF STUDENTS

© 2024 Yu.V. Gumennikova¹, A.L. Zolkin², R.N. Chernitsyna¹

*Yulia V. Gumennikova, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Higher Mathematics*

E-mail: gumennikuv@yandex.ru

*Alexander L. Zolkin, Ph.D. (Engineering), Associate Professor
of the Department of Computer Science and Computer Engineering*

E-mail: alzolkin@list.ru

Ruzilya N. Chernitsyna, senior lecturer of the Department of Higher Mathematics

E-mail: y-abc@mail.ru

¹Samara State Transport University

²Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics
Samara, Russia

The article describes one of the possible ways to solve the most important problem of modern higher education in Russia – the low motivation of students to acquire the knowledge, skills and abilities they need in their future professional activities. According to the author, the implementation of a cumulative system for evaluating individual achievements of students in the educational process can contribute to the solution of this problem. Such an assessment system makes it possible to transform the student's desire to get a high grade into an awareness of the need for conscientious and systematic work throughout the semester, increases the objectivity of the teacher's assessment, improves the quality of training and the level of formation of professional competencies. The paper provides a conditional example of the distribution of points of the current and final control in one semester of studying mathematics by students of construction specialties at the Samara State University of Railways. To identify the students' opinion on the effectiveness of the applied cumulative assessment system, the author developed a questionnaire. The survey was conducted anonymously, 243 people took part in it. The analysis of its results suggests that the majority of respondents (about 70%) recognize the effectiveness of the cumulative evaluation system described in the work.

Keywords: evaluation systems, teacher evaluation activity, cumulative evaluation system, point-rating system, questionnaire, ranking

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-11-16

EDN: ZPOAOJ

1. Bolotov, V. A. Sistemy ocenki kachestva obrazovaniya: uchebnoe posobie dlya studentov vysshih uchebnykh zavedenij, poluchayushchih obrazovanie po pedagogicheskim napravleniyam i special'nostyam (Educational quality assessment systems: a textbook for students of higher educational institutions receiving education in pedagogical areas and specialties) / V. A. Bolotov, N. F. Efremova. – Moskva: Logos, 2007. – 192 s. – ISBN 5-98704-135-X. – EDN QVKNOZ.
2. Vasel'cova, I. A. Problemy i osnovnye podhody k ocenke kachestva obucheniya (Problems and main approaches to assessing the quality of education) / I. A. Vasel'cova, L. N. Cherkasova // Nauka i kul'tura Rossii. – 2022. – Т. 1. – С. 240-241. – EDN RENGZL.
3. Gumennikova, Yu. V. Odnа iz modelej ball'no-rejtingovoj sistemy ocenivaniya znaniy bakalavrov universiteta po discipline "matematika" (One of the models of the point-rating system for assessing the knowledge of university bachelors in the discipline "mathematics") / Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra

- Rossiiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2021. – Т. 23. – № 79-2. – С. 187-193. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-79(2)-187-193. – EDN KKVGH0.
4. Gumennikova, Yu. V. Ball'no-rejtingovaya sistema ocenki znanij studentov vuza po matematike (Point-rating system for assessing the knowledge of university students in mathematics) / Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova, A. L. Zolkin // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2022. – Т. 24. – № 85. – С. 29-34. – DOI 10.37313/2413-9645-2022-24-85-29-34. – EDN NUYAYJ.
5. Zhuravlev, A. P. Povyshenie kachestva kontrolya osvoeniya discipliny "Inostrannyj yazyk" v rezhime distancionnogo obucheniya: analiz problemy (Improving the quality of control over the development of the discipline "Foreign language" in the distance learning mode: analysis of the problem) / A. P. Zhuravlev // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2021. – Т. 23. – № 77. – С. 28-33. – DOI 10.37313/2413-9645-2021-23-77-28-33. – EDN FNFFJG.
6. Kislova, N. N. Vnutrennyaya nezavisimaya ocenka kachestva obrazovaniya: formy, normativnoe i metodicheskoe obespechenie (Internal independent assessment of the quality of education: forms, normative and methodological support) / N. N. Kislova, S. A. Leonov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2023. – Т. 25. – № 88. – С. 34-41. – DOI 10.37313/2413-9645-2023-25-88-34-41. – EDN BQUSIH.
7. Ryabinova, E. N. Ocenochnye sredstva kak sposob povysheniya kachestva matematicheskoy podgotovki bakalavrov v universitete (Evaluation tools as a way to improve the quality of mathematical training of bachelors at the University) / E. N. Ryabinova, Yu. V. Gumennikova, L. V. Kajdalova // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2019. – Т. 21. – № 68. – С. 10-15. – EDN XKYSBJ.
8. Sazonov, B. A. Ball'no-rejtingovye sistemy ocenivaniya znanij i obespechenie kachestva uchebnogo processa (Point-rating systems for assessing knowledge and ensuring the quality of the educational process) / B. A. Sazonov // Vysshee obrazovanie v Rossii. – 2012. – № 6. – С. 28-40. – EDN OZPHNF.
9. Sazonov, B. A. Ball'no-rejtingovye sistemy ocenivaniya znanij: osobennosti rossiiskoj praktiki / B. A. Sazonov (Point-rating systems of knowledge assessment: features of Russian practice) // Obrazovanie i nauka. – 2012. – № 9(98). – С. 15-34. – EDN PGQFDT.
10. Todis, L. M. Sovremennye problemy vysshego obrazovaniya v Rossii i vozmozhnye puti ih resheniya (Modern problems of higher education in Russia and possible ways to solve them) / L. M. Todis, T. V. Vinogradova, A. S. Andronycheva // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. – 2023. – № 3. – С. 78-81. – EDN HWCXES.
11. Hapalazheva, E. A. Organizaciya kontrolya usvoeniya znanij i razrabotka ocenochnyh sredstv kak faktory povysheniya kachestva obucheniya studentov (The organization of the control of knowledge acquisition and the development of evaluation tools as factors of improving the quality of students' education) / E. A. Hapalazheva // Pedagogika i psichologiya obrazovaniya. – 2016. – № 4. – С. 83-88. – EDN XVHAFD.
12. Chernicyna, R. N. Aprobaciya tekhnologii organizacii samoobrazovatel'noj deyatel'nosti studentov (Approbation of technology for organizing students' self-educational activities) / R. N. Chernicyna // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossiiskoj akademii nauk. – 2015. – Т. 17. – № 1-5. – С. 1092-1095. – EDN VUTCAR.

УДК 821.133.1 (Французская литература)

ЭВОЛЮЦИЯ ЭПИГРАММАТИЧЕСКОГО ЖАНРА ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБЗОР ИСТОРИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

© 2024 С.Р. Недбайлик¹, Л.Ю. Калинина²

*Недбайлик Сабина Рудольфовна, доцент, кандидат филологических наук,
доцент кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков
E-mail: snedbailik@mail.ru*

*Калинина Лариса Юрьевна, доцент, кандидат педагогических наук,
доцент кафедры дошкольного образования
E-mail: klar1992@gmail.com*

¹Петрозаводский государственный университет
Петрозаводск, Россия

²Самарский государственный социально-педагогический университет
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 10.12.2023

В статье рассматриваются основные направления эволюции эпиграмматического стиля во французской литературе различных исторических периодов. В этой связи проводится диахронический обзор характерных особенностей и проявлений жанра, с акцентированием тесных генетических связей эпиграммы с другими малыми литературными формами, как то: эпитафия, фаблио, элегия, мадригал, фельетон, памфлет и др. Говоря о значимости античных литературных традиций в становлении французского эпиграмматического стиля, автор отдает дань бесспорной самобытности и этнокультурной уникальности наиболее древнего малого жанра - эпитафии, которая формировалась параллельно с эпиграммой на протяжении нескольких веков, в теснейшей взаимосвязи и взаимообусловленности. Именно это и обусловило широкие возможности варьирования функциональных черт и признаков эпиграмматического стиля в более поздние исторические периоды: Средневековья, Ренессанса, Просвещения, Классицизма и т.д. Результаты анализа обширного теоретического и практического материала, проведенного в ходе исследования, дают полное основание полагать, что традиции эпиграмматического стиля, заложенные еще античными авторами греко-римской школы, нашли свое достойное продолжение во французской литературе всех исторических эпох и имеют бесспорную перспективу дальнейшего самостоятельного развития в настоящее время.

Ключевые слова: эпиграмма, жанр, направление, эволюция, форма, сатирический, черта, французская литература
DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-17-29
EDN: AMWWLI

Введение. Как известно, эпиграмма, являясь малой литературной формой, представляет собой краткое и лаконичное стихотворение, отличающееся саркастичной манерой описания окружающей действительности и двухкомпонентной структурой: это сама посылка и противоречащий ей вывод [13, с.236]. В этой связи эпиграммами традиционно называются те произведения, в композиции которых заложена основная и специфическая особенность: контраст между предполагаемым и фактическим, но неожиданным финалом. Иначе говоря, комический эффект в этом случае построен на приеме обманутого ожидания или неожиданной концовки. Причем наиболее ярким признаком этого жанра, помимо

сатиричности и безусловной краткости, можно считать конкретность, связывающую произведение с каким-либо отдельным «случаем», реальным событием или прототипом [13, с. 237]. Вполне понятно, что эпиграмматические произведения, не предполагающие по структуре и композиции никакого противоречия между двумя частями, можно по праву считать нетрадиционными.

История вопроса. Данная тема исследовалась в различных ракурсах в работах российских и зарубежных литераторов, начиная с конца 19-го в. (Е.Д. Анастасьина и Ю.В. Бутыко [1], М.В. Соловьева [14], А.Д. Михайлов [7], К. Gladu [18], Р.М. Smith и С.А. Mayer [20] и др.). Представленный в

них практический и теоретический материал довольно обширен, разнообразен и интересен. Однако далеко не во всех исследовательских трудах четко прослеживается преемственность между историческими периодами формирования эпиграмматического стиля, равно как и генетическая связь между теми или иными малыми формами, зарождение и развитие которых во многом создало предпосылки для последующей эволюции эпиграммы как самостоятельного литературного направления. Необходимость акцентирования этих аспектов и обуславливает актуальность данной статьи.

Методы исследования. В работе используются следующие методы: сравнительно-сопоставительный, описательный; целостного филологического анализа текста, а также стилистического, историко-хронологического и лексико-семантического анализа.

Результаты исследования. Говоря об истории развития французской эпиграммы, необходимо отметить ее тесную связь с развитием самого языка, который прошел в своей исторической эволюции четыре основных периода: старофранцузский, среднефранцузский, ранненовофранцузский и новofранцузский. Вполне очевидно, что каждый из этих периодов имеет свои особенности и характеристики, которые смогли оказать влияние не только на само языковое состояние, но и на многие виды искусства, в том числе литературу. Так, местом рождения и первоначального становления французской эпиграммы можно по праву считать Древнюю Грецию, где появление этого малого жанра (тогда ещё называемого просто «надписью») связывают с распространением первой алфавитной письменности в конце IX - начале VIII вв. до н.э. [16]. Первоначально эпиграммы возникали как надписи на мемориальных предметах, жертвенных треножниках, статуях божества, получая функциональную предназначенность посредников между простыми смертными и Богами. В них обычно сообщалось, кем и когда были воздвигнута стела или установлен алтарь. Позже такие надписи приобрели лексический «декор» и превратились в более подробные рассказы, а иногда и в моралистические рассуждения. Затем их сменили острые жизненно-бытовые зарисовки, этюды и сатирические обобщения. Причем этот переход от собственно надписей к емкому эпиграмматическому стилю происходил относительно быстро. Так, если у

родоначальника жанра Симонида Кеосского (556–468 гг. до н. э.) эпиграмма еще оставалась надписью, то уже у Платона (427–347 гг. до н. э.), Асклепиада Самосского (III в. до н. э.), Каллимаха (310–240 гг. до н. э.) и, наконец, у Мелеагра (I в. до н. э.) этот жанр уверенно прошел первоначальные стадии описания и лирического размышления, во многом сблизившись с элегией [16].

Первым известным сочинителем эпиграмм и эпиграмматических эпитафий по праву считается Симонид Кеосский, признанный мастер хоровой поэзии. Фактически ему приписывают гораздо больше произведений, чем им было сочинено в действительности, но это не преуменьшает его заслуг в создании образа античной поэзии древней Греции. Дальнейшее развитие эпиграммы происходило уже в поэтическом искусстве древнего Рима и тесно связано с творчеством Сенеки, Катулла и Марциала. Причем именно благодаря вкладу Марциала получило развитие то самое сатирическое направление в литературном жанре [5], которое постепенно стало его неотъемлемой чертой. Так, на счету этого прославленного эпиграмматиста Древнего Рима более полутора тысяч произведений, которыми во многом и определялась дальнейшая судьба данного малого жанра. Эпиграмматическая система Марциала оказала решающее воздействие на его развитие, охватив практически все стороны жизни римского общества того времени, а, тем самым, затрагивая самые разные слои населения. Хотя в данный жанр и было привнесено что-то новое в виде сатирических элементов, античная эпиграмма сатирической по преимуществу еще не становилась. Особенно наглядно это проявлялось в эпоху заката Римской империи, когда христианская церковь стала играть главенствующую роль культурно-просветительного центра. Говоря об основных формальных признаках ранней классической эпиграммы, необходимо отметить ее предельную лаконичность и соответствие ритмическим нормам античности, а именно, неизменную форму элегического дистиха [11]. Что касается сатирического характера, то он не являлся характерной чертой этого жанра, хотя уже в то далекое время начинали различаться произведения с лирической и сатирической направленностью. Соотнесенность самого терминопонятия «эпиграмма» с малой формой сатирического содержания закрепились гораздо позже, в новoeвропейской поэзии XVI в. [7]. Приблизительно с VII-VI

вв. до н.э. эпиграмматические надписи и эпиграфы уже отличались излишней эмоциональностью, что, в свою очередь, могло противоречить изначальной простоте текста [19]. Наполнение их комическими чертами имело место под влиянием сатирических ямбов древнегреческих лириков, комедий и фольклора, ритуальных и застольных песен.

В эпоху средневековья интерес к жанру не ослабевал, эпиграммы писали по-латыни и по-гречески, но ещё охотнее авторы переписывали старые вирши, создавая обширные эпиграмматические антологии. Средневековые поэты не хотели выходить за рамки античных традиций, придерживаясь их даже в своих оригинальных произведениях. Вполне очевидно, что в это время сатирическая эпиграмма находилась в состоянии затухания. В начале так называемого нового времени французские поэты, тяготевшие к античным традициям и древним канонам, вынуждены были преодолевать на своем пути инерцию средневекового мышления, а порой даже непристойную грубость народного юмора. В это время эпиграмма переставала быть для них жанром исключительно моралистическим, потому что французскими авторами в нее привносится так называемый «острый галльский смысл». Именно

поэтому многие шутки нередко превращались из нарочито грубых и непристойных, фарсовых в моралистические философские выводы [18]. Обращение поэтов позднего средневековья, Ренессанса к античной эпиграмме было не только одним из симптомов «возрождения классической древности» [7]. В целом, литераторы той эпохи старались и далеко небезуспешно, побороть свою сословную и классовую ограниченность, осознавая право, силу свободного человеческого интеллекта и художественного слова, прекрасно чувствуя и раскрепощая античную идеологию эпиграмматического жанра [3]. Причем первым подлинным мастером французской эпиграммы эпохи Ренессанса можно по праву считать поэта К. Маро (1497–1544), на счету которого около 300 стихотворных миниатюр. Именно этому автору удалось объединить в своем творчестве античный опыт со специфическим галльским юмором, нередко переходящим в пародийность. В поэтическом творчестве К. Маро просматриваются лишь две сквозные темы, одна из которых – любовь. И здесь автор предстаёт характерным поэтом Ренессанса, славящим любовь как естественное человеческое чувство, не признающее никаких преград. Например:

De soi-même

*Plus ne suis ce que j'ai été,
Et plus ne saurais jamais l'être:
Mon beau printemps et mon été
Ont fait le saut par la fenêtre.
Amour, tu as été mon maître,
Je t'ai servi sur tous les Dieux:
Ah! si je pouvais deux fois naître,
Comme je te servirais mieux!* [18, с. 297]

Бесспорной заслугой К. Маро является то, что он создал во французской литературе свой собственный авторский стиль, который позже стал называться его именем – «маротический». Причем наиболее характерные признаки этого стиля – простота и естественность. Внешне простодушные, слегка наивные и меланхоличные эпиграммы поэта, построенные на типично средневековых размерах (десятистолбчатых) и строфике (восьмистишиях и десятистишиях), архаичной лексике, имплицитно несут в себе известный артистизм и изящество [18]. К. Маро был и блистательным зачинателем, хотя поэтам его «школы», к сожалению, не удалось продолжить путь своего

учителя. Это во многом объясняется тем, что эпиграмма тогда ещё только создавала свои новые жанровые характеристики, и далеко не все из них смогли сразу закрепиться. Однако помимо своих бесспорных характеристик – лаконизма и неожиданности развязки – многие произведения того времени уже начинали «обрастать» известной и ярко злободневной сатиричностью. Причем особенностью средневековой сатиры была ее направленность не столько против отдельных личностей, персонажей либо человеческого порока как такового, а скорее против конкретных проявлений порока как реализации некоего неизменного всеобщего зла [19]. Многие

произведения средневековых мастеров слова, таких как Ф. Вийон - Монкорбье (1431-1462), Ф. Рабле (1494-1557) отличались не только сатиричностью, но и известным пародированием, которое, как правило, сводилось к подражанию канонам, повторяя их формальные черты и нередко

преувеличивая их до абсурда. В качестве примера такого пародирования можно привести известное стихотворение Ф. Вийона, написанное им в критический момент жизни, а именно в ночь перед предполагаемой казнью, и поэтому часто называемое «автоэпитафией»:

Quatrain

*Je suis François, don't il me poise,
Né de Paris emprés Pontoise,
Et de la corde d'une toise
Saura mon col que mon cul poise»* [18, p. 234].

*Я Франсуа, чему не рад:
Ведь ждет петля злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.
(Перевод В.В. Левика)*

Нетрудно предположить, что многие авторы в своих пародиях охотно прибегали в комических целях к сарказму и гротеску [14]. Ярким примером тому может служить знаменитое произведение Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», по праву считающееся образцом пародийно-сатирического стиля, характерной чертой которого является прежде всего игровая трансформация как средство переноса сюжетов, тем, идей, персонажей, значений и признаков из одного (кон)текста в другой для достижения нужного комического эффекта [18]. Однако необходимо отметить, что в целом средневековые пародии, как правило, отличались отсутствием целевой направленности на какое-либо литературное произведение или на личный авторский стиль. Протословом в это время становилось проходящее красной нитью через всю средневековую литературу понятие этикетности, которая определяла нормы

поведения героев тех или иных литературных жанров [11]. В то же время многие комедийно-сатирические произведения той эпохи, затрагивая определенные социальные темы, были направлены против определенных социальных и религиозных категорий (сарацины, языческие божества, идолы, догматы мусульманства), а также против нравственных пороков, получивших в средневековом обществе социальный статус (трусость и слабость, жадность монархов, их неблагодарность по отношению к вассалам и др.). Характерным для средневековых авторов-сатириков было и использование в произведениях разных жанров так называемого черного юмора как типа комического, объектом которого выступали физические и душевные страдания, увечья, раны и даже смерть. Ярким примером тому могут служить фрагменты из эпического цикла Г. Оранжского:

*...Mes que mon nez ai
Un peu accourcié
Ge ne sai certes com sera aloignié»* [14, c. 136].

*...Теперь, когда мой нос немного укорочен.
Конечно, я не знаю, как он будет удлинен
(Перевод В.В. Левика).*

*...Mes que mon nes ai un
Poi escorché,
Bien sai mes noms en sera alongiés» [14, с. 138].*

*...Теперь, когда мой нос
Немного ободран,
Я уверен, что имя мое от этого будет удлинено.
(Перевод В.В. Левика)*

Как известно, любое физическое уродство в Средние века считалось достойным осмеяния, так как отражало уродство душевное. Рана Гильома была тем более постыдной, что подобные увечья наносились в качестве наказания разбойникам и преступникам. Причем в данном случае в манускрипте делается явный акцент не на самой ране, а на последующем удлинении имени героя, которого отныне все называли Гильомом Коротконосым (Guillaume au cort nés). Вполне очевидно, что в этой эпической поэме используются элементы не только сатиры, но и черного юмора.

К известным сатирическим произведениям того времени безусловно относится и знаменитый роман Э. Ростана «Сирано де Бержерак», прототипом главного героя которого является знаменитый французский драматург, поэт, писатель и философ. Это имя, непосредственно ассоциируемое как с реальным историческим персонажем, так и с гротескным прототипом, т.е. человеком с

огромным носом, уже давно стало нарицательным. В данной комедийной и одновременно романтической пьесе, сделавшей имя ее автора бессмертным, постоянно соседствуют остроумие, храбрость, робость и беззаветная любовь к женщине. Написанная во время правления Людовика XIII, она рассказывает драматическую историю одного из лучших фехтовальщиков Франции, храброго и умного воина с лицом шута и паяца, трагического поэта, певца безответной любви. Гордый Сирано де Бержерак смело и открыто высмеивает свой физический недостаток – огромный нос, который был в эпоху средневековья таким же символом позора, как и коротконосие Гильома, героя эпического цикла Г. Оранжского [14]. Именно в этом произведении со столь же ярко выраженной пародийно-сатирической составляющей как нельзя более явно проявляются наиболее характерные черты само-иронического стиля. Приведем в качестве иллюстрации несколько цитат, реплик главного героя:

*Un nez!.. Ah! messeigneurs, quell nez que cenez-là!..
On ne peut voir passer un pareil nasi gère
Sans s'écrier: « Oh! non, vraiment, il exagère!» [14, с. 126]*

*Tournez !
Ou dites-moi pourquoi vous regardez mon nez.
Qu'a-t-il d'étonnant?
Est-il mol et ballant, monsieur, comme une trompe?
Ou crochu comme un bec de hibou?
Y distingue-t-on une verrue au bout? [14, с. 119]*

Содержание данных текстовых фрагментов безусловно отмечено не только изрядной долей самоиронии, сарказма, но и определенной гротескностью, что вполне в духе литературного стиля того времени. В целом вопрос о статусе пародийно-сатирической направленности французской средневековой литературы до сих пор не получил однозначного разрешения. Так,

некоторые зарубежные исследователи [18, 19] констатируют явное присутствие отдельных сатирических образов и элементов в эпических поэмах, другие отмечают превалирование пародийно-сатирических пасквилей, памфлетов, адресованных как монархам, так и отдельным представителям монашества. Однако в любом случае все выше означенные тенденции более

чем красноречиво свидетельствуют о явном изменении литературных стандартов, а соответственно, о выдвижении и широком распространении так называемых крупных комедийно-сатирических жанров: пьес, пасквилей, поэм, фавлю, романов и др., что, в свою очередь, немало способствовало «задвиганию на задворки» малых литературных форм и, в частности, эпиграмм. Действительный интерес к эпиграмме вернулся несколько позже, когда того потребовала внутриполитическая обстановка в стране, а именно, решительное размежевание во французском обществе, находящемся в течение тридцатилетия в состоянии непрерывной гражданской войны. Именно тогда эпиграммы стали широко и самым активным образом использоваться в религиозной полемике и политической борьбе. Иначе говоря, Франция XVI в. послужила местом расцвета эпиграмматического стиля в европейской литературе, что впоследствии привело к глобальному распространению этого жанра в других литературных традициях, в том числе, и в восточнославянской [20].

Как известно, эпоха позднего средневековья явилась периодом бурного развития литературно-критической мысли и ожесточенной борьбы литературных взглядов. Причем именно во Франции наиболее ярко обозначился процесс их размежевания, в результате которого главенствующим направлением в культуре и искусстве стал классицизм. На первом плане в это время оказались защитники теории, восходящей к итальянской традиции, но приближенной к практике

французского театра. Молодые писатели-реформаторы, заявившие о себе уже в начале 60-х гг. XVII в. (Ж.Б. Мольер, Н. Буало, Ф. Малерб, Ж. Лафонтен, Ж. Расин), занимали активную позицию защиты независимости художественного содержания как в искусстве театра, так и в литературе в целом [20]. В своих произведениях они фактически не отделяли свою критическую деятельность от художественного творчества, что особенно наглядно проявлялось как в пьесах Ж.Б. Мольера «Смешные жеманницы», «Критика школы жен», «Версальский экспромт» [11], так и в стихотворениях, баснях сатирических посланиях, пародиях целого ряда авторов. Не остались в «великое столетие» на периферии и малые литературные жанры. Причем, вопреки бытующему суждению о том, что эпиграммы и эпиграмматические эпиграфмы пребывали в то время в «хаотическом состоянии», необходимо отметить, что именно тогда эпиграмматическое искусство пышно расцветало, оттачивая свои приемы, привлекая постоянное внимание значительных поэтов, как то: П. Корнель, П. Скаррон, Ф. Менаж, Ж. де Лафонтен и др. Так, французский поэт-реформатор Н. Буало (1636–1711) написал более трех десятков посвящений, памфлетов, пародий, стихотворений в эпиграмматическом жанре, придерживаясь в своих работах безусловной краткости и остроумия, не вдаваясь в иные детали. Автор отмечал неизбежное проникновение стихии шуток и каламбура и в другие литературные жанры, что можно проследить на примере одного из его произведений:

Épigramme

*L'Épigramme, plus libre en son tour plus borné,
N'est souvent qu'un bon mot de deux rimes orné.
Jadis, de nos auteurs les pointes ignorées
Furent de l'Italie en nos vers attirées.
Le vulgaire, ébloui de leur faux agrément,
À ce nouvel appât courut avidement.
La faveur du public excitant leur audace,
Leur nombre impétueux inonda le Parnasse.
Le madrigal d'abord en fut enveloppé;
Le sonnet orgueilleux lui-même en fut frappé;
La tragédie en fit ses plus chères délices;
L'élégie enornases douloureux caprices;
Un héros sur la scène eut soin de s'enparer,
Et, sans pointe, un amant n'osa plus soupirer
On vit tous les bergers, dans leurs plaints nouvelles,*

Fidèles à la pointe encor plus qu'à leurs belles [19, с. 256].

Именно афористичность, краткость, точность мысли, образность и изящество слога сделали многие пародии и эпиграммы Н. Буало подлинными шедеврами литературного творчества, значимыми историческими документами, не потерявшими своей ценности и поныне. Причем эти качества были в большей или меньшей степени присущи многим другим литературным произведениям той эпохи. Нетрудно предположить, что именно в рамках направления классицизма, с его идеями подражания античности, культом барокко, были созданы оптимальные условия для расцвета эпиграммы как малой формы, которая постепенно обретала свои наиболее характерные черты [11]. Теперь этот жанр как чисто сатирический становится весомым и незаменимым оружием в литературных, политических дебатах, закулисных играх. Недаром великий просветитель Ш.А. Монтескье [18] называл эпиграммы «маленькими отточенными стрелками, наносящими глубокие и неизлечимые раны». Причем в XVII в. эпиграмма была уже рассчитана на определенный круг читателей или слушателей, получая все более широкое распространение. Однако если авторы-сатирики более раннего времени публиковали свои произведения, предназначенные для узкого круга ценителей, то теперь они выходят в свет лишь в устной либо рукописной форме [11].

В это время можно говорить, по крайней мере, о нескольких направлениях в развитии эпиграмматического жанра во французской литературе [7]. Во-первых, речь идет о бытовой эпиграмме, осмеивающей мнимую честность судей, ханжество монахов, пустословие адвокатов, шарлатанство врачей, кичливость новоиспеченных дворян-нуворишей и т.д. Во многом эти темы пришли из предыдущего столетия, как и соответствующие им формы сторонников К. Маро [19]. Во-вторых, это эпиграмма политическая. Поскольку

данная эпоха была веком ожесточенной борьбы, продолжительных войн и народных бунтов, на все эти события французские поэты откликались быстро, смело, остроумно, причем некоторые литературные формы стали предметом самого широкого общественного интереса. Вполне очевидно, что в этот ряд попала и эпиграмма. Ни одно вызывавшее интерес литературное произведение эпохи, будь то роман, поэма или трагедия, не оставалось без эпиграмматического вступления [20]. Нетрудно предположить, что XVII в. не создал эпиграмматического канона как такового: сам жанр всё ещё оставался в большей степени формально периферийным и не «делал» литературу, лишь содействуя ее дальнейшему становлению и развитию. В то же время, эпиграмма во многом сформировала общественное мнение и повлияла на вкусы как авторов, так и читателей, что вполне объяснимо. Ведь она не была отгорожена от других жанров непреодолимой стеной, а, наоборот, тесно соприкасалась с другими сатирическими жанрами и формами, например, с комедией [3].

Любая литературная эпоха, как правило, не укладывается в жесткие хронологические рамки века, а смена стилей никогда не происходит однажды и вдруг. Именно так век Людовика XIV неоправданно перешагнул в XVIII столетие. Вероятно, поэтому и первые эпиграмматисты эпохи Просвещения творили еще в духе и во вкусе предшествующей эпохи [18]. Таковы были эпиграммы Ф.М. Вольтера, Д. Дидро, Ж.Ж. Руссо, не оставивших своим вниманием этот «боевой» сатирический жанр. Причем первым в ряду эпиграмматистов «века Разума» можно смело назвать Ж.-Ж. Руссо (1671–1741), который решительно вернулся к традициям своего знаменитого предшественника К. Маро, его излюбленным формам, строфам, размерам:

*Ci gît l'auteur d'un gros livre
Plus embrouillé que savant.
Après sa mort il crut vivre,
Et mourut dès son vivant* [18, с. 237].

XVIII столетие часто называют «веком без поэтов», что вполне объяснимо: эпиграммы в это время писали все – политические деятели и негодяны, военачальники и ученые, принцы крови и простые буржуа. Но, прежде всего, этим,

конечно, «грешили» литераторы. Помимо Ж.Ж. Руссо, Ф. М. Вольтера, стилизаторов и подражателей, среди эпиграмматистов первой половины и середины века присутствуют также такие мастера художественного слова, как А. Пирон (1689–1773)

и Ж. Грекур (1683–1743). Все они в той или иной мере продолжают стилизаторско-архаизирующую линию великих просветителей – сатириков [19]. Впрочем, необходимо отметить, что некоторые из них, например, Ф.М. Вольтер, любили эпигramму более короткую и злую, хотя не

проходили мимо стихотворений в духе античных антологий. Причем более всего изобретательность Ф.М. Вольтера проявлялась в эпиграммах «на лица», в чем можно легко убедиться на следующем примере:

*En deux mots voulez-vous distinguer et connaître
Le rimeur dijonnais et le parisien?
Le premier ne fut rien ni ne voulut rien être.
L'autre voulut tout être et ne fut Presque rien [19, с. 281].*

К следующему поколению поэтов-эпиграмматистов бесспорно принадлежит знаменитый П.-Д. Экушар-Лебрэн (1729–1807), самый крупный представитель жанра и в какой-то мере его теоретик. Доживший до времен Империи и не очень державшийся за свои убеждения – он был и весьма умеренным роялистом, и жесточенным

республиканцем, и пылким бонапартистом, – П.-Д. Лебрэн завершает эволюцию эпиграммы XVIII в. [20]. Стремясь к лаконичности, поэт особенно заботился о неожиданности концовки, вот почему его эпиграммы стали своеобразным эталоном, и им так охотно подражали многие поэты того времени. Например:

Совет некоей даме

*Все знают, что у Вас, Аглая,
Есть ум и доброта, и стать.
Но берегитесь, дорогая,
Так часто это повторять [7, с. 184].
(Перевод В.В. Левика)*

Вполне очевидно, что юмористический эффект в данном случае полностью построен на приеме так называемого обманутого ожидания.

Несмотря на высокое качество сатирических миниатюр поэта, многие исследователи [7, 14, 15, 20] отмечают, что именно на П.-Д. Лебрэн-Пиндаре заканчивается золотой век французской эпиграммы. Ведь под пером этого мастера слова из французских эпиграмм и эпиграмматических эпиграмм того времени начала исчезать сюжетность, а, соответственно, сужались побудительные причины создания остроумных виршей и, вслед за ними, сфера их распространения [7].

Во второй половине XVIII в. в сатирических произведениях некоторых французских поэтов вновь возникают дидактизм, навязчивое морализирование, в то время как другие жанровые контуры эпиграммы неизбежно смазываются, что приводит к ее постепенному смыканию с басней [3]. В итоге эпиграмматический жанр постепенно приходит в упадок. Так, если период Революции оставил ряд остроумных, метко бьющих в цель

стихотворений, то антинаполеоновская эпиграмма уже поражает своей явной сатирической «беспомощностью» [18]. О том значении, которое имела эпиграмма для Франции XVIII в., говорит, например, английский писатель и историк Т. Карлейль (1795–1881), окрестивший Францию этого периода «страной деспотизма, украшаемого эпиграммой» [19, с.145]. Воистину, это определение как нельзя более ярко характеризует особенности социально-политической обстановки в стране того времени, а именно, значительную сословную разобщенность, внутренние раздоры и противоречия, классовый антагонизм, что неизбежно находило отражение в творчестве литераторов.

В XIX в. эпиграмма не исчезает как малая форма во французской литературе, но резко сужает сферу своего обращения, являясь интересной и понятной лишь узкому кругу читателей, вне которого она фактически мертва. Сам жанр становится малозаметным, и большие мастера обращаются к нему очень редко, и то лишь в часы

досуга и по личным поводам. Тем не менее в это время продолжают появляться остроумные и резкие по направленности, лаконичные сатирические произведения, равно как и убежденные сторонники малых форм, подобно Ш. Мольво (1776–1844) [20]. Фактически эпиграмма во многом уходит в политическую сатиру, а её публицистические возможности резко возрастают за счёт слияния с энергетикой фельетона. Причем образцы жанра часто живут в людях анонимно, поскольку

мишенью их является сам монарх со своими царедворцами, включая министров. Соответственно, в сатирических произведениях этого времени всё больше резко обличительных, крамольных эпитетов и гротескной деформации предмета. Ярким тому примером является творчество революционного поэта-песенника, эпиграмматиста П. Ж. Беранже, который создал множество острых сатирических песен, направленных против монархии и ее устоев. Например:

*Расширять не думал царства
И превыше всех побед
Ставил счастье государства.
Слез народ при нем не знал.
Лишь как умер он, — взрыдал
Стар и мал... [19, с. 65].
(Перевод И.Ф. Тхоржевской)*

Нетрудно заметить, что в поэтике явно проглядываются элементы политической сатиры, окончательно сформировавшейся как литературное направление уже в конце XIX -XX вв.

В целом же следует признать, что во второй половине XIX в., по выражению известного исследователя М.И. Гиллельсона [1, с. 183], «существовали единичные, разрозненные выстрелы, а с середины 1830-х до середины 1850-х гг. эпиграмма «присмирела» и ждала подходящего часа, чтобы обрести второе дыхание». Но и когда оно появилось, жанр эпиграммы, всё теснее примыкая к памфлету, не совершил принципиальных открытий – сохранялась ориентация на авторский стиль поэтов эпохи Просвещения и начала столетия [14]. Соответственно, можно утверждать, что эпиграмматические произведения «в чистом виде» почти повсеместно уходят с широкой поэтической арены. В массовой печати, в газетах и

журналах их вытесняют памфлет, фельетон, карикатура. Именно в этой связи некоторые российские и зарубежные литературоведы-историки [1] провозглашают XIX столетие эпохой решительного заката эпиграмматического стиля во французской литературе, однако, в то же время, многие исследователи этого малого жанра [3,7,18] продолжают утверждать, что эпиграмма не исчезла, как таковая, но значительно обновилась, перейдя в иное качество. Причем во французской поэзии того времени появляется новый вид эпиграммы – экспресс-басня [20]. Согласно данным антологии Б. Лоррена [20], среди ведущих мастеров экспресс-басни можно назвать таких авторов, как А.Г. Виллар (Вилли), (1859–1931), А. Алле (1854–1905) и др. Большинство эпиграмм этого типа строится на игре слов (каламбурах), деструкции фразеологизмов, богатых и нестандартных рифмах, например:

*La bonne de Gaston mentait si tellement,
Que le pauvre aimait mieux trancher sa destine [18, с. 347].*

Говоря о литературном наследии Франции XX в., необходимо отметить, что в эпиграмму в это время активно проникает так называемый черный юмор, или злой смех [20], который появился еще в сатирической литературе средневековья, неизбежно принося с собой сарказм и гротеск. Вполне очевидно, что действительность в таком свете предстает крайне негативно. В этой связи нельзя не упомянуть о творчестве французских

символистов конца XIX в.: Ш. Бодлера (1821–1867); А. Рембо (1854–1891), П. Верлена (1844–1896), С. Малларме (1842–1898), заслуживших особенностями своего стиля яркое название «проклятых поэтов» (les poètes maudits). Причем особого внимания среди этих мастеров поэтического слова заслуживает Ш. Бодлер. Именно его лирика, постоянно окрашенная в пессимистические, трагические тона, несущая на себе неизменную

печать безысходности, саркастические (авто)эпиграммы и пародии, написанные на злобу дня, знаменитые стихи в прозе до сих пор поражают читателей своей экспрессивностью, эмоциональностью, предельной остротой.

Именно такой стиль, присущий в той или иной степени большинству поэтов-символистов конца XIX в., можно условно обозначить термином «черный юмор». Вполне очевидно, что столь устойчивая общая пессимистическая и даже трагедийная направленность поэтического искусства того времени не могла не повлиять на особенности формирования и дальнейшего развития эпиграмматического стиля, который активно впитывал в себя все происходящие изменения и вынужденно отвечал навязываемым извне трендам. Все это особенно ярко сказалось на творчестве поэтов-сатириков XX в., в ряду которых можно назвать таких блестящих и всемирно известных мастеров слова, как Ж. Превер (1900-1977), М. Карем (1899-1978), Ж. Эйкард, Л. Арагон и др., чьи произведения нередко отличаются тонкой ироничностью, нестандартностью сюжетов, сатиричностью, яркостью образов и красок.

Выводы. Изучение многовековой истории развития малого жанра дает возможность определить следующую закономерность: практически каждый век, а иногда и несколько веков, выводили на авансцену автора очередной антологии эпиграмм и эпиграмматических эпитафий, причем из раза в раз создатели таких «гербариев» публиковали и публикуют свои собственные поэтические творения, как правило, включая их в общие хронологические рамки того или иного исторического периода. Каково же место эпиграмм, по-прежнему остающихся самыми малыми из известных людям форм, в современной французской литературе? Вполне очевидно, что сам жанр как таковой постепенно нивелируется, и с этим трудно спорить. Его сегодняшними модификациями можно признать так называемые авторские сатирические двух-трехстрочники, периодически появляющиеся в Интернет-

пространстве и пользующиеся популярностью среди умной и весьма развитой молодежи. Их называют «порошками». Они имеют нестандартную метрическую структуру, композицию, часто пишутся белым стихом и сопровождаются яркими карикатурами. Вполне очевидно, что это продукт меняющихся литературных норм, стандартов и канонов, отвечающих духу времени, неизбежно деформирующего классические традиции и эталоны. Однако их популярность убеждает в том, что рифмоплетство – это и поныне очень полезное увлечение, свойственное не только подросткам или уникам. Лучшие из этих стихов, как правило, анонимных, прекрасно сохраняются в социальной сети благодаря своим гибким, легко подгоняемым размерам, отсутствию пунктуации. Такие подражания эпиграмматическому стилю имеют явную ироническую и пародийно-сатирическую направленность и вызывают неизменный интерес Интернет-пользователей, составляя определенный тренд в современном стихотворчестве.

В целом же необходимо отметить, что при всей бесспорности древнегреческого происхождения эпиграмматического жанра, его стилевые особенности настолько тесно пересекаются с острым и тонким галльским юмором, что родиной эпиграммы вполне можно считать Древнюю Францию. Последующее нивелирование эпиграммы как малого жанра во французской литературе во многом обусловлено текущими социально-политическими изменениями. Наиболее опасным врагом так называемой «чистой» эпиграммы можно смело считать расширение демократических свобод – мнений, вероисповедания, самовыражения, а также развитие периодической печати, телевидения, интернет-технологий. О том, сумеет ли эпиграмматический стиль возродиться как таковой и вернуть себе прежние позиции в литературе, рассуждать можно долго, но очевидно одно: исторически эпиграмма заметно повлияла на развитие многих малых и больших сатирических жанров.

1. Анастасьина, Е. Д., Бутыко, Ю. В. Французская эпиграмма XVI-XVIII вв.: историко-лингвистический аспект // Верхневолжский филологический вестник. – Волгоград, 2017. – № 2. – С. 55-58.
2. Брагинская, Н. Б. Эпитафия как письменный фольклор. Текст: семантика и структура. – М., 1983. – С. 119-139.
3. Гарачковская, О. А. Эпиграмма и пародия: проблема разграничения литературных жанров // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 4-1. – С. 337-341.
4. Горностаева, Н. А. Эпитафия как отражение отношения общества к смерти (на материале англоязычных эпитафий) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – № 1-2. – С. 136-138.

5. Марциал, М. В. Эпиграммы / сост. и пер. Ф.А. Петровского. – М.: АСТ, 2000. – 447с.
6. Мельцер, Р. И., Недбайлик, С. Р. Эпиграммы как малый литературный жанр: обзор античных традиций // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (41). – С. 139– 144.
7. Михайлов, А. Д. Три века французской эпиграммы // Французская классическая эпиграмма / сост. и пер. В. Васильева. – М.: Просвещение, 1979. – С. 5–38. [Электронный ресурс]. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/franciya/mihajlov-tri-veka.htm> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Мучник Евгений // Ironic [Электронный ресурс]: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс / Текст]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/>. дата обращения: 10.12.2023).
9. Несмеянов, А. В. Эпиграмма как особый тип оценочного высказывания // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – С.-П., 2007. – Т. 17. – № 43–1. – С. 238– 241.
10. Петровский, Ф. А. Эпиграмма // История греческой литературы. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 3. – С. 118–146.
11. Пронин, В. А. Теория литературных жанров: Учебное пособие. – М.: Изд-во МГУП, 1999 – 196 с.
12. Рыбакова, А. А. Экспрессивно-семантическая структура двустрочных эпиграмм XVIII - XIX вв. и языковые средства комизма // Сб. «Наука. Инновации. Технологии». – М., 2007. – № 53. – С.168–171.
13. Словарь древней и новой поэзии / сост. Н. Ф. Остолопов. – СПб: Типография Император. Рос. Акад., 1821. – Ч. 1. – 534 с.
14. Соловьева, М. В. Элементы комического во французском эпосе и проблема жанровых транспозиций (на материале цикла Гильома Оранжского).– СПб: Изд.-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. –164с.
15. Французская классическая эпиграмма/[сост.] и пер. В. Васильева. – М.: Художественная литература, 1979. – 431 с.
16. Чистякова, Н. А. Греческая эпиграмма. – СПб.: «Наука», 1993. – С. 325– 365.
17. Эпиграмма // Антология сатиры и юмора России XX в.– М.: Эксмо, 2005. – Т. 41.– 382 с.
18. Gladu, K. La grandeur des petits genres. L'esthétique rococo à l'âge de la galanterie. Hermann, « Les collections de la République des Lettres». – P., 2019. – 340p.
19. Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Электронный ресурс]. – URL: <http://ironicpoetry.ru> (дата обращения: 10.12.2023).
20. Smith, P. M., Mayer, C. A. La première épigramme française: Clément Marot, Jean Bouchet et Michel d'Amboise. Définition, sources, antériorité // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – P. Librairie Droz, 1970. – Vol.32. – N. 3. – P.579–602.

EVOLUTION OF THE EPIGRAMMATIC GENRE IN FRENCH LITERATURE: A REVIEW OF HISTORICAL TRADITIONS

© 2024 S.R. Nedbaylik¹, L.Yu. Kalinina²

Sabina R. Nedbaylik, PhD in Philology,

Associate Professor of the Department of German and French of The Institute of Foreign Languages

E-mail: snedbailik@mail.ru

Larisa Yu. Kalinina, PhD in Pedagogical Sciences,

Associate professor of the Department of Preschool Education

E-mail: klar1992@gmail.com

¹Petrozavodsk State University

Petrozavodsk, Russia

²Samara State University of Social Sciences and Education

Samara, Russia

This article regards main trends of epigrammatic style evolution in French literature of different periods. In this connection a diachronic review of the genre specific features and manifestations is carried out with accentuating close genetic links of the epigram with other small literary forms such as: epitaphs, fabliaux, elegies, madrigals, feuilletons, pamphlets, etc. Speaking about the significance of ancient Greco-Roman literary traditions in French epigrammatic style formation, the author pays tribute to the indisputable ethnic originality and uniqueness of ancient small genres: epitaphs and epigrams, the most characteristic features of which were formed in parallel, in rather close interaction and interdependence over many centuries. This is the very factor that stipulates great possibilities for varying the functional features and characteristics of the epigrammatic style in later historical periods: the Middle Ages, Renaissance, Enlightenment, Classicism,

Symbolism. The results of vast theoretical and practical material analysis fulfilled in the frame of research give full grounds to assume that the epigrammatic style traditions, laid down by the ancient authors of the Greco-Roman school, have found their worthy continuation in French literature of all historical epochs and have doubtless prospects of further independent development nowadays.

Key words: epigram, genre, trend, evolution, form, satirical, feature

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-17-29

EDN: AMWWLI

1. Anastas'ina, E. D., But'ko, Iu. V. Frantsuzskaia epigramma XVI-XVIII vv.: istoriko-lingvisticheskii aspekt (French epigram of the 16th-18th centuries: historical and linguistic aspect) // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. – Volgograd, 2017. – № 2. – S. 55–58.
2. Braginskaia, N. B. Epitafii kak pis'mennyi fol'klor. Tekst: semantika i struktura (Epitaph as written folklore. Text: semantics and structure). – M., 1983. – S. 119–139.
3. Garachkovskaia, O. A. Epigramma i parodiia: problema razgranicheniia literaturnykh zhanrov (Epigram and parody: the problem of distinguishing literary genres) // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2014. – № 4-1. – S. 337–341.
4. Gornostaeva, N. A. Epitafii kak otrazhenie otnosheniia obshchestva k smerti (na materiale angloiazychnykh epitafii) (Epitaph as a reflection of society's attitude towards death (based on the material of English-language epitaphs)) // Izvestiia Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. – 2011. – T. 13. – № 1–2. – S. 136–138.
5. Martsial, M. V. Epigrammy (Epigrams) / sost. i per. F. A. Petrovskogo. – M.: AST, 2000. – 447 s.
6. Mel'tser, R. I., Nedbailik, S. R. Epigrammy kak mali literaturnyi zhanr: obzor antichnykh traditsii (Epigrams as a small literary genre: a review of ancient traditions) // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 1 (41). – S. 139–144.
7. Mikhailov, A. D. Tri veka frantsuzskoi epigrammy // Frantsuzskaia klassicheskaia epigramma (Three centuries of the French epigram // French classical epigram) / sost. i per. V. Vasil'eva. – Moskva: Izdatel'stvo Prosveschenie, 1979. – S. 5–38. [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://17v-euro-lit.niv.ru/17v-euro-lit/articles/franciya/mihajlov-tri-veka.htm> (data obrashcheniia: 10.12.2023).
8. Muchnik Evgenii // Ironic: ironicheskaia i iumoristicheskai poeziia (Ironic: ironic and humorous poetry) [Elektronnyi resurs / Tekst]. – URL: <http://ironicpoetry.ru/authors/muchnik-evgeniy/> (data obrashcheniia: 10.12.2023).
9. Nesmeianov, A. V. Epigramma kak osobyi tip otsenochnogo vyskazyvaniia (Epigram as a special type of evaluative statement) // Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena. – S.-P., 2007. – T. 17. – № 43-1. – S. 238–241.
10. Petrovskii, F. A. Epigramma (Epigram) // Istoriia grecheskoi literatury. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – T. 3. – S. 118–146.
11. Pronin, V. A. Teoriia literaturnykh zhanrov: Uchebnoe posobie (Theory of literary genres: Textbook). – M.: Izd-vo MGUP, 1999 – 196 s.
12. Rybakova, A. A. Ekspressivno-semanticheskaia struktura dvustrochnykh epigramm XVIII - XIX vv. I iazykovye sredstva komizma (Expressive-semantic structure of two-line epigrams of the 18th - 19th centuries. and linguistic means of comedy) // Sb. «Nauka. Innovatsii. Tekhnologii». – M., 2007. – № 53. – S. 168–171.
13. Slovar' drevnei i novoi poezii (Dictionary of ancient and modern poetry) / sost. N. F. Ostolopov. – SPb: Tipografiia Imperator. Ros. Akad., 1821. – Ch. 1. – 534 s.
14. Solov'eva, M. V. Elementy komicheskogo vo frantsuzskom epose i problema zhanrovnykh transpozitsii (na material tsikla Gil'oma Oranzhskogo) (Elements of the comic in the French epic and the problem of genre transpositions (on the material of the cycle of Guillaume of Orange). – SPb: Izd.-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. – 164 s.
15. Frantsuzskaia klassicheskaia epigramma (French classical epigram) / [sost.] i per. V. Vasil'eva. – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1979. – 431 s.
16. Chistiakova, H. A. Grecheskaia epigramma (Greek epigram). – SPb.: «Nauka», 1993. – S. 325–365.
17. Epigramma // Antologiiia satiry i iumora Rossii XX v. (Epigram // Anthology of satire and humor of Russia in the 20th century). – M.: Eksmo, 2005. – T. 41. – 382 s.
18. Gladu K. La grandeur des petits genres. L'esthétique rococo à l'âge de la galanterie. Hermann, « Les collections de la République des Lettres». – P., 2019. – 340 p.
19. Ironic: ироническая и юмористическая поэзия [Elektronnyi resurs]. – URL: <http://ironicpoetry.ru> (data obrashcheniia: 10.12.2023).

20. Smith, P. M., Mayer, C.A. La première épigramme française: Clément Marot, Jean Bouchet et Michel d'Amboise. Définition, sources, antériorité // Bibliothèque d'Humanisme et Renaissance. – P. Librairie Droz, 1970. – Vol.32. – N. 3. – P. 579–602.

УДК 821.161.1 (Русская литература)

АНТОНИМИЯ КАК СУБСТАНЦИЯ КОМИЧЕСКОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

© 2024 М.М. Халиков

*Халиков Магомед Магомедович, доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой лингвистики*

E-mail: magomed_samara@mail.ru

*Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия*

Статья поступила в редакцию 12.02.2024

В статье феномен комического в произведениях Ф.М. Достоевского исследуется в отдельно взятом частном аспекте его инструментального обеспечения – как явление, основанное на разнообразных способах и ракурсах контекстной актуализации общезыковой категории семантической противоположности (лексической антонимии). Комическое в творчестве писателя выступает как антитеза трагическому и в сюжетно-повествовательном взаимодействии с ним. Отмечается особая конструктивная роль антонимии в организации семантического пространства произведений писателя. Показано, что в рамках задачи формирования текста инновационного типа писатель при создании комического отдает предпочтение контекстуальной антонимии и явлениям синтаксической нерегулярности. Обосновывается тезис о комическом как комплексном полифункциональном прагматическом знаке. Раскрывается продуктивная роль языковых коннотаций в комических контекстах, построенных на категории семантической противоположности. Как особый прием структурирования комического демонстрируется возможность антонимического замещения в составе узуальной идиоматической синтаксической группы. Представлена техника генерирования комического на базе антонимии путем организации взаимодействия между вербальной и сюжетно-событийной субстанцией текста в произведениях писателя. В качестве отдельного структурного варианта комического выделяется прием антонимизации актуальной языковой семантики и пресуппозиций. В заключении делается вывод о правомерности и обоснованности выделения и научно-дискурсивной актуализации данного частного аспекта функционирования антонимии в произведениях Ф.М. Достоевского как исследовательской задачи в рамках фундаментальной традиционной проблемы «язык и стиль писателя».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, антонимы, комическое, комплексный прагматический знак, узуальная и контекстная семантика, коннотации

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-30-39

EDN: AMXWMG

Введение. Концептуализация интеллектуальной личности Ф.М. Достоевского происходит в значительной степени под влиянием известного его портрета, выполненного В.Г. Перовым в ходе непосредственного общения с писателем в домашней обстановке. Явленный в нем визуально-психологический образ классика русской литературы на чисто исключает мысль о возможности комического в его творчестве. Между тем смеховое изображение действительности является одним из примечательных, хотя и не самых характерных, свойств художественно-литературной индивидуальности писателя. Представляется любопытным попытаться высказаться об этой стороне творческого наследия писателя в ракурсе другой особенности его произведений, значи-

тельно более релевантной для характеристики его художественно-словесного метода, – тяготения к контрастно-антитезному изображению литературных персонажей и социальной действительности. Последнее предполагает частотность употребления антонимов и других ресурсов языка, формирующих в совокупности семантическое поле репрезентации категории противоположности – одной из ведущих когнитивно-операциональных моделей в рефлексивной и коммуникативной практике человека, – естественным образом проникающей в разнообразии способов реализации в произведениях словесного искусства. Предпринятый ниже анализ представляет собой попытку решения частной исследовательской задачи, относящейся к об-

ширной проблемной области «язык и стиль писателя».

Методы исследования. Контекстный анализ, предельно деликатный и академичный, является основным методом исследовательской работы с произведениями выдающихся писателей. Тексты – единственная эмпирическая реальность, с которой имеет дело ученый, его задача – рассматривать речевую субстанцию текста не только в аспекте взаимодействия элементов ее внутренней структуры, но и как составляющую макроконтекста, структурируемого на трех уровнях: произведение в целом, все творчество писателя, духовно-интеллектуальная жизнь эпохи. Контекстная семантика и прагматика произведения образуют особую идиостилистически маркированную системность, которую необходимо рассматривать в проекции на систему узуральной семантики и прагматики языка. Поэтому важное значение имеет работа с лексикографическими источниками, сравнительный анализ текстовых данных и коррелирующих с ними системно-языковых явлений. О проникновении в ментальный и художественный мир писателя можно говорить только в вероятностном и редуцированном смысле, что предполагает применение метода моделирования и метода рефлексии над ходом развития собственного дискурса исследователя.

История вопроса. Релевантные для данного исследования три предметно-проблемные области – художественно-языковой мир Ф.М. Достоевского, комическое в художественной литературе, лексическая антонимия – по отдельности изучаются давно и весьма интенсивно; каждая из них входит в общелингвистическую парадигму в качестве масштабной и самодостаточной сферы научного производства и представлена практически необозримым количеством опубликованных результатов исследования. Новым в данной работе является комплексный подход, интегральный по отношению к трем указанным выше фундаментальным проблемно-исследовательским задачам. Публикации с аналогичной предметно-целевой фокусировкой не были обнаружены.

Результаты исследования. На стыках проблемных областей науки расширяются горизонты познавательной деятельности, происходит переформатирование исследовательского дискурса, по-новому акцентируются старые и возникают новые исследовательские задачи. Выделяемое в данной публикации проблемное поле – комическое на основе антонимии как феномен

идиостиля писателя – предоставляет возможность поливариантной организации научного процесса: могут применяться разнообразные концептуально-методологические платформы; формирование эмпирической базы может происходить на различных основаниях; структура и иерархия исследовательских задач может варьироваться и т.д. Представленные ниже наблюдения и аналитические высказывания отражают авторскую трактовку заявленной исследовательской задачи.

Комическое как антитеза трагическому. Комическое играет существенную функциональную роль в создании портретной галереи персонажей и выстраивании сюжетно-событийной динамики произведений Ф.М. Достоевского. В этой связи необходимо отметить прежде всего, что отдельные его произведения целиком построены на идее карнавално-смехового изображения действительности: «Дядюшкин сон»; «Село Степанчиково и его обитатели»; «Зимние заметки о летних впечатлениях». Кроме того, обращает на себя внимание, что в словесной субстанции произведений писателя регулярно встречается и в колоритном разнообразии представлена лексика, относящаяся к понятийному полю смеха/комического [7, с. 15]. Еще одно лингвистическое проявление комического у писателя – наделение целого ряда персонажей фамилиями, само звучание которых вызывает улыбку и производит эффекты метасемиотического плана: Видоплясов, Фердыщенко и др.

Примечательно и то, что комическое появляется в текстах писателя не только как особый прагматический аспект их содержания, но и в образе метатекстового элемента, характеризующего способ художественно-словесной репрезентации содержания – интересующая нас концептная лексема довольно часто и в разных морфологических статусах возникает в произведениях писателя как элемент авторского словаря, служащего дескриптивной организации текстового пространства; ср.:

...почти пропел он нежнейшим и до комизма не подходящим к обстоятельствам голосом (т. 8, с. 21: ВЕЧНЫЙ МУЖ);

В нем была самая комическая смесь наивности, глупости, хитрости, дерзости, простодушия, робости, хвастливости и нахальства (т. 3, с. 311: ЗАПИСКИ ИЗ МЕРТВОГО ДОМА). (Цитаты из произведений писателя приводятся по малому академическому изданию: Ф.М. Достоевский.

Собрание сочинений в 15 томах. Л. – СПб.: Наука, 1988-1996.)

Частотность употребления имени концепта в функциональном словаре писателя свидетельствует о значимости обозначаемого им явления – комического – для художественно-языкового мира писателя, о конструктивной роли этого приема в организации повествовательного движения в его произведениях.

Комическое в творчестве Ф.М. Достоевского идейно и художественно связано с трагическим. Последнее, как известно, определяет содержание и тональность его произведений, выступает в них как доминанта, организующая смысловое пространство текстов. Весьма показательно, что именно в контексте исследования творчества писателя был введен в научный оборот термин *роман-трагедия* и определена его задача как повествования о «трагедии конечного самоопределения человека, его основного выбора между бытием в Боге и бегством от Бога к небытию» [5, с. 298]. Но сущность трагического раскрывается в понятийном отталкивании от комического, и в художественных практиках обе категории выступают как разные манифестации единой эстетической функции. Потребность комического возникает у Ф.М. Достоевского в самых неожиданных местах; как антитеза тяжелой поступи трагического появляется комическое, например, в эпизоде встречи семейства Карамазовых в монастыре у старца. Примечательно, что «Достоевский при изображении двойничества всегда сохраняет наряду с трагическим и элемент комического (и в «Двойнике», и в беседе Ивана Карамазова с чертом)» [2, с. 375-376].

Антонимы в повествовательном инструментарии писателя. Актуализация противоречия – важнейший конструктивный принцип произведений Ф.М. Достоевского, в значительной мере определяющий его мировоззренческую и литературно-творческую индивидуальность – в сочетании и взаимодействии со всеми другими приемами и средствами художественно-словесной изобразительности. Категория противоречия является ключевой для понимания и дискурсивного представления судьбы, личности и творчества Ф.М. Достоевского. Произведения писателя и мыслителя великолепным образом иллюстрируют тезис о единстве и борьбе противоположностей, составляющий стержневую основу европейской философии. Пред-

ставление о синкретичной онтологии противоположностей во многом определяет художественно-идеологическую позицию писателя и проявляется прежде всего в стратегии построения избранных социально-типизированных образов. Ф.М. Достоевский с особой психологической глубиной раскрыл трагическое совмещение в человеке противоположных начал, «был склонен рассматривать душевную жизнь человека антитетически» [8, с. 14]. «Такое внутреннее противоречие мы найдем всегда в романах Достоевского, которые одновременно протекают в двух планах – в самом низменном и самом возвышенном, – где убийцы философствуют, святые продают свое тело на улице, отцеубийцы спасают человечество и т.д.» [4, с. 221].

Мотив единства и борьбы противоположностей много раз и в различных вариациях встречается на страницах произведений писателя, в том числе – в речевых партиях персонажей. На эту тему Дмитрий Карамазов рефлексировал так:

...мы натуры широкие, карамазовские ...способные вмещать всевозможные противоположности и разом созерцать обе бездны, бездну над нами, бездну высших идеалов, и бездну под нами, бездну самого низшего и зловонного падения (т. 9, с. 711: БРАТЪЯ КАРАМАЗОВЫ).

Метафора бездны, пятикратно звучащая, в данной когнитивной формуле подчеркивает трагизм раздираемой противоречиями личности; неслучайно через много лет она появляется в литературном эссе нобелевского лауреата:

«...у хорошего писателя всегда слышится диалог небесных сфер с бездной» [3, с. 118].

Восприятие и изображение социальной действительности как диалектически-противоречивой сущности невозможно без обращения к категории семантической противоположности и лексической антонимии. Последнюю в системе языка отличает не только специализированность ее когнитивной семантики для вербальной репрезентации логико-понятийной категории противоположности, но и способность выступать в качестве организующего центра для формирующегося вокруг него функционально-семантического поля языковой противоположности, куда входят не только единицы лексического уровня, но и явления иной субстанциональности: грамматические (например, актив-пассив), фонетические, композиционные и др. Произведения Ф.М. Достоевского отличаются

богатым разнообразием средств языкового воплощения идеи семантического контраста и противоположности.

Формула А-а как модель реализации комического на базе антонимии. Антонимия – семантически сильная связь, она всегда заметна в тексте и способна сместить на второй план другие типы словесно-смысловых корреляций в месте своего появления. Стилистико-выразительный потенциал антонимии исключительно высок. Как отмечалось, в произведениях Ф.М. Достоевского антонимия играет одну из ключевых ролей в организации семантического пространства и сюжетно-событийной жизни текста. Примечательной особенностью антонимических экспрессивных композиций писателя является то, что в них относительно редко встречается узуальная (системная) антонимия (ее можно изобразить в виде формулы **А-А**: оба элемента семантической оппозиции обладают одинаковым номинативным статусом – *хороший-плохой*). Гораздо более типична для его произведений антонимия типа **А-а**, когда один из элементов словарно-системной оппозиции замещается словом, входящим в его устойчивое ассоциативно-семантическое поле (контекстуальная, или окказиональная, антонимия). В этом отношении весьма примечателен следующий пример:

Глупость коротка и нехитра, а ум виляет и прячется. Ум подлец, а глупость пряма и честна (т. 9, с. 261: БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ).

Здесь привлекает внимание комбинированное использование приемов симметрии, стандарта (синтаксический параллелизм, узуальные антонимы *ум-глупость*) и асимметрии, отклонения от стандарта (несовпадение количества противопоставляемых слов, актуализация межчастеречной антонимии). Возникла лаконичная, интригующе богатая смыслом, прагматически эффектная речевая композиция.

Именно антонимические связи второго типа используются автором при создании комических эффектов. Смеховая стилистика подразумевает некоторую легкость, неожиданность и парадоксальность словоупотребления; окказиональная авторская антонимия в силу своей новизны и способности активировать неочевидные словесные ассоциации великолепно отвечает этим условиям. Рассмотрим пример. Антиевропейский дискурс занимает особое место в жизни и творчестве писателя. Так, он высмеивает в качестве одного из пороков западного буржуазного общества «воровство из высокой добродетели»

(казнокрадство), которое «в высочайшей степени обеспечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано» (т. 4, с. 426: ЗИМНИЕ ЗАМЕТКИ О ЛЕТНИХ ВПЕЧАТЛЕНИЯХ, в дальнейших упоминаниях – ЗАМЕТКИ). Экспрессивно-оценочный и эмоционально-комический эффект создается путем преобразования привычной для сознания пропозиционной схемы «Воровство – это порок» на основе антонимического замещения ее предикативной части.

Комическое на основе антонимии как комплексный прагматический знак. Комическое понятийно связано со смеховой реакцией, которая может проявиться в огромном разнообразии форм и сопутствующих интенций, в совокупности образующих в рамках базовой дискурсивной дихотомии «серьезное-смешное» особую коммуникативно-текстовую парадигму с нечеткими очертаниями, что объясняется особой чувствительностью субстанции смеха к многочисленным контекстным факторам, невозможностью прогнозирования смеховой реакции во всех случаях, ее очевидной зависимостью не только от вербально-содержательных аспектов коммуникации, но и от ожиданий реципиента и т.д. Смех – феномен полиинтенциональный, в нем могут быть выражены чрезвычайно разнообразные чувства, эмоциональные и когнитивные состояния, оценочные отношения, коммуникативные намерения (позитивные и негативные, конструктивные и деструктивные, эксплицитные и имплицитные, фокусированные на адресате или адресанте и др.). В «Словаре эпитетов русского литературного языка» приведены 218 прилагательных и причастий, посредством которых реализуется левосторонняя атрибутивная валентность существительного СМЕХ. Поскольку первичной функцией словарей является моделирование концептной сущности слова, приведенную здесь статистику можно рассматривать как своеобразную экспликацию семантической и коммуникативно-прагматической многоплановости социокоммуникативного феномена смеха.

Когнитивное моделирование словесного смеха представляет собой чрезвычайно сложную исследовательскую задачу; объясняется это синкретичной сущностью этого явления, в котором в неразрывном семиотическом синтезе выступают рационально-мыслительное и эмоционально-деятельностное, лингвистическое и экстралингвистическое, денотативное и коннотативное, статичное и динамичное и т.д. Обширен круг интенционально-прагматических ком-

понентов смеховой ситуации. В художественном тексте комическое предстает как коммуникативно усложненный знак, в котором смеховая интенция сопровождается иными видами прагматических намерений. Конвенционально признаны естественные сателлиты вербально-смеховой ситуации – ирония, сатира, сарказм, гротеск. Но проблема безнадежно усложняется вследствие того, что эти компоненты присутствуют в смехе не всегда полным составом и не с одинаковым пропорциональным участием; здесь открываются огромные просторы для комбинаторных фантазий. Нельзя сбрасывать со счетов и фактор микро- и макроконтраста (вплоть до общекультурологического), который самым непосредственным образом участвует в синтезировании смехового речевого сигнала.

Сказанное в полной мере применимо и к текстам Ф.М. Достоевского, в которых, как правило, комическое выступает как комплексный полифункциональный прагматический знак, насыщенный субъективно-оценочными смыслами и ориентированный на многоплановость смехового восприятия. Интенсивность и действенность такого знака может быть чрезвычайно высокой, как в следующем примере:

...клуб человеколюбия к крупным скотам (т. 7, 127: БЕСЫ).

Здесь явно видно, что была поставлена задача максимальной интенсификации прагматической эффективности и социального звучания комического высказывания.

Для усиления прагматической действенности могут применяться и приемы синтаксической организации – например, рамочное расположение антонимизированных лексических единиц:

Лакейство вьедается в натуру буржуа все более и более и все более и более считается добродетелью (т. 4, с. 432: ЗАМЕТКИ).

Позиционирование окказиональных антонимов *лакейство-добродетель* в начале и конце, т.е. в коммуникативно сильных точках высказывания, и ритмизирующие повторы во взаимодействии с контекстной семантикой создают стилистически действенную синтаксическую группу.

Комические эффекты в сфере антонимических коннотаций. В сфере коннотативной семантики и ассоциативно-семантического ореола лексико-фразеологических единиц также наблюдаются отношения антонимичности; они присутствуют в языковом сознании как явления

потенциального плана, не поддающиеся системно-номенклатурной обработке – ввиду неуловимости и эфемерности своей субстанции. Они широко используются в художественно-речевой коммуникации, в том числе – с целью создания разноплановых комических эффектов. В этих процессах образуются окказиональные антонимические композиции, которые отличаются в аспекте функционирования от системно-языковой антонимии двумя признаками: они отмечены экспрессией новизны и детерминированы локально-контекстной конфигурацией. Многие из них единичны в своей бытийной актуализации – могут больше не появиться в каком-либо контексте общенационального дискурса. Механизм их образования можно представить как проекцию системно-словарной антонимии на локально-контекстные условия коммуникации – за каждой такой окказиональной композицией стоит узואльно-языковая антонимическая формация. Вне отнесенности к общеязыковой материи семантической противоположности такие антонимические контексты прагматически бесперспективны.

Ввиду неброской психосемантической очевидности контекстуально-антонимических отношений они могут формироваться по кумулятивному (групповому) принципу – с участием нескольких словарных единиц:

Как ни был глуп и косноязычен Стебельков, но я видел яркого подлеца, во всем его блеске (т. 8, 367: ПОДРОСТОК).

Здесь мы наблюдаем антитезную монореферентную композицию, один и тот же человек как будто оказывается одновременно в фокусе негативно- и позитивнооценочных стратегий: *глуп, косноязычен, подлец – яркий, блеск*. Стилистически релевантное противоречие можно заметить в двух отношениях: 1) между кореферентными антонимическими номинациями и 2) между внешним и внутренним семантическим контекстом – ясно, что слова *яркий* и *блеск* выступают в ситуативно-семантической роли – как синонимы для обозначения неординарной интенсивности и внешней убедительности проявления негативных качеств. Конструкции, построенные на языковой игре, стимулируют когнитивную рецепцию и вызывают гедонистический эффект (см. об этом работу В.И. Шаховского [9, с. 55]).

Встречаются композиции иного типа формирования – с явным нарушением принципа про-

порциональности сторон. В качестве примера можно привести оценку сочинения Видоплясова повествователем:

...это был самый напыщенный вздор, писанный высоким лакейским слогом (т. 3, с. 111: СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ, в дальнейших упоминаниях – СЕЛО).

Комический оксюморон, возникший благодаря окказиональной кореферентности взаимоисключающих семантических признаков, сформирован в виде противопоставления одной лексической единицы целой группе потенциально антонимичных слов: *высокий* – *напыщенный*, *вздор*, *лакейский*.

Более характерно для творчества писателя построение антонимических смеховых композиций по принципу количественного равновесия участвующих в смысловом взаимодействии лексических единиц, в большинстве случаев это пропорция 1:1. Игра коннотаций в этом случае локализована в одной точке, ее неожиданность и скоротечность можно считать факторами дополнительной экспрессии. Примечательная особенность таких контекстов – преобладание в них характерологической и оценочной функции. Вот как отзываясь молодой человек о походе барышни на улице:

...прет величественно, не повернув головы (т. 8, с. 164: ПОДРОСТОК). Торжественно-элитарная семантика наречия *величественно* явно антонимична просторечно-грубым коннотациям глагола *прет*; образно-смысловой синтез таких контрастов трудно прогнозировать и поэтому порождает комическую реакцию. Дополнительный фактор художественно-текстовой выразительности связан с приемом двуголосия (по Бахтину): *прет* – голос и оценка рассказчика, *величественно* – голос дамы, она так о себе думает.

Тексты Ф.М. Достоевского отличаются высокой динамикой смыслов, в них легко образуются семантические сцепления с колоритными стилистическими свойствами, в том числе – из интересующей нас предметно-тематической области:

«...На вывеске будет: “Сапожник князь такой-то” – даже благородно» (т. 8, с. 301: ПОДРОСТОК).

Нейтральные в словарном восприятии существительные *сапожник* и *князь* в контекстно-кореферентном синтезе приобретают антонимические коннотации и свойство производить смеховые эффекты. Отметим, что в таких построениях со спонтанно индуцированными антонимичными отношениями явственно улавли-

ваются разговорно-речевые интонации, столь характерные для творчества писателя. Следует отметить также контекстно-обусловленную антонимизацию слова *благородный* в общем процессе создания комически эффектного высказывания.

Весьма действенны комические композиции, в которых инициатива образования эффектной смеховой структуры принадлежит вымышленным именам собственным, наделенным ярко характерологической оценочной фоносемантической окраской: *барон Помойкин* (т. 5: УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ), *княжна Чевчеханова* (т. 1: ДВОЙНИК). В первом случае антонимический комизм построен на несовместимости социально-статусной коннотации слова *барон* и внутренней формы имени собственного, в котором актуализован денотат, ассоциирующийся с социальными низами. Во втором примере генератором комического смысла выступает фоносемантика вымышленной фамилии, неблагозвучие которой диссонирует с персонологическими традициями социальных элит.

Антонимическая трансформация узуальной идиоматики. Художественно-стилистические функции реализуются не только через субстанциональные качества языковых единиц, но и посредством особой актуализации их реляционных свойств, посредством нестандартной организации языкового материала. В ряду этих явлений выделяется прием позиционного замещения элементов идиоматических конструкций и узуально-устойчивых синтаксических групп, весьма продуктивно используемый писателем для достижения разнообразных художественно-прагматических целей, в том числе – для образования комически ориентированных антонимических контекстов. Этот прием основан на нарушении принципа предсказуемости/непредсказуемости языковых единиц в динамике речевого потока и входит в большую группу стилистических феноменов, объединяемых термином *обманутое ожидание* (см. об этом: [1, с. 69-73]).

В коммуникативном обиходе довольно распространено интенсивно-оценочное выражение *глубоко образованный человек*, ставшее книжно-письменным речевым клише и предполагающее возможность появления в художественном дискурсе исключительно как характерологического средства. Как выяснилось, возможно и антонимически-трансформированное употребление этой устойчивой синтаксической конструкции: *человек глубоко необразованный* (т. 8, 250: ПОД-

РОСТОК); так в романе охарактеризован учитель французского языка «Се Тушар», человек нравственно убогий и авантюрного склада, «действительно парижского происхождения, разумеется – из сапожников».

Линейно-синтагматическая связь в тексте может быть и имплицитной, не выраженной в виде эмпирически очерченной лексико-грамматической конструкции. Эта прототипическая связь также может стать объектом оперирования в сфере антонимических отношений, как в следующем примере:

...такая бурда...то есть в благородном смысле бурда (т. 3, с. 18: СЕЛО).

Этот отзыв дяди героя-повествователя о сочинениях Фомы Опискина (!) построен на антонимическом замещении оценочного компонента в сфере потенциальной атрибутивной валентности существительного *бурда*. Она выступает здесь как семантически аморфная, вероятностная реалья коммуникативных практик, которая может быть реализована в целом ряде синонимических ассоциаций (*низкопробная, ничкемная и т.д.*).

Комическое и трагическое явлены нашему сознанию как взаимосвязанные, онтологически родственные сущности. Это проявляется и в словесно-художественных практиках, когда обе интеллектуально-эстетические функции реализуются симультанно, в пределах одной текстовой единицы – как взаимодополнительные интенции одного художественно-коммуникативного акта. Такой диалектический сплав двух фундаментальных составляющих эстетической прагматики находим в откровениях Дмитрия Карамазова, когда он рассуждает о феноменологии карамазовского рода:

...мы даже обуреваемы – именно обуреваемы – благороднейшими идеалами (т. 9, с. 709).

Глагол *обуревать* предполагает в качестве агентивной валентностной базы существительное *страсти* (или его контекстуальные синонимы/гипонимы) и атрибутивный элемент с общим семантическим признаком [*негативно-деструктивный*]. Появление антонима к последнему (*благородный*) производит впечатление стилистически значимого обманутого ожидания, метатекстовый повтор внутри речевой партии (*именно обуреваемы*) подчеркивает момент неожиданности. Семантическая доминанта монологической партии героя – рефлексия по по-

воду фатально-трагической неукорененности семейства на почве рационального жизненного благополучия. Цитируемый фрагмент также осмысливается в этой интенциональной плоскости, оксюморон [*обуреваемы благороднейшими идеями*] вне контекстной целостности можно было бы рассматривать как пример забавной языковой игры и комического.

Комическое как результат взаимодействия вербальной и сюжетно-событийной субстанции. Особый случай комического – когда в формуле антонимического контраста выступают разнотелные текстовые материи – лексика и повествовательно-событийная фактология текста:

...Когда же встречается с ним мужик и, оставаясь в стороне, снимает шапку, низко кланяется и приговаривает: «Здравствуй, батюшка, князь, ваше сиятельство, наше красное солнышко!» – то князь немедленно наводит на него свой лорнет, приветливо кивает головой и ласково говорит ему “*Bonjour, mon ami, bonjour!*”... (т. 2, с. 399: ДЯДЮШКИН СОН).

Здесь смеховые эффекты возникают в результате когнитивного конфликта между речевой ситуацией и выбранной князем в разговоре с крестьянами формулой салонного общения.

Примечательны примеры, лингвистическая сущность которых состоит в том, что во взаимодействии с сюжетно-событийным контекстом слово претерпевает антонимическое переосмысление (явление, именуемое в семасиологии контекстуальной энантиосемией, а в стилистике используемое, как правило, для иллюстрации экспрессивного потенциала иронии). Писатель прибегает к этому приему в рамках сюжетного эпизода, когда Алексей Карамазов после отказа Снегирева принять от него деньги возвращается, чтобы сообщить о провале своей посреднической миссии:

...пошел к Катерине Ивановне докладывать об успехе ее поручения (т. 9, с. 237).

Любопытная вариация этой нарративной модели представлена примерами, когда энантиосемическая трансформация слова происходит на фоне коммуникативной неудачи, обусловленной тем, что адресат не владеет языком стилистически маркированного коммуникативного сигнала. Это наблюдается в романе «Игрок», когда старая помещица, приехавшая в Рулетенбург «как снег на голову», обрывает разговор с

соотечественниками, чтобы избавиться от присутствия местной прислуги (смена адресата оформлена автором скобками):

(А ты, батюшка, ступай, придешь, когда позовут, – обратилась она тоже и к обер-кельнеру, – нечего разиня-то рот стоять. Терпеть не могу эту харю нюрнбергскую!) – тот откланялся и вышел, конечно, не поняв комплимента бабушки (т. 4, с. 646: ИГРОК).

Образующие прагматически значимую бинарную композицию элементы *харя* и *комплимент* в когнитивной и стилистической системе языка выступают как репрезентанты антонимически противопоставленных семантических областей. Попытка их ложной референтно-игровой идентификации создает комический смысл.

Комическое на основе антонимизации актуальной языковой семантики и пресуппозиций. Семантическое пространство художественного текста многопланово и многослойно, существенный аспект его структуры – взаимодействие между эксплицитным и имплицитным, словесно-выраженным и подразумеваемым, лингвистически-релевантным и когнитивно-релевантным. Примечательной стороной семантической жизни текста является участие в ней пресуппозиций – элементов и структур, относящихся к фоновым знаниям, к узальной эпистемологии предмета. Они могут вступать во взаимодействие с элементами текста, реализующими свой актуальный предметно-референтный смысл, в том числе – в контекстно-обусловленные антонимические отношения. Нередко такие контекстные композиции порождают комические эффекты. Рассмотрим некоторые примеры:

...грязное же невежество Фомы Фомича, конечно, не могло служить помехою его литературной карьере... (т. 3, с. 8: СЕЛО).

В нашей картине мира успех на литературном поприще ассоциируется с представлением о глубоких и разносторонних знаниях субъекта референции. Оценочная конструкция *грязное невежество* антонимична этой идее; постулирование обратного, как в данном случае, порождает смеховую реакцию.

Близкую предметно-тематическую композицию находим в другом произведении писателя:

Оказалось тоже, что он (Ставрогин) был весьма порядочно образован; даже с некоторыми познаниями (т. 7, с. 42: БЕСЫ).

Здесь семантически противопоставлены и формируют комический контекст квантитивные

импликации словесных групп *весьма порядочно образован* [«много знаний»] и *некоторые познания* [«мало знаний»].

Источником прагматически-яркой смеховой реакции может быть несовместимость пресуппозиций одного из элементов синтаксической группы с актуальной семантикой лексической единицы, выступающей в роли его нарративного контрагента:

Думал он тоже подать немедленно в отставку и так, просто, в уединении посвятить себя счастью человечества (т. 4, с. 386: СКВЕРНЫЙ АНЕКДОТ).

Выражение *посвятить себя счастью человечества* имплицитно в качестве необходимого условия идею тесного и постоянного контакта с людьми, деятельного участия в их жизни; концепт *уединение* [«социальная самоизоляция»] находится в отношении контрадикции с пафосной актуальной семантикой указанного выражения. Этот отрывок является также иллюстрацией к технике полифонического описания: выделенные слова можно трактовать и как принадлежащие персонажу, и как высказывание автора.

Выводы. Когнитивная модель оперирования логическими и семантическими противоположностями играет ключевую роль в структурировании мировоззренческого и художественного дискурса писателя. Характерно для его творчества и многообразие способов реализации художественно-изобразительного потенциала антонимии, основной лексической категории для выражения противоположности в языке. Художественно-релевантная составляющая этого явления – использование функции антонимической номинации для генерирования комических смыслов.

Представленные выше размышления следует рассматривать как попытку научно-дискурсивной актуализации отдельно взятого аспекта творческого наследия Ф.М. Достоевского, который, несмотря на его частно-иллюстративный характер, органично вытекает из важнейшей конструктивной особенности поэтики писателя – склонности к бинарно-антитетической рецепции и художественно-образному отображению социальной действительности. Они никоим образом не претендуют на безальтернативную адекватность восприятия художественного мира писателя и на полноту раскрытия обозначенной проблемы; ср. в этой связи: «Художественная модель всегда шире и жизненнее, чем ее истолкование, а истолкование

всегда возможно лишь как приближение» [6, с. 102].

1. Арнольд, И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Изд-е 2-е, перераб. Л.: Просвещение, 1981. – 296 с.
2. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Издательство «Э», 2017. – 640 с.
3. Бродский, И. Власть стихий // Сочинения Иосифа Бродского. Том V. – СПб.: Пушкинский фонд. 2001. – С. 115-119.
4. Выготский, Л. С. Психология искусства. – М.: Педагогика, 1987. – 345 с.
5. Иванов, В. И. Родное и вселенское. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
6. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
7. Ружицкий, И. В. Языковая игра у Ф.М. Достоевского // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 15-22.
8. Фридлендер, Г. М. Поэтика русского реализма. – Л.: Наука, 1971. – 298 с.
9. Шаховский, В. И. Эмоции и коммуникативное игровое пространство языка // Массовая культура на рубеже XX-XXI веков: Человек и его дискурс. – М.: «Азбуковник», 2003. – С. 46-56.

ANTONYMY AS THE SUBSTANCE OF THE COMIC IN THE WORKS OF F.M. DOSTOEVSKY

© 2024 M.M. Khalikov

Magomed M. Khalikov, Doctor of Philological Sciences, Professor,

Head of Department of Linguistics

E-mail: magomed_samara@mail.ru

Samara State Transport University

Samara, Russia

The article examines the phenomenon of the comic in the works of F.M. Dostoevsky in a particular aspect of its instrumental support – as a phenomenon based on various methods and angles of contextual actualization of the general linguistic category of semantic opposition (lexical antonymy). In the writer's work, the comic acts as the antithesis of the tragic and in the plot-narrative interaction with it. The special constructive role of antonymy in the organization of the semantic space of the writer's works is noted. It is shown that within the framework of the task of forming a text of an innovative type, the writer gives preference to contextual antonymy and phenomena of syntactic irregularity when creating a comic type. The thesis of the comic as a complex multifunctional pragmatic sign is substantiated. The productive role of linguistic connotations in comic contexts built on the category of semantic opposition is revealed. As a special method of structuring the comic, the possibility of antonymic substitution as part of a usual idiomatic syntactic group is demonstrated. As a separate structural variant of the comic, the technique of antonymization of actual linguistic semantics and presuppositions is singled out. In conclusion, the author concludes that it is legitimate and justified to single out and scientifically discursively actualize this particular aspect of the functioning of antonymy in the works of F.M. Dostoevsky as a research task within the framework of the fundamental traditional problem of "the language and style of the writer".

Keywords: Fyodor Dostoevsky, antonyms, comic, complex pragmatic sign, usual and contextual semantics, connotations

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-30-39

EDN: AMXWMG

1. Arnold, I. V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (Stilistika dekodirovaniya) (Stylistics of Modern English: Stylistics of Decoding). – L.: Prosveshcheniye, 1981. – 296 s.
2. Bakhtin, M. M. Problemy poetiki Dostoyevskogo (Problems of Dostoevsky's Poetics). – M.: "E" Publishers, 2017. – 640 s.
3. Brodsky, J. Vlast stikhiy (The Power of Elements)//Works of Joseph Brodsky. Volum V. – SPb.: Pushkin Foundation, 2001. – S. 115-119.
4. Vygotkiy, L. S. Psihologiya iskusstva (The Psychology of Arts). – M.: Pedagogics, 1987. – 345 s.
5. Ivanov, V.I. Rodnoye i vselenskoye (The Homey and The Universal). – M.: Republic, 1994. – 428 s.
6. Lotman, Yu. M. Struktura khudozhestvennogo teksta (The Structure of Literary Text). – M.: Exmo, 2013. – 448 s.
7. Ruzhitsky, I. V. Yazykovaya igra u F.M.Dostoyevskogo (Language Play by F.M. Dostoevsky) // Russian Speech. – 2014. – № 4. – S. 15-22.

8. Friedlender, G. M. Poetika russkogo realizma (Poetics of Russian Realism). – L.: Nauka, 1971. – 298 s.
9. Shakhovsky, V. I. Emotsii i kommunikativnoye igrovoye prostranstvo yazyka (Emotions and The Communicative Ludicrous Space of Language) // Massovaya kultura na rubezhe XX-XXI vekov: Chelovek i ego diskurs. – M.: «Azbu-
kovnik», 2003. – S. 46-56.

УДК 7.038.6 (Постмодернизм)

ОСЦИЛЛОГРАФИЯ СИТУАЦИИ МЕТАМОДЕРНА

© 2024 А.П. Афанасьева

Афанасьева Анна Павловна, старший преподаватель

кафедры театрального искусства

E-mail: anya299@mail.ru

Луганская государственная академия культуры и искусств

имени Михаила Матусовского

Луганск, Россия

Статья поступила в редакцию 19.11.2023

В статье рассматривается феномен осциллографии как одной из ключевых характеристик ситуации метамодерна на современном этапе развития культуры общества. Предпринята попытка определить роль и место метамодерна системе «модерн-постмодерн-метамодерн». Цель исследования обусловлена необходимостью осмысления перехода цивилизации в новое культурное измерение. Философская мысль ощутила социальные подвижки появления новой культурной парадигмы, что определило возможность охарактеризовать ситуацию метамодерна и определить принцип осциллографии, как один из его ключевых маркеров. В материале раскрыты отличительные особенности метамодерна от предшествующих ситуаций – модерна и постмодерна. Анализируя осциллографию, как важный компонент новой парадигмы, автор акцентирует внимание на том, что характер описываемой ситуации приравнивается к вечному колебанию, сходному с действием осциллографа. Метамодерн не предполагает существование новой концепции действительности, а возрождает идеи и эстетику модерна таким образом, чтобы они не исключали постмодернизм, а создавали с ним гармоничный синтез. Метамодерн не стремится к отказу от крайностей этих двух направлений, а воплощает в себе элементы традиций и инноваций. Колебанием между идеалами модерна и постмодерна обусловлен принцип осциллографии, рассматриваемый в статье.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, метамодерн, метамодернизм, осцилляция, метаксис, а-топический метаксис

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-40-45

EDN: BCFEPS

Введение. Более двух десятилетий в научных кругах не утихает полемика: что же должно прийти на смену постмодернизма. Из хода этой полемики вытекает относительно новая концепция – метамодерн. 80-е годы прошлого столетия ознаменовались работами Юргена Хабермаса, в которых критически рассматривался постмодернизм в связи с тем, что эта концепция замедлила рост культурного и научного прогресса до конца незавершившегося модерна.

Идеи постмодернистов о том, что «мир – набор информации в пустоте» (Ж. Деррида, М. Фуко), «жизнь не имеет смысла» (А. Камю), «истина относительна» (Ф. Гваттари, Ж. Делёз), приводят к экзистенциальному кризису в социуме. Возрождение же идей модернизма, предложенные Ю. Хабермасом, были нацелены непосредственно на преодоление этого кризиса [6, 5].

Сторонники постмодернизма активно критиковали идеи Ю. Хабермаса и не воспринимали их всерьез, однако со стремительно развивающи-

мися цифровыми технологиями и распространением интернет-сетей идея о мире как информационном пространстве стала обретать практические очертания [4].

Современный этап развития человечества связан с господством Интернет-технологий. Это приводит к тому, что люди, окружив себя продуктами массовой информации, перестали интересоваться важными вещами, такими как семья, дружба, милосердие, гуманность. Появление мирового цинизма стало логическим следствием логики постмодерна. В связи с этим мировое научное сообщество вновь задается вопросом создания новой концепции, которая призвана стать альтернативой постмодернизму.

Методы исследования и материалы. В статье анализируются труды исследователей конца XX – первых десятилетий XXI вв., посвященные проблеме возникновения метамодерна как преемника постмодерна на основе «современного детского стиля» (М. Зур), «возвышенного стиля» (К.

Картхаузер) и других характеристик. Методология проведенного исследования опирается на общенаучные принципы изучения общественных процессов и явлений. В исследовании также используется метод системного анализа, который раскрывает сущность метамодерна как нового культурного феномена.

История вопроса. Уже в 90-е гг. XX столетия в научном сообществе все активнее продвигаются идеи о том, что конец постмодернизма близок и наступает новая эпоха. Именно в это время появляется острая необходимость обозначения новой парадигмы исследования окружающего и ведется работа по выявлению ее характерных черт и специфических культурологических маркеров.

Термин «модерн» продолжает свое существование в процессе обозначения нового культурного этапа и его реалий. Однако он трансформируется. Так, в культурное пространство на смену постмодерну входят термины «постпостмодерн», «альтермодерн», «цифромодерн», «техномодерн» и другие. Многие философы и теоретики культуры (М. Эпштейн, И. Нечаев, Н. Буррио, Р. Эшельман, Ж. Липовецки, А. Кирби, К. Морару, З. Бауман) предлагают альтернативную терминологию для обозначения новых концепций современности. Их теории базировались на понятиях космодернизма, перфоматизма, реновализма и т.д. Среди этих понятий наиболее устоявшимся стал термин «метамодерн», призванный обозначить те изменения в культуре и обществе, которые происходят в последние два десятилетия.

В 2009 г. голландскими философами Тимотеусом Вермюленом и Робинот ван ден Аккером была впервые опубликована статья «Заметки о метамодернизме» («Notes on Metamodernism»), в которой они совершили попытку дать наиболее объективный взгляд на положение современной культуры. Метамодерн, в отличие от других похожих концепций, был заявлен не как концепция, пришедшая на смену постмодернизму, а как возможность его гармоничного синтеза с модернизмом. Позже Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер создали одноименный электронный журнал «Notes on Metamodernism», где продолжили исследовать сферу культуры и искусства. К сожалению, долгое время этот проект не мог обрести популярность. Однако в 2015 г. американский теоретик культуры Люк Тёрнер опубликовал на своём сайте «Манифест метамодернизма» («Metamodernist // Manifesto»), положив начало метамодернистскому движению [7].

Метамодернистами была создана виртуальная площадка, где ученые и философы могли бы внести свой вклад в возрождение принципов модерна, которые бы могли гармонично сосуществовать с принципами постмодерна, не вступая в конфронтацию. Вследствие этого на смену постмодернизму приходит новое, набирающее популярность социокультурное явление – метамодерн. Этот термин отражает процесс трансформации в культуре с середины 90-х годов прошлого столетия до наших дней [2].

Гипотеза. Метамодерн – это специфический образ мышления в науке и культуре, который пока еще только приживается в современном обществе. Научное сообщество находится в процессе определения ключевых характеристик и принципов концепции метамодерна, как новой культурной ситуации.

Результаты исследования. Множество социальных кризисов постмодернизма, преодоленных современным поколением, сделало достаточно предсказуемым появление новой философии. «В «сухом остатке» от постмодернизма остается лишь критическое сознание, которое вместе с тем является и самокритическим сознанием. И это последнее само по себе уже обнадеживает и вызывает оптимизм. И это совсем не означает, что завтра не появится новая философская парадигма, ибо место для нее уже расчищено, благодаря, в том числе, и постмодернизму. И в этом, возможно, заключается его самое большое значение в истории философской мысли», – писал ещё в 2002 г. доктор философских наук В.П. Ратников [6, с. 132].

Основной задачей сторонников метамодерна стало выявление доминантной культурной логики, которая бы полностью коррелировалась с условиями повседневной реальности современного общества.

Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер не придумывали никаких новых культурных концепций, они наблюдали за трансформациями в социуме за последние два десятилетия, обобщили и проанализировали ситуацию и просто дали общее название культурным реалиям. «То, что мы сейчас наблюдаем, есть явление новой культурной доминанты – метамодерн. Мы видим в метамодерне, прежде всего, структуру восприятия, которую, согласно Раймонду Уильямсу, можно определить как «определенное качество социального опыта с исторической точки зрения отличное от некоторых других качеств, формирующее чувства целого поколения или эпохи» [1]. Можно

сделать вывод, что метамодерн не возник как новое течение, а существовал и ранее, просто нуждался в научном обозначении.

Возникновение ситуации метамодерна обусловлено внешними и внутренними факторами: к внешним можно отнести промышленную революцию, подарившую миру колоссальный объем информации, а к внутренним – кризис постмодерна, эпохи, которая подошла к логическому завершению.

Объединение идеалов эстетики, предложенных модернистами, и потрясение не от шока, а от прекрасного и возвышенного – вот те цели, которые пытаются возродить метамодернисты. «Теперь, когда мы вступили в эпоху метамодерна – эпоху, для которой характерны практика и чувства, не пришло ли время переделать наши представления о возвышенном и прекрасном?» [3].

Нужно отметить, метамодернисты ничего не пытаются создать, они лишь наблюдают и систематизируют изменения в культуре всего человечества. Поэтому та эстетика, о которой говорят Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер, – это именно то, что действительно наблюдается на практике повсеместно [3].

В последние годы тенденция замечать красоту вокруг себя во всех ее проявлениях становится ключевой культурной доминантой. Это обусловлено тем, что постмодернистская ирония навязывает человечеству состояние апатии, имеющей постоянный характер. Возрождение модернистской эстетики произошло из-за острой нехватки красоты в жизни человека. Однако основополагающие концепты постмодернизма навсегда будут востребованы целыми поколениями тех, для кого циничное восприятие и ирония являются неотъемлемым фактором восприятия реальной действительности. Именно поэтому заменить постмодернизм модерном на данном этапе абсолютно невозможно и не представляется необходимым. Каждый человек в равной мере нуждается и в прекрасном, и в ужасном, и в ироничном, создавая из этих компонентов целостное восприятие мира. Таким образом, концептуальные принципы метамодерна в равной мере заключают в себе и эстетику модерна и антиэстетику постмодерна, но при этом сохраняя единство восприятия человеком.

Полностью исключить из картины мира современного человека цинизм невозможно, так как

эмоции – необходимое для человека условие экзистенциального развития. Большинство людей склонно испытывать широкий спектр эмоций: страх, уныние, радость, воодушевление, отвращение, разочарование, удивление. Гормоны, выброс которых происходит в кровь, при переживании разного рода эмоций, делает человечество зависимыми от некоторых из них: например, от адреналина или эндорфинов. Именно поэтому уже много лет живой интерес вызывают фильмы ужасов, спектакли Театра Жестокости, шокирующие перформансы и акции, где очень размыто выглядят рамки моральных ограничений и ценностных норм. Страх, сексуальное возбуждение или отвращение всегда остро притягивали интерес массовой аудитории.

Возвышенное же почти всегда оставалось для представителей элитарной культуры. В свою очередь, постмодернизм попытался уничтожить представление о возвышенном, охарактеризовав это как «разрыв между разумом и пониманием» [3], появился метамодерн – проникновение возвышенного в массовую культуру.

Можно сделать вывод, что возврат к идеалам гармонии и красоты, лежащий в основе метамодерна, возвращает нас к идеалам модерна. Однако, это утверждение не совсем точно. Само сравнение постмодерна и метамодерна, которое постоянно происходит в массовом сознании человечества, продлевает жизнь постмодернистским концептам. Метамодерн – не замена постмодерна, а его логическое продолжение. Например, в статье «Что такое метамодернизм?», рассуждая о завершении постмодернизма, Т. Вермюлен и Р. ван ден Аккер ссылаются на американского литературного критика Джоша Тота: «Смерть постмодернизма (как и всякая смерть) также может быть воспринята и как передача, предоставление некоего наследия, эта смерть (как и всякая смерть) также является продолжением жизни, переходом. Дух постмодернизма, как и дух модернизма, продолжает преследовать современную культуру» [1].

Постмодернизм изначально считался эпохой паратаксиса, и его время подошло к концу. Паратаксис – такое состояния сознания, когда идеи, мысли, чувства, эмоции и установки почти никак не соотносятся друг с другом. Лозунг эпохи паратаксиса был таким: «Мир – это хаос» [1].

Этот концепт, который просуществовал чуть более пятидесяти лет, на современном этапе

можно обозначить, как изначально нежизнеспособную, так как сравнительно короткий период времени не может называться культурной эпохой. Этот отрезок истории стремительно изменил постмодернистский «сбой в системе» человеческого восприятия и привел к смене направления развития всего человечества. Те умы, которые несколько десятков лет восхваляли могущество человеческого разума, пришли к мысли, что мироздание тленно и бессмысленно.

Метамодернисты, в свою очередь, обозначили новую страницу истории эпохой «метаксиса». Вернее, они используют термин «а-топический метаксис». Греческое слово «топос» переводится как «место», значит «а-топический» можно трактовать как «то, что не имеет места». А слово «таксис» означает «упорядочивание», «а-топический метаксис» можно понимать как упорядочивание того, что находится вне пространства. Постмодерн – «стремление к ничто» [1].

Модернизм – «стремление к абсолюту». Следовательно, если модернизм предполагает временное упорядочение, а постмодерн подразумевает пространственный беспорядок, тогда метамодерн должен пониматься как пространство-время, которое одновременно ни в порядке, ни в беспорядке. Метамодерн заменяет границы настоящего на пределы бесперспективного будущего; и он заменяет границы знакомых мест на пределы беспредельного. На самом деле, это и есть «судьба» человека метамодерна: преследовать бесконечно отступающие горизонты» [1].

«Все или ничего» – именно такой выбор ставит перед человеком эпоха метамодерна, что и является прямым подтверждением принципа осцилляции – колебания. И если придерживаться именно этой логики, то ставится под вопрос возникновение следующей, кардинально новой в своей концепции, эпохи. Его просто не случится, так как человечество будет наблюдать постепенную смену одних и тех же эпох. Апатия как ключевая доминанта постмодерна будет чередоваться с оптимизмом модерна. А метамодерн и будет играть роль промежуточного, переходного периода в этой системе бесконечного колебания.

Платоновский термин «между» дает обозначение понятию метаксиса, он означает золотую середину между двумя противоположными сторонами. Однако назвать метамодерн «золотой серединой» между эпохой модерна и эпохой постмодерна нельзя – он являет собой всего лишь колебания между разными состояниями: от модерна к постмодерну, от энтузиазма к апатии и наоборот.

Это своего рода «маятник», который постоянно меняет свое положение. «Онтологически, метамодерн раскачивается между модерном и постмодерном. Он осциллирует между энтузиазмом модернизма и постмодернистской насмешкой, между надеждой и меланхолией, между простодушием и осведомлённостью, эмпатией и апатией, единством и множеством, цельностью и расщеплением, ясностью и неоднозначностью» [1].

Все метамодернистские практики имеют одну общую черту – «раскачивание» между двумя противоположными полюсами – смыслом и бессмыслицей. В процессе создания единства, в попытке объединить эти противоположности, однако, и находится та самая «золотая середина», продиктованная Платоновским метаксисом.

А ирония метамодерна и заключается в том, что это абсолютно невозможно. Искусство метамодерна будет и в дальнейшем своем развитии стремиться сделать временное постоянным, неизменное – переходящим, сомнительное – истинным, а обыденное – мистическим. И этот процесс, с точки зрения метамодернистов, окажется бесконечным, так как подразумевает объединение двух противоположных полюсов.

Идея постмодернизма прочно укоренили в сознании людей убеждение, что смысла нет ни в чем, а жизнь абсурдна. На современном этапе человечеству предстоит разрешить трудную задачу – найти способ как жить в этом бессмысленном мире. И именно идеи метамодерна предлагают простое и верное решение – найти гармонию между противоположными полюсами и перейти в состояние бесконечного раскачивания.

В этом перманентном «маятниковом движении» на данном этапе культурного развития можно выделить приоритетный принцип – в поле метамодерна у человека есть право выбора между оптимизмом модернизма и апатией постмодернизма.

Выводы. Метамодерн – это попытка возродить идеи и эстетику модерна таким образом, чтобы они не исключали постмодернизм, а создавали с ним гармоничный синтез.

Эта идея сможет существовать в современном мире лишь в том случае, когда уравнивается количество последователей искусства «жестокости» и сторонников традиционного гармоничного искусства.

Нельзя утверждать, что метамодерн является альтернативой постмодерну, напротив, он является его пролонгированным продолжением.

Метамодерн выражает себя в принципе маятниковости, что является базовым вектором его развития в поликультурном пространстве. Он не придерживается идеи баланса между такими противоположностями, как бессмысленность и истина, искренность и цинизм, энтузиазм и апатия,

наивность и искушённость, прагматизм и мечтательность, а призывает к «раскачиванию» между ними, подобно маятнику между противоположными полюсами.

1. Вермюлен, Т. Робин ван ден Аккер. What is metamodernism? / Пер. Андрей Есипенко / Т. Вермюлен // «Notes on Metamodernism». – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (дата обращения: 19.11.2023).
2. Зур, М. О современном детском стиле / М.Зур // «Metamodern» – 2017 [Электронный ресурс]. – URL: <https://metamodernizm.ru> (дата обращения: 19.11.2023).
3. Картхаузер, К. Удивительное или метамодернистское возвышенное The Awesome, or the metamodern sublime / К. Картхаузер // «Notes on Metamodernism». – 2011 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2011/10/28/the-awesome-or-the-metamodern-sublime/> (дата обращения: 19.11.2023).
4. Козловски, П. А. Современность постмодерна / П.А. Козловски . – Москва: Республика, 1997. – 240 с.
5. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998. – 528 с.
6. Ратников, В. П. Постмодернизм: истоки, становление, сущность / В.П. Ратников // Философия и общество. – 2002. – №4(29). – С.120 – 132.
7. Тёрнер, Л. Metamodernism: A Brief Introduction / Л.Тернер // «Notes on Metamodernism». – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction> (дата обращения: 19.11.2023).

OSCILLOGRAPHY OF THE METAMODERN SITUATION

© 2024 A.P. Afanasyeva

*Anna P. Afanasyeva, Senior Lecturer
of The Department of Theater Arts*

E-mail: anya299@mail.ru

**Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
Lugansk, Russia**

Artikel tersebut mengkaji fenomena osilografi sebagai salah satu ciri utama dari situasi metamodern pada tahap perkembangan budaya masyarakat saat ini. Artikel tersebut mencoba untuk menentukan peran dan tempat metamodern dalam sistem "modern-postmodern-metamodern". Tujuan dari penelitian ini adalah karena kebutuhan untuk memahami transisi peradaban ke dimensi budaya yang baru. Pemikiran filosofis merasakan pergeseran sosial dari munculnya paradigma budaya baru, yang menentukan peluang untuk mengkarakterisasi situasi metamodern dan mendefinisikan prinsip osilografi sebagai salah satu penanda utamanya. Artikel tersebut mengungkapkan ciri khas metamodern dari situasi sebelumnya-modern dan postmodern. Menganalisis osilografi sebagai komponen penting dari paradigma baru, penulis berfokus pada fakta bahwa sifat dari situasi yang dijelaskan disamakan dengan osilasi abadi, mirip dengan aksi osiloskop. Metamodern tidak menyiratkan konsep realitas yang pada dasarnya baru, tetapi menghidupkan kembali ide-ide dan estetika modernitas sedemikian rupa sehingga tidak mengesampingkan postmodernisme, tetapi menciptakan sintesis yang harmonis dengannya. Metamodern tidak berusaha meninggalkan ekstrem dari dua arah ini, tetapi mewujudkan elemen tradisi dan inovasi. Osilasi antara cita-cita modernitas dan postmodernitas disebabkan oleh prinsip osilografi yang dibahas dalam artikel tersebut.

Key words: modern, postmodern, metamodern, metamodernism, oscillation, metaxis, a-topic metaxis

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-40-45

EDN: BCFEPS

1. Vermiuken, T. Robin van den Akker. What is metamodernism? / Per. Andrei Esipenko / T. Vermiuken // «Notes on Metamodernism». – 2015 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism/> (data obrashcheniia: 19.11.2023).

2. Zur, M. O sovremennom detskom stile (About modern children's style) / M.Zur // «Metamodern» – 2017 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://metamodernizm.ru> (data obrashcheniia: 19.11.2023).
3. Kartkhauzer, K. Udivitel'noe ili metamodernmistskoe vozvyshennoe (The Awesome, or the metamodern sublime) / K. Kartkhauzer // «Notes on Metamodernism». – 2011 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2011/10/28/the-awesome-or-the-metamodern-sublime/> (data obrashcheniia: 19.11.2023).
4. Kozlovski, P. A. Sovremennost' postmoderna (Postmodernity) / P.A. Kozlovski . – Moskva: Respublika, 1997. – 240 s.
5. Liotar, Zh.-F. Sostoianie postmoderna (The state of postmodernity) / Zh.-F. Liotar. – SPb.: Aleteia, 1998. – 528 s.
6. Ratnikov, V. P. Postmodernizm: istoki, stanovlenie, sushchnost' (Postmodernism: origins, formation, essence) / V.P. Ratnikov // *Filosofiia i obshchestvo*. – 2002. – №4(29). – S.120 – 132.
7. Turner, L. Metamodernism: A Brief Introduction / L.Turner // «Notes on Metamodernism». – 2015 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.metamodernism.com/2015/01/12/metamodernism-a-brief-introduction> (data obrashcheniia: 19.11.2023).

УДК 792.09:7.061 (Театральные представления. Спектакли. Постановки. Репетиции. Премьеры /
Искажения. Подделки. Имитации. Плагиат)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕСНИ «ДЖУРДЖЕВДАН»: К ПРОБЛЕМЕ ПОДБОРА МУЗЫКАЛЬНОГО МАТЕРИАЛА ДЛЯ УЧЕБНЫХ РАБОТ

© 2024 А. Вученович

Вученович Амела, доцент кафедры

«Режиссура и актёрское мастерство театра кукол»

E-mail: skaskamela@mail.ru

**Российский государственный институт сценических искусств
Санкт-Петербург, Россия**

Статья поступила в редакцию 10.01.2024

Автором затрагивается вопрос оправданности и логичности музыкального материала (народного и/или авторского), используемого в процессе режиссёрских работ над спектаклями или студенческими этюдами. Этот аспект подчеркивается в контексте проблемы воспитания и образования будущих режиссёров и актёров. Ставится акцент на необходимости более тщательного подбора любого, в том числе всемирно известного музыкального материала во избежание пагубных ошибок при подготовке спектаклей. Свобода творчества не даёт права театральным деятелям искажать историю. В данной статье объектом исследования стала песня «Джурджевдан», исторические корни которой, по одной из версий, уходят в «поезда смерти» во время второй мировой войны, геноцид сербов, однако которая ныне трактуется как песня о любовных коллизиях, по неведению исполняется на территории бывшей Югославии «и на свадьбах, и на похоронах». Песня «Джурджевдан» стала популярной в Югославии в 1942 г. после того, как её спел один из перевозимых в концлагерь Ясеновац боснийских сербов. Затем наслоились другие, не менее трагические события из истории Сербии. Песня стала всемирно известной благодаря фильму Э. Кустурицы «Дом для повешения» («Время цыган»), в котором ключевая сцена – празднование дня святого Георгия (Юрьев день), Джурджевдана по-сербски или, на языке цыган, Эдерлези.

Ключевые слова: музыка, театр, режиссура, учебные работы, поезд смерти, концлагерь, сербы, джурджевдан, ушаши

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-46-60

EDN: BFWVGU

Введение. В «Крейсеровой сонате» Л.Н. Толстого читаем: «Разве можно играть в гостиной среди декольтированных дам это престо? Сыграть и потом похлопать, а потом есть мороженое и говорить о последней сплетне. Эти вещи можно играть только при известных, важных, значительных обстоятельствах, и тогда, когда требуется совершить известные, соответствующие этой музыке важные поступки. Сыграть и сделать то, на что настроила эта музыка. А то несоответственное ни месту, ни времени вызывание энергии, чувства, ничем не проявляющегося, не может не действовать губительно» [8, с. 180]. Нередко в студенческих работах встречается обращение к музыкальным произведениям, не подходящим по тематике и сюжету либо литературному произведению, либо самому студенческому замыслу. Как писал американский композитор и певец Ф. Заппа, «...говорить о музыке – все равно

что танцевать об архитектуре» [6], но в данной работе так же, как и в процессе обучения студентов театрального ВУЗа, будем говорить о роли музыки в театральном произведении. Музыку в театральном представлении – в спектакле или учебном этюде – можно определить по её функциям, заключающихся в следующем.

1. Музыкальный фон, который подразумевает инструментальную подложку, обозначающую общую атмосферу спектакля или этюда, или эмоциональное состояние персонажа, о котором идёт речь. В таком случае автора сценического представления ведёт мелодия и помогает ему построить подходящий темпоритм, который повлияет как на исполнителей во время их действий на сцене, так и на зрителя. В том же бессмертном творении Л.Н. Толстого справедливо звучат слова: «Она, музыка,

сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переношусь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю» [8, с. 179]. В случае классических произведений или любых относительно известных, ко многому обязывает название. Так, к примеру, в спектакле «Теневые фантазии», поставленном автором данной статьи, в первой части – «Карнавал животных» – на музыку Камиля Сен-Санса или во второй – «Детский альбом» П.И. Чайковского – необходимо было уважать названия, данные авторами, т.е. композиторами. На музыкальную тему «Слон», разумеется, нельзя поставить игру куриц, или на тему «Болезни куклы» – поставить солдатику. Иногда и названия недостаточно – необходимо изучить историю создания данной музыкальной композиции. Однако на сегодняшний день в интернет-пространстве можно найти массу инструментальных произведений под общим названием, например, «Расслабляющая музыка», «Окунитесь в звуки природы», «Сон за 5 минут» и пр. – нередко студенты их и берут для своих тренингов и этюдных работ. Такую музыку зритель её не будет определять по названию, автору или фрагментам, а будет принимать как естественную составляющую часть спектакля (этюда). Ассоциативная память, постоянно присутствующая в каждом человеке, не позволяет принимать что-то знакомое, уже однозначно названное автором, за что-то другое. «Порой кажется, что присутствие музыкальных звуков, ритмов, мелодий становится тотально избыточным, возникает ощущение, особенно в условиях современных информационных технологий, что музыка доминирует в обществе как явление, подменяя слова, мысли, придавая им особый, событийный эмоциональный окрас. В этом смысле театр также не стоит в стороне от тенденций информационно-художественного развития общества, музыка все в большей степени становится фактором драматического действия, внося свое неповторимое эмоциональное звучание» [5, с. 125].

2. Музыкальный сюжет, представляет полноценное музыкальное произведение, в котором, кроме мелодии и названия, присутствует и текст, обязующий автора сценического представления уважать его, чтобы зрителю помочь лучше почувствовать и понять основную идею и сверхзадачу спектакля.
3. Музыкальный эффект – это очень короткий музыкальный фрагмент, который подчёркивает, акцентирует звуком какой-либо важный момент в представлении. «Отмечая роль музыкального искусства в театральном спектакле, его особое значение, мы имеем в виду, прежде всего, свойство музыки создавать единое эмоционально информационное поле, то есть состояние общего сопереживания участников спектакля» [5, с. 126].

История вопроса. Настоящее исследование посвящено прежде всего именно музыкальному сюжету как самому комплексному звуковому элементу театрального произведения – как для режиссёров в театре, так и (тем более!) для педагогов и студентов театральных ВУЗов. Как справедливо утверждает Е.А. Минаев, «система координат звук – драматургия имеет множество вариантов парадигмы развития спектакля и в первую очередь – звук – слово, звук – интонация, но также и звук – световое решение, звук – ассоциация, как настройка зала, звук – как вне предметный или абстрактный шум, звук – предвещающий эмоциональную реакцию, звук – продлевающий психологическое состояние героев, звук – послесловие, звук – противоречие усиливающее драматизм сцены, звук – вежа, звук – отбивка одного эпизода от другого, в конце концов, звук – предельно доминирующий, каким он является нам в опере, где несет основную эмоционально смысловую нагрузку спектакля» [5, с. 129-130].

Необоснованное использование известного музыкального материала не только нарушает логику восприятия зрителем происходящего на сцене, но и приводит к трудностям и самого актёра в построении роли в спектакле. Неумелое использование известных музыкальных сюжетов может привести даже к оскорблению чувств определённой группы зрителей. И наоборот, у нейтрального зрителя, переполненного разнообразными общественными стереотипами и предубеждениями, подобный коллапс может вызвать непонимание или полное недоумение. Заблуждения авторов спектакля или учебного этюда при

поиске и выборе музыкального сопровождения могут привести к полной гибели их авторского замысла.

Методы исследования: главным образом – сравнительно-исторический, описательный. Для данного исследования проводилось анкетирование студентов и мониторинг различных форумов и блогов в интернете, но преимущественно локализованных по месту явления объекта исследования, а также анализ студенческих работ, который и послужил исходной посылкой исследования.

Результаты исследования. В качестве отправной точки исследования хотелось бы привести мнение мастера РГИСИ Семёна Спивака о роли музыки в театральной постановке: «Музыка — это высшее искусство: она попадает прямо в душу, в сердце. Поэтому для меня хорош тот спектакль, который сам приближается к музыке. И в театре мы обычно долго репетируем как раз потому, что ищем интонации, которые превращают слова в мелодию. А для этого, безусловно, нужен определенный звуковой ряд. Нет общего закона работы с музыкой, тем более если режиссер растёт и меняется» [6].

Действительно нет «общего закона» в работе режиссёра с музыкой. Но есть профессиональное и этическое отношение к такому выбору.

В одном студенческом этюде (без текста), темой которого стала жизнь Фриды Кало, звучала уже всемирно известная музыка «Джурджевдан» с текстом на цыганском языке. Студентка нашла перевод песни с цыганского на русский язык, причем первый попавшийся, с непроверенного источника, и на этом остановилась. Парадокс в том, что она нашла источник, который говорит об исполнении песни мальчиком. Студентке не обескуражило, что такое произведение неуместно использовать в работе, касающейся женщины, прежде всего Фриды Кало. Напротив, студентке показалось достаточным, что это «любовная песня», как она поняла по мелодии, и дальше, не обращая внимания на текст, она опиралась на мировую известность этой мелодии, полагая, что поднимает свою работу на высший уровень, а по сути делая ее провальной. Сердце девушки почувствовало данную мелодию как страдание, вполне подходящее судьбе героини этюда, Фриды Кало. В какой-то мере студентка поступила резонно, если иметь в виду только мелодию. И если бы в этом произведении не было текста и его особой, неоднозначной истории, которую студентка не

удосужилась изучить, возможно, работа бы и состоялась.

В другой студенческой работе эта же песня звучала в сцене свадебного гуляния где-то в России. Никто из зрителей, которые смотрели работу, естественно, не знали языка и текст понять не могли. На экзаменах не так много или совсем редко уделяется внимания обсуждению музыкального сопровождения в студенческих работах на режиссёрских и актёрских курсах. Но представляется важным предупреждать студентов, что среди 1000 зрителей обязательно будет один, который «уличит в обмане», т.е. в недостаточном исследовании определенных деталей и предостережении ложных фактов.

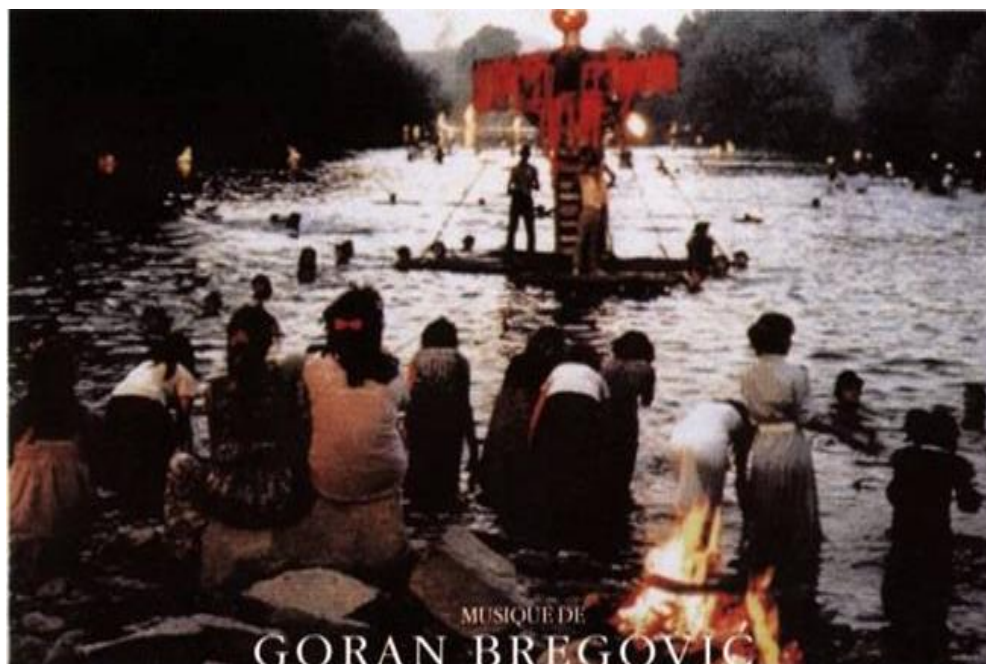
На одном из экзаменов таким зрителем оказался автор данной статьи, которому песня «Джурджевдан» была не только известна, но и этнически очень близка, более того, педагогом автора в Академии сценических искусств был тот самый Эмир Кустурица, а родиной – г. Сараево, откуда пошло творческое-музыкальное движение «новый примитивизм», в котором, между прочим, участвовал и Э. Кустурица вместе со своей музыкальной группой, существующей до сих пор и нередко гастролирующей по России – «Но смокинг оркестр». Песня, про которую идёт речь в данной работе, не имеет отношения к этому движению, но творчество данного режиссёра в кино имеет, и это видно в его подходе при подборе тем, а также и приёмах, которые он использует.

В это же время, в начале 80-х гг. XX в., «супротив» этому движению началось использование этнических мелодий и песен в переаранжировке рок-группы «Белая пуговка» («Белое дугме»), лидером и композитором которой являлся Горан Брегович. Г. Брегович и Э. Кустурица дружили, и так сложилось, что Г. Брегович стал на какое-то время главным композитором для кино Э. Кустурицы. Песня стала всемирно известной благодаря фильму Э. Кустурицы «Дом для повешения» («Время цыган») (см. рис. 1), в котором ключевая сцена – празднование дня святого Георгия (Юрьев день), Джурджевдана по-сербски или, на языке цыган, Эдерлези. Эдерлези – это духовный праздник, предшественником которого является турецкий праздник Hidirlezi (Хыдыреллез), анатолийско-балканского, но в своём корне цыганского происхождения – праздник, посвященный пророкам Хизир и Ильясу, отмечается 5-6 мая в

Турции. У тюркских народов он знаменует приход весны и считается днем, когда пророки Хызыр и Ильяс встретились на Земле. Это веселый земледельческий праздник у турков, пере-кликающийся с иранским наврузом, славянским

Иваном Купалой, а у сербов – с Джурджевднем, днём св. Юрия. В первой половине мая, с появлением первой зелени, в прошлом его праздновали три дня - точно так же, как у сербов празднуется Джурджевдан

Рис. 1. Кадр из фильма «Дом для повешения» («Время цыган»)
(Still from the film «House for Hanging» («Time of the Gypsies»))

Г. Брегович как композитор в данном фильме немного обработал цыганскую народную песню, практически не меняя её текст и суть:

«Sa me amala
Oro khelena,
Oro khelena,
Dive kerena
A, odo, daje,
Amaro dive
Amaro dive,
Ederlezi.
Sa o roma, daje!..
Sa o roma, babo, babo
Sa o roma, o daje
Sa o roma, babo, babo
Ej, Ederlezi, Ederlezi
Sa o roma, daje.
Sa o roma, babo,
E bakren chinen.
A me, choro,
Dural beshava»
Вторая версия:
«A me, choro,
Dural dikhava).

«Все мои друзья
Хоро танцуют,
Хоро танцуют,
Праздник празднуют
Ах, то, мама,
Наш праздник,
Наш праздник,
Эдерлези!
Все цыгане, мама,
Все цыгане, папа, папа,
Все цыгане, о мама,
Все цыгане, папа, папа,
Эй, Эдерлези, Эдерлези!
Все цыгане, мама,
Все цыгане, папа,
Барашков режут.
А я, бедный,
Поодаль сижусь...»
(или:
«А я, бедный,
Издали гляжу).

A, odo, daje,
Amaro dive,
Amaro dive,
Ederlezi.
E devado, babo,
Amenge bakro.
Sa o Roma, babo,
E bakren chinen.
E-e-ej...
Sa o Roma, babo, babo
Sa o Roma, o daje
Sa o Roma, babo, babo
Ej, Ederlezi, Ederlezi,
Sa o Roma, daje.

Ах, то, мама,
Наш праздник,
Наш праздник,
Эдерлези!
Подали, папа,
И нам барашка!
Все цыгане, папа,
Барашков режут.
Эй...
Все цыгане, папа, папа,
Все цыгане, мама,
Все цыгане, папа, папа,
Эй, Эдерлези, Эдерлези,
Все цыгане, мама...»
(Пер. Л. Мазикиной).

Песню исполняет девочка из бедной цыганской семьи. Дочь спрашивает родителей: почему их семья не жарит барашка, как все остальные цыгане, и сидит голодной. Жарение барана является языческим обрядом, сохранившимся до сих пор в Боснии и Герцеговине, а также в Сербии, именно там, где Османская империя царила пять веков и оставила, естественно, след в культуре народов, проживающих на ее территории по сей день. Девочка в этой песне предлагает своей семье сходить на площадь, где бедным можно поесть баранины бесплатно, но гордые родители всё-таки не соглашаются присоединиться к празднику, и девочка остаётся голодной [3].

Можно предположить, что такой вариант «рождения» песни является вполне логичным, если иметь в виду цыган как народ вечно скитающийся, по-настоящему свободный, но одновременно в основной массе живущий в нужде. Вполне вероятно, что письменных данных нет и текст передается, как это принято у многих народов, из поколения в поколение в устной форме. Поэтому можно считать эту песню народной. По В. Гаврилину, «некоторые считают, что слова важнее. Другие — что на хорошую музыку ляжет любой текст <...> Я придерживаюсь третьей, идеальной точки зрения: слово и звук должны быть

взаимно подчинены друг другу и в то же время независимы, как люди, которым хорошо и вместе, и порознь» [1, с. 146]. То же самое должно происходить и с взаимоотношением музыки и литературной основы спектакля, а также и с его жанром.

Завораживающий балканский мелос является смесью, сформированной под влиянием нескольких культур, и в первую очередь восточной, в данном случае турецкого мелоса. Погружаясь в мелодию, мы часто не вслушиваемся в текст и задумываемся, о чём песня. Когда эта песня звучит в Сербии, а звучит она и на свадьбах, и на похоронах, люди поют ее от души и с тоской, однако не понимая сути каждого слова, при этом чувствуя каждую ноту. Песня нередко пробуждает в душе человека уже закодированное на подсознательном уровне страдание. Проблема начинается тогда, когда текст воспринимается осознанно. Песня на сербском языке во втором варианте говорит через любовное страдание о много большем — о трагедии сербского народа. Приведем текст песни на боснийском языке с переводом на русский (до гражданской войны 1992-1995 гг. боснийский язык был диалектом сербскохорватского языка):

Đurđevdan

Proljeće na moje rame slijeće,
đurđevak zeleni, đurđevak zeleni
svima osim meni.
Drumovi odoše, a ja ostah
Nema zvezde Danice,

Юрьев день

Весна опускается мне на плечи,
ландыш зеленеет, ландыш зеленеет
для всех, кроме меня.
Пути-дороги ушли, а я остался
без утренней звезды,

Nema zvezde Danice
Moje saputnice.
Kome sada moja draga
Na đurđevak miriše,
Na đurđevak miriše,
Meni nikad više.
Evo zore,
Evo zore,
Bogu da se pomolim,
Evo zore,
Evo zore,
Đurđevdan je,
A ja nisam s onom koju volim.
Njeno ime neka se spominje
Svakog drugog dana,
Svakog drugog dan
Osim Đurđevdana.

без утренней звезды
моей спутницы.
Кто сейчас ощущает запах моей дорогой,
которая пахнет ландышем,
которая пахнет ландышем,
я никогда больше не буду ощущать его.
Вот и заря настала,
вот и заря настала,
помолюсь я Богу,
Вот и заря настала,
вот и заря настала,
Наступил Юрьев день,
а я не с той, которую люблю.
Пусть имя ее вспоминается
каждый последующий день,
каждый последующий день
кроме Юрьева дня.

«Почти ни одна сербская вечеринка, почти ни одна свадьба или крещение не обходится без пения: «Это Юрьев день, и я не с тем, кого люблю». Действительно, уже в самом названии знаменитой песни «Дугмич» из Сараево раскрывается какое-то великое страдание и несоразмерная печаль. Я считаю, что человеку достаточно немного это представить и полностью понять, и пережить» [17].

История этой песни сложна и загадочна, несмотря на то, какая из ее версий является правильной. Версия песни, которая каким-то образом документирована, подкреплена историческими фактами, очень тяжёлая, крайнее трагическая и потому слишком грустная. Касается это её происхождения или «возрождения» во второй мировой войне, в которой самые жестокие бои с фашистами происходили именно в Боснии, так же, как и во время гражданской войны 90-х гг. XX-го в. Интересно также, что какие-то ключевые, всемирно важные исторические события касаются именно столицы Республики Боснии и Герцеговины – города Сараево.

Из истории песни: «...песня «Джурджевдан» стала популярной в Югославии в 1942 г. после того, как её спел один из перевозимых в концлагерь Ясеновац боснийских сербов. Профессор Жарко Видович, присутствовавший при этом, рассказывал, что голос певца был настолько сильным, а песня так поднимала душевный настрой узников, что эсэсовцы забили все окна товарных вагонов, оставив людей практически без воздуха. В результате из 3000 человек живыми в лагерь прибыли 2000, а вернулись домой после всех

ужасов войны лишь 200 заключённых того эшелона» [2]. Существуют два названия данной песни – на цыганском и сербском языке в зависимости от сюжета песни. Жарко Видович здесь подчёркивает: эта песня «стала популярной» в 1942 г. Если она стала популярной, это значит, что она и до того существовала, а это трагическое событие «помогло» ей стать ещё более популярной. Благодаря тому что песня посвящена духовному празднику, то зазвучав в момент трагических событий 1942 года, она стала криком души и символом протеста. «Некоторые из них считали, что временно прощаются с родиной, поэтому пытались подбодрить и поднять парализованных неуверенностью попутчиков. В одном из таких спазмов бархатистый баритон сараевской Слоги, раздвигавший волнение заключённых, гордо и во весь голос запел песню - Весна садится мне на плечо, ландыш зелен для всех, кроме меня...» [17].

Приведем еще один исторически значимый факт: «Транспорт в Ясеновац. Сегодня на литургии (21 мая 2000 г.) в церкви Святого Саввы на Врачаре ожили мои воспоминания о транспортировке и прибытии в лагерь Ясеновац. 6 мая 1942 года усташская полиция Независимого Государства Хорватия организовала для сербов из Сараево «День усташского Святого Георгия: бесплатный транспорт на тефериче» в Ясеновац! <...> Нас вывели из тюремных камер и окружающих барачков около четырех часов утра, незадолго до рассвета: действительно на рассвете, но не Журджевданского! (Именно тогда была создана грустная сараевская песня «Джурджевдан», которую

Горан Брегович прекрасно исполнит: и ему спасибо!» [11].

Знающие о тех событиях очень трепетно к этой песне относятся, но их меньшинство. Поэтому еще одна задача настоящей статьи – довести до максимально широкого круга читателей тот факт, что текст «...ей, кому теперь моя дорога ландышем пахнет...всем кроме меня...» не имеет отношения к какой-то любовной измене, как это часто сейчас понимают. Эта песня стала музыкальным символом, подтверждающим национальный идентитет сербов (рис. 2). Однако эту песню исполняют все на всей территории бывшей Югославии, которая разделилась по национальному и религиозному признаку во второй мировой и особенно последней войне.

«Да, это та песня, которую потом обработали «Пугавки» и которую мы поём, когда веселимся. Заключение оказались в тесноте, без воздуха и в темноте. У них даже не было воды. Все потребности, и те непостижимые, регулярные, утренние, которые никто не смог выполнить в этой гонке и толкучке в тюремной камере в тазу, были выполнены стоя, потому что они были настолько сжаты, что никто не мог повернуться, даже рука, не говоря уже о том, чтобы развернуться или сесть. Мальчики сначала плакали, а потом падали в обморок. На самом деле, нельзя сказать, что они „падали“, так как и в бессознательном состоянии они стояли прямо, зажатые между другими» [17].

Большинству народов – как сербского, так и других – это обстоятельство неизвестно, и поэтому, когда сербы исполняют песню на своём языке на различных гуляниях, через данный текст они переживают какое-то своё личное, чаще всего любовное событие, расставание с кем-то любимым. Они, сербы, проживают своего рода страдание, только причина совершенно другая, нежели та, которая является источником песни. Получается, как это часто бывает, своего рода катарсис, что и является основной задачей любого вида искусства, и особенно театра. Когда студент российского вуза использует эту песню в своей работе, он прежде всего ориентируется на сцены из фильма Кустурицы, который умело объединил песню, тему и сюжет фильма, т.е. через определённую сцену и актёрскую игру. Студент помнит, что это его глубоко тронуло и подсознательно хочет добиться такого же эффекта своей игрой. Но путь к душе человека сценического искусства очень сложен и обоснован множеством

театральных законов, которые являются предметом исследования многочисленных наук.

Примечательно, что об этом пишут на пространствах Боснии и Герцеговины, где случилась большая часть трагедий и в Великой Отечественной войне, и во второй мировой в целом, а также в гражданской войне 1992-1995 г., и особенно в г. Сараево: «В память обо всех невинных жертвах в День памяти жертв Холокоста, геноцида и других жертв фашизма во Второй мировой войне я публикую этот текст, созданный после беседы в 2015 году с Жарко Видовичем, уважаемым сербским искусствоведам и бывшим заключенным. <...> Мало кто знает, что большой хит «Джурджевдан» на самом деле является старой довоенной песней, которая могла бы быть забыта и по сей день, если бы не один роковой поезд и ужасные преступления, совершенные в Ясеноваце во время Второй мировой войны. «Тот факт, что мы пели эту песню по дороге в Ясеновац, много упоминался после войны, поэтому Брегович взял эту песню, обработал ее новыми куплетами, и так она стала известной. И первоначальные слова песни были о любви, но именно версия Горана Бреговича сделала ее всемирно популярной» — заявляет Ж. Видович [16].

Вдоль всего правого берега, по набережной Кулина Бана (рис. 3), протягивался «поезд смерти»: Третий мост, ныне Латинский мост, потом Принципов мост, а теперь мост Кулина Бана и место, откуда Гаврило Принцип стрелял в австро-венгерского престолонаследника принца Фердинанда и его жену, с чего и началась первая мировая война.

Это те трагические события истории, которые сделали песню всемирно известной. «Наступило 6 мая 1942 года. Было холодное сараевское утро. Полиция Независимого Государства Хорватия распорядилась подготовить «Ранний Георгиевский праздник». Таким образом, около 4 часов утра колонны заключенных хлынули в город <...> на побережье Кулин-бана, где стояли поезда смерти (рис. 4). Трамвайная линия в Сараево имела ширину узких рельсов и поезд из Брода*, по распоряжению руководства Независимого государства Хорватия, въезжал в город. Перед сербскими мучениками на побережье Кулин бан выстроился поезд длиной от Ратуши до Электростанции. В колонне было около 3000 человек, в основном молодежь. Среди них были хозяева, заключенные в тюрьму вместе со своими

сыновьями, а также мусульмане, которые встали на сторону сербов или объявили себя сербами. Безудержные ушаши перед колонной кричали:

«Где вы, сербы! Мы бесплатно отвезем вас на праздник в Ясеновац!» [16].

Рис. 2. Страдания сербов, цыган и евреев в концентрационном лагере Ясеновац [10] (The suffering of Serbs, Gypsies and Jews in the Jasenovac concentration camp).

Рис. 3. г. Сараево (Sarajevo)

Бытует и точка зрения, согласно которой песня зародилась именно в этом «поезде смерти»: «... (16/29 мая) Церковь празднует святого мученика Вукашина, родом из Клепичи

(Герцеговина), который вместе с тысячами сербов из Сараево был заключен в один из самых чудовищных концентрационных лагерей Второй мировой войны – Ясеновац. Его персонаж сыграл

в кино «Джурджевак краснеет» сербского режиссёра Х.А. Джурджевича известный сербский актёр Танасие Узунович [18].

Рис. 4. Поезд смерти [14] (Death Train).

В кадре из сербского фильма «Джурджевак краснеет» (рис. 5) слева в роли усташа – Горан Евтич, справа – в роли святого Вукашина – Танасие Узунович.

Рис. 5. Кадр из сербского фильма «Джурджевак краснеет» (Still from the Serbian film «Djurdjevac turns red»)

Песня «Джурджевдан» создается в поезде до Ясеноваца». По словам Ж. Видовича, «в поездах смерти в один момент была создана песня «Джурджевдан», которая впервые прозвучала из уст молодого человека, члена Культурно-художественного общества «Слога» из Сараево...» [11]. Таких

мнений немало, но в поиске истины резонно было бы склоняться в сторону версии, более прочно подкрепленной фактами. Имея ввиду слова известного учёного Жарка Видовича, прямого свидетеля, лично пережившего ужасы и этого поезда, и концентрационного лагеря, а

также имея ввиду демографическую и историческую специфику этого города, автор данного исследования склоняется к версии, которая говорит о существовании песни как коренной – на цыганском языке, которую унаследовали в народе и перевели на язык большинства жителей города – на сербскохорватский. На просторах бывшей Югославии цыгане жили в Сербии, Македонии, Черногории и Боснии и Герцеговины. В республиках Словении и Хорватии их практически не было. Именно эти упомянутые территории, на которых они жили и живут, были в течение пяти веков пространством, оккупированным Оттоманской империей. Так как турецкая ветвь цыган была многочисленной, то часть её в течение достаточного большого промежутка времени эмигрировала и ассимилировалась в Северной Македонии, на юге Болгарии, в южной Сербии, немного в Черногории и, естественно, в Боснии. Их языческие верования и обычаи переплетались с верой и обычаями мусульман, которые в то время только начинали свое существование на просторах Балкан. Ислам начал расширяться, и с тех пор очень много православных сербов и языческих цыган приняло ислам, при этом сохраняя или в какой-то степени трансформируя свои обычаи, ритуалы и обряды. Всё эти культурные переплетения и трансформации, естественно, проявляются и в музыке. Версию песни, которую исполняет рок-группа «Белая пуговка», можно рассматривать только как «вариацию на заданную тему». Режиссёр Э. Кустурица использовал песню полнее в соответствующем контексте в своём фильме, благодаря тщательному поиску и добротному исследованию, которое проводил при создании своего фильма. Говоря про цыган, Э. Кустурица естественно использовал песню на цыганском языке и в контексте судьбы главных персонажей через сцену ритуального обряда купания в реке до зари на праздник – Юрьев день. Другой вариант, на сербском языке, режиссёр, возможно, и не рассматривал, т.к. не только текст, но и контекст песни там совершенно другой, и речь уже не идёт про цыган, которые являются темой творческого размышления кинорежиссера.

В соцсетях нередко встречаются видео сцены ритуального купания до зари на Юрьев день, где звучит песня «Ерделези», а не «Джурджувдан».

Как пишет В. Гаврилин, «... к нашему великому сожалению, многие сербы сегодня не знают об этом поезде смерти и истинном значении этой песни. Мы все являемся свидетелями того, что он присутствует на каждом празднике сербского

народа, наряду с алкоголем и поднятыми руками. Было бы замечательно, если бы мы начали уважать свое прошлое. Только так будущее не «поглотит» нас и не наступит какой-нибудь новый кровавый День Святого Георгия» [1].

Число жертв концентрационного лагеря Ясеновац – 700000 человек. из чего 500000 сербов, 20000 детей, 127000 антифашистов и остальные евреи и цыгане (рис. 6) [7].

«Говорят, что Дугмичи, одетые в сербские костюмы и в триколор, сняли видео с желанием сохранить правду от забвения. Я слышал, что это же видео очень быстро оказалось в видео бункерах вместе с другим нежелательным материалом, как и призывы выживших лагерников обозначить определенные места в городе мемориальными досками закончились бесславно» [16].

Внушает определенный оптимизм то обстоятельство, что творческие деятели, тем более молодые, всё больше исследуют факты и пытаются демистифицировать вопрос рождения обсуждаемой песни. И не только песни, что очень важно и для истории фольклора сербского народа, и для искусствоведения в музыкальном направлении, а прежде всего трагического события в истории сербов, которое, к сожалению, неоднократно повторилось.

Об этой очень важной работе молодого сербского кинорежиссёра и его участии на международном кинофестивале «Свет миру-2015» в г. Ярославле справедливо пишут: «В статье «Философское осмысление проблем человека в культурном контексте современного православного кино» [5] отмечена актуальность киноленты «Красный ландыш». Фильм «Красный ландыш» (режиссер Хаджи-Александр Джурович, Сербия, Белград «Александрия фильм», 2014) — это воссозданные реальные события Второй мировой войны в Сербии. Киноработа имеет возрастное ограничение: лицам до 18 лет смотреть её не рекомендуется. Это понятно с первых кадров картины. Как может человек принять смерть? Это очень сложный вопрос, на который, вероятно, ни один философ не даст ответ. Каждый человек хочет жить. В фильме мы видим как сопротивление, так и смирение и гордое достоинство, выраженное песней. Идея фильма, по мнению автора данной статьи, заключается в том, что песню убить нельзя, в ней живёт душа целого народа, она способна увековечить подвиг человека. Это трагическая история песни «Юрьев день», которая появилась 6 мая 1942 года в «поезде смерти» по пути в концентрационный лагерь Ясеновац, в котором

массово мучили и убивали мужчин, женщин, детей и стариков из-за их религиозной, национальной и политической принадлежности» [4].

Рис. 6. Число жертв концентрационного лагеря Ясеновац
(Number of victims of the Jasenovac concentration camp)

Примечательно мнение самого автора шедевра: «Я пытался создать произведение, после которого зрители будут представлять и задаваться вопросом, как много мы не знаем, а нам следует знать, как много мы забываем, а нам следует помнить, и, наконец, как легко мы принимаем некоторые вещи, а мы этого не смеем делать» [13]. Интересно что молодой режиссёр, кроме того что снял фильм в духе 50-60-х гг. в чёрно-белой технике, чтобы таким способом, между прочим, уменьшить ужасы исторического кровопролития, постарался сделать и музыкальную аранжировку, которая могла бы быть более в духе сербской народной песни. В этом ему помогла Ойкачка – группа деревни Маюр вблизи г. Шабац в Сербии. Сам автор интервью с режиссёром озаглавил статью и дал самое точное определение песни «Джурджевдан»: «гимн мученика».

Выводы. Выбор выразительных средств в театре, как и в искусстве в целом, должен стремиться к безальтернативности, т.е. автор-режиссёр или студент должно перебрать большое количество выразительных средств, чтобы в итоге остановиться на одном, самом точном. Тогда начинается масштабное теоретическое, этическое и историческое исследование этого «средства», в данном случае музыкального фрагмента. Этот процесс должен быть таким же, как исследовательский – в подборе драматургической

основы или в самом постановочном процессе работы с актёром. Представляется важным затронуть вопрос, касающийся человеческой и профессиональной этики, ответственности или безответственности, эмпатии или наоборот – её отсутствия, профессионализма как такового. Подмена понятий или поведение, основанное на «святом неведении», – явления распространенные и основаны на многолетнем, подчас намеренном уничтожении духовных и интеллектуальных благ как народа в целом, так и отдельной человеческой единицы – в пользу материальной прибыли. Макиавеллизм, когда «цель оправдывает средства», в крайне неправильной трактовке применяется всё более масштабно. Можно ли во время гулянки веселиться, танцуя под музыку песни, где речь идёт о голоде в первой, цыганской, версии, или про ужасы войны во второй версии? Увы, реальность дает на это положительный ответ. Чаше такое происходит без злого умысла. Однако «благими намерениями вымощена дорога в ад». Известно, что музыка лечит. Но она же и «убивает». А когда коллизии, описанные в данной статье, происходят в спектакле, то это действительно имеет пагубное воздействие на смысл всего действия.

Эпоха глобализации, которая принесла с собой прагматизм и эгоизм, унесла личную ответственность, подменяя её экономической выгодой, что

привело к страшным последствиям в плане воспитания и культуры. Если сам народ, даже тот, у которого песня родилась, не знает истории всего, что исполняет, если народ существует чаще на эмоциональном уровне, то профессионал, интеллектual обязан изучить каждую деталь, которую применяет в своей театральной и публичной работе, чтобы избежать кардинальных ошибок, которые могут нанести вред не только единицам, но и обществу в целом. Наставник обязан учить студентов огромной ответственности, которую они берут на себя, выбирая профессию театрального деятеля. Служить театру означает служить народу. И здесь как нельзя кстати вспоминаются слова Н.А. Некрасова: «поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан» («Поэт и гражданин», 1856 г.).

В любом случае студентам необходимо постоянно повторять и объяснять огромную важность работы с архивами, приводя примеры пагубного воздействия неадекватного материала. «Действительно, музыка вся программная, программна ее язык. И, обучая пониманию музыки, надо хорошо это усвоить», – пишет В. Гаврилин [1, с. 83]. Не следует забывать об «убойной силе» театра во всех смыслах этого слова. Музыка часто бывает мощным оружием в «руках» театра. И если кардинальные ошибки врачей или юристов могут убить кого-то сразу, то ошибки в театре причиняют вред массовый, причем на протяжении большого количества времени. Та же мысль встречается еще у Л.Н. Толстого: «В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть. Разве можно допустить, чтобы всякий, кто хочет, гипнотизировал бы один другого или многих и потом бы делал с ними, что хочет. И главное, чтобы этим гипнотизером был первый попавшийся безнравственный человек» [8, с. 180].

Примечания:

1. «Джурджевдан уранак». Шестого мая по православному календарю – праздник св. Георгия. На Балканах этот праздник отмечают сербы как «славу». Но это праздник прежде всего цыган, православных и мусульман. Этот день – самый главный цыганский праздник Эдерлези (Хедерлез), который представляет собой сплав языческих и христианских традиций, а «Уранак» в чем-то очень похож на русский – Ивана Купалы.

2. Слава (крестная слава) — это важнейший семейный праздник каждого православного серба; он отмечается раз в году, в день памяти святого, которому посвящена Крестная Слава. Т.е. славу своего святого, которого считают защитником,

празднуют как в семье, так и на государственном уровне, в организациях и учреждениях.

3. Ясеновац- во Второй мировой войне на территории Независимого Государства Хорватия (НГХ) происходил геноцид сербов, евреев и цыган. Основным организатором этого геноцида был фашистский режим усташей, подчинённый немецкой оккупационной администрации. Им создана большая система лагерей смерти, которая существовала с мая 1941 г. по апрель 1945. Ясеновац был самым крупным лагерем смерти НГХ в 60 км от Загреба. По разным оценкам, хорватскими усташами в нём было самыми зверскими способами убито от 83 000 до более 700 000 человек — сотни тысяч сербов, а также тысячи евреев и цыган.

4. Жарко Видович был сербским искусствове- дом, художественным критиком и историком. Жарко Видович родился в 1921 г. в Боснии (Тешань-Добой). В 1939 г. окончил среднюю школу в Нови-Саде. С 1939 г. учился в Загребе до апреля 1941 г. Попав на войну, он прошел через тюрьмы, затем лагеря в Германии и Норвегии, откуда бежал в 1943 г. в Швецию. Он учился в Уппсале в качестве стипендиата Королевства Швеция, затем в Белграде с 1948 по 1952 гг. В 1952 г. окончил факультет искусствоведения и в 1958 году защитил докторскую диссертацию в Белграде. С 1953 года, с перерывом на учебу во Франции в 1956 и 1957 годах, преподавал историю искусства и цивилизации в Сараевском и Загребском университетах. В 1967 году переехал из Загреба в Белград, где работал в Институте литературы и искусства СР Сербия до выхода на пенсию в 1986 г. Умер 18 мая 2016 г. в возрасте 95 лет. [11].

5. Брод – город, который находится на берегах реки Савы в двух государствах: Боснийский Брод в Боснии на правом берегу и Словенский Брод на левом берегу реки Савы в Славении, северной части Хорватии.

6. «Слога» – «Слога Сербского православного церковного певческого общества была основана в 1888 г. под опекой своих «высоких покровителей», выбрав Видовдан в качестве своего христианского названия; своей постоянной деятельностью «распространяла сербские культурные ценности» [12, с. 37].

7. Дугмичи, Пугавка, «Белая пугавка» (оригинальное название «Бијело дугме“ или “Bijelo dugme”) – всемирно известная рок-группа, родившаяся в г. Сараево в 1974 г. Лидер и композитор группы – Горан Брегович.

8. Усташи – Хорватское фашистское и ультра-националистическое движение, которое стремилось создать независимое хорватское государство. Во время второй мировой войны они зверски убивали прежде всего сербов (около 800 тыс. человек, в т.ч. женщин, стариков и детей), а также евреев и цыган. Их движение возродилось в 1972 г. и таким же методом, как и в 40-х гг. XX в., они действовали и в гражданской войне в бывшей СФРЮ в 1991-1995 гг.

1. Гаврилин, В. «Слушая сердцем...» Статьи. Выступления. Интервью. – СПб.: Композитор*Санкт-Петербург, 2005. – 456 с.
2. «Джурджевдан». История одной песни [Электронный ресурс]. – URL: <https://voljena.livejournal.com/352368.html> (дата обращения: 10.01.2024).
3. История одной песни. «Ederlezi» [Электронный ресурс]. – URL: <https://zuss.livejournal.com/668546.html> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Лебедева, Н. А. Идеино-тематические и изобразительно-выразительные особенности игровых и неигровых фильмов международного кинофестиваля «Свет миру – 2015» // Universum: Филология и искусствоведение: электрон. научн. журн. – 2015. – № 8 (21). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2569> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Минаев, Е. А. Музыка в контексте сценического действия // ВЕСТНИК КемГУКИ. – 2012. – № 19. – С. 125-130.
6. О музыке в спектакле // Петербургский театральный журнал [Официальный сайт]. – URL: <https://ptj.spb.ru/> (дата обращения: 09.01.2024).
7. Памятник жертвам концлагеря Ясеноваца, Хорватия. – URL: <https://www.orangesmile.com/extreme/ru/communism-contructions/monument-to-victims-of-jasenovac-concentration-camp.htm> (дата обращения: 09.01.2024).
8. Толстой, Л. Н. Крейцера соната // Толстой Л.Н. Собрание сочинений в 22 тт. Т. 12. – М.: Художественная литература, 1982.
9. Bijelo Dugme [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.last.fm/ru/music/Bijelo+Dugme> (дата обращения: 10.01.2024).
10. Дачић у УН западним дипломатама објаснио разлику између Јасеновца и Сребренице [Electronic resource]. – URL: <https://inlnk.ru/jEja0k> (дата обращения: 10.01.2024).
11. Др Жарко Видовић: Наша историја је обележена логорашким искуством [Electronic resource]. – URL: <https://standard.rs/2018/01/26/dr-zarko-vidovic-nasa-istorija-je-obelezena-logoraskim-iskustvom/> (дата обращения: 09.02.2024).
12. Dujmović, S. M. Sarajevska srpska čaršija 1918-1941. – Između tradicije i modernizacije / Doktorska disertacija. – Beograd: The University of Belgrade Faculty of Arts, 2015.
13. „Ђурђејвдан“ је химна мученика [Electronic resource]. – URL: <https://www.intermagazin.rs/djurdjevdan-je-himna-mucenika/> (дата обращения: 10.01.2024).
14. Misterija nastanka pesme "Đurđevdan" Postoje dve verzije - jedna je potresna, druga se veže za Bregu [Electronic resource]. – URL: <https://nportal.novosti.rs/vest/53632/vesti/drustvo/pesma-djurdjevdan-kako-je-nastala-pesma-djurdjevdan-logor-jasenovac-bijelo-dugme-goran-bregovic> (дата обращения: 10.01.2024).
15. Najtužnija srpska pesma: "Đurđevdan" nije oda ljubavi već govori o neopisivoj tragediji [Electronic resource]. – URL: <https://www.istorijskizabavnik.rs/blog/pesma-djurdjevdan-jasenovac> (дата обращения: 10.01.2024).
16. Песма Ђурђејвдан настала у возу за Јасеновац [Electronic resource]. – URL: <https://youtu.be/RCxz7m1jCJw?t=55> (дата обращения: 09.02.2024).
17. Пјесма Ђурђејвдан спаја Сарајево и ЈАСЕНОВАЦ [Electronic resource]. – URL: <https://srbiubih.com/nonbhb/> (дата обращения: 09.01.2024).
18. Potresna priča o Đurđevdanu najzad na filmu: Čuveni stihovi nastali su u vagonima smrti za Jasenovac (kurir.rs) – URL: <https://naslovi.net/2016-04-15/kurir/potresna-prica-o-djurdjevdanu-naizad-na-filmu-cuveni-stihovi-nastali-su-u-vagonima-smrti-za-jasenovac/18317736> (последнее посещение 10.01.2024)
19. Testimony of The Origin of The Song „Djurdjevdan“ (video) [Electronic resource]. – URL: <https://pravoslavljepzv.wordpress.com/2012/05/28/testimony-of-the-origin-of-the-song-djurdjevdan/> (date of the application: 10.01.2024).
20. Žarko Vidović [Electronic resource]. – URL: <https://www.knjizara.com/Zarko-Vidovic-o7817> (дата обращения: 10.01.2024).

THE HISTORICAL SIGNIFICANCE OF THE SONG "DJURJEVDAN": ON THE PROBLEM OF SELECTION OF MUSICAL MATERIAL FOR STUDIES

© 2024 A. Vucenovic

Amela Vucenovic, Associate Professor of the Department

"Directing and Acting of the Puppet Theater"

E-mail: skaskamela@mail.ru

Russian State Institute of Performing Arts

St. Petersburg, Russia

The author touches upon the issue of justification and logic of musical material (folk and/or original) used in the process of directing performances or student sketches. This aspect is emphasized in the context of the problem of upbringing and education of future directors and actors. Emphasis is placed on the need for a more careful selection of any, including world-famous, musical material in order to avoid harmful mistakes when preparing performances. Freedom of creativity does not give theater workers the right to distort history. In this article, the object of study was the song "Djurdjevdan", the historical roots of which, according to one version, go back to the "death trains" during the Second World War, the Serbian genocide, but which is now interpreted as a song about love conflicts, out of ignorance it is performed in the territory of the former Yugoslavia "both at weddings and funerals." The song "Djurdjevdan" became popular in Yugoslavia in 1942 after it was sung by one of the Bosnian Serbs transported to the Jasenovac concentration camp. Then other, no less tragic events from the history of Serbia were layered. The song became world famous thanks to the film by E. Kusturica "House for Hanging" ("Time of the Gypsies"), in which the key scene is the celebration of St. George's Day (St. George's Day), Djurdjevdan in Serbian or, in the language of the Gypsies, Ederlezi.

Key words: music, theater, directing, educational work, death train, concentration camp, Serbs, Djurdjevdan, Ustasha

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-46-60

EDN: BFWVGU

1. Gavrilin, V. «Slushaia serdtsem...» Stat'i. Vystupleniia. Interv'iu («Listening with the heart...» Articles. Performances. Interview). – Spb.: Kompozitor*Sankt-Peterburg, 2005. – 456 s.
2. «Dzhurdzhevdan». Istoriia odnoi pesni («Djurdzhevdan». The story of one song) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://voljena.livejournal.com/352368.html> (data obrashcheniia: 10.01.2024).
3. Istoriia odnoi pesni. «Ederlezi» (The story of one song. «Ederlezi») [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://zuss.livejournal.com/668546.html> (data obrashcheniia: 10.01.2024).
4. Lebedeva, N. A. Ideino-tematicheskie i izobrazitel'no-vyrazitel'nye osobennosti igrovykh i neigrovykh fil'mov mezhdunarodnogo kinofestivalia «Svet miru – 2015» (Ideological, thematic and visual-expressive features of feature and non-fiction films of the international film festival "Light of the World - 2015") // Universum: Filologiya i iskusstvovedenie: elektron. nauchn. zhurn. – 2015. – № 8 (21). – URL: <http://7universum.com/ru/philology/archive/item/2569> (data obrashcheniia: 10.01.2024).
5. Minaev, E. A. Muzyka v kontekste stsenicheskogo deistviia (Music in the context of stage action) // VESTNIK KemGUKI. – 2012. – № 19. – С. 125-130.
6. О музыке в спектакле (About the music in the play) // Peterburgskii teatral'nyi zhurnal [Ofitsial'nyi sait]. – URL: <https://ptj.spb.ru/> (data obrashcheniia: 09.01.2024).
7. Pamiatnik zhertvam kontslageria Iasenovatsa, Khorvatiia (Monument to the victims of the Jasenovac concentration camp, Croatia.). – URL: <https://www.orangesmile.com/extreme/ru/communism-contructions/monument-to-victims-of-jasenovac-concentration-camp.htm> (data obrashcheniia: 09.01.2024).
8. Tolstoi, L. N. Kreitserova sonata // Tolstoi L.N. Sobranie sochinenii v 22 tt. T. 12. – M.: Khudozhestvennaia literatura, 1982.
9. Bijelo Dugme [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.last.fm/ru/music/Bijelo+Dugme> (дата обращения: 10.01.2024).
10. Дачић у УН западним дипломатама објаснио разлику између Јасеновца и Сребренице [Electronic resource]. – URL: <https://inlnk.ru/jEja0k> (дата обращения: 10.01.2024).
11. Др Жарко Видовић: Наша историја је обележена логорашким искуством [Electronic resource]. – URL: <https://standard.rs/2018/01/26/dr-zarko-vidovic-nasa-istorija-je-obelezana-logoraskim-iskustvom/> (дата обращения: 09.02.2024).
12. Dujmović, S. M. Sarajevska srpska čaršija 1918-1941. – Između tradicije i modernizacije / Doktorska disertacija. – Beograd: The University of Belgrade Faculty of Arts, 2015.
13. „Ђурђеџдан“ је химна мученика [Electronic resource]. – URL: <https://www.intermagazin.rs/djurdjevdan-je-himna-mucenika/> (дата обращения: 10.01.2024).

14. Misterija nastanka pesme "Đurđevdan" Postoje dve verzije - jedna je potresna, druga se veže za Bregu [Electronic resource]. – URL: <https://nportal.novosti.rs/vest/53632/vesti/drustvo/pesma-djurdjevdan-kako-je-nastala-pesma-djurdjevdan-logor-jasenovac-bijelo-dugme-goran-bregovic> (дата обращения: 10.01.2024).
15. Najtužnija srpska pesma: "Đurđevdan" nije oda ljubavi već govori o neopisivoj tragediji [Electronic resource]. – URL: <https://www.istorijskizabavnik.rs/blog/pesma-djurdjevdan-jasenovac> (дата обращения: 10.01.2024).
16. Песма Ђурђевдан настала у возу за Јасеновац [Electronic resource]. – URL: <https://youtu.be/RCxz7m1jCJw?t=55> (дата обращения: 09.02.2024).
17. Пјесма Ђурђевдан спаја Сарајево И ЈАСЕНОВАЦ [Electronic resource]. – URL: <https://srbiubih.com/nonbhb/> (дата обращения: 09.01.2024).

УДК 130.2: 316.6: 304.2 (Философия культуры. Системы культуры. Культурологические учения/
Социальное поведение. Социальная психология / Социальные и культурные проблемы)

СОВРЕМЕННЫЕ ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПОД ВЛИЯНИЕМ ЦИФРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2024 М.В. Григорьева

Григорьева Мария Владимировна, кандидат политических наук,
научный сотрудник ИНИОН РАН

E-mail: mariagrigorieva9@gmail.com

Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук
Москва, Россия

Статья посвящена новейшим вызовам, которые ставит перед обществом стремительное развитие цифровых коммуникационных технологий, прежде всего глобальных социальных сетей. Актуальность темы заключается в том, что социальные сети непрестанно усиливают свою монополию в качестве каналов распространения информации и площадок коммуникации. При этом коммерческий характер социальных сетей, нацеленность ИТ-гигантов на максимизацию прибыли приводит к непредвиденным последствиям, которые существенно трансформируют общественно-политическую жизнь во всем мире. Рассматриваются ключевые вопросы, связанные с особенностями работы социальных сетей и их значимым влиянием на общественно-политическую сферу, начиная с так называемых «человеческих факторов», таких как преднамеренное использование социальных сетей политическими группами интересов, и психологических особенностей человеческого поведения, влияющих на формирование сетевого пространства, до встроенных механизмов функционирования социальных сетей, таких как алгоритмы рекомендаций, сбор и анализ огромных объемов персональных данных в коммерческих целях, что все чаще используется в целях политических. Автором выявлены основные факторы в функционировании социальных медиа, которые влияют на политическую жизнь в современных обществах, при помощи использования социально-антропологического подхода, который предполагает изучение общественных практик как сложной системы, которая включает в себя множество элементов и связей между ними.

Ключевые слова: социальные сети, искусственный интеллект (ИИ), алгоритмы рекомендаций, политтехнологии, персональные данные, дезинформация, общественное доверие

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-61-70

EDN: BRMIVX

Статья поступила в редакцию 29.11.2023

Статья подготовлена в рамках темы «Конкурентные модели нового мирового порядка: вызовы и ответы»
(№ 123091200056-1) ЭИСИ / при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН

Введение. Цифровые технологии играют важную роль в нашей повседневной жизни, и мы видим, как мир становится все более цифровым. Интернет, мобильные устройства и облачные вычисления позволяют людям работать и общаться из любой точки планеты, а число пользователей социальных сетей растет по всему миру. Цифровые технологии приносят ряд положительных изменений. Они ускоряют бизнес-процессы в экономике, стирают границы в доступе к информации, открывают новые возможности для людей в защите своих прав и выражении своего мнения.

Но у этих процессов есть и обратная сторона. Возможности социальных сетей могут использо-

ваться и для монополизации рынков, и для распространения дезинформации, а также для манипуляции общественным мнением. При этом коммерческие интересы ИТ-компаний часто находятся в конфликте с интересами общества, а внедрение новых цифровых технологий, таких как рекомендательные алгоритмы, искусственный интеллект и нейросети, развивающиеся за счет аккумуляции гигантских объемов пользовательских данных, обостряют этот конфликт интересов.

Методы исследования. В данной статье выявлены основные факторы в функционировании социальных медиа, которые влияют на политиче-

скую жизнь в современных обществах, при помощи использования социально-антропологического подхода, который предполагает изучение общественных практик как сложной системы, которая включает в себя множество элементов и связей между ними. На материале выявленных данных проанализированы существующие и возможные будущие последствия такого влияния в рамках неоинституционального подхода, который основывается на изучении социальных институтов и их влияния на поведение индивидов и групп и предполагает, что институты не только определяют поведение людей, но и сами изменяются под воздействием этого поведения.

Целью данного анализа является выявление негативных тенденций в современной общественно-политической жизни, связанных с социальными медиа и использованием сетевыми платформами современных цифровых технологий, чтобы привлечь внимание к проблеме и способствовать общественной дискуссии о принципах и методах предотвращения дальнейшего усугубления этого негативного влияния.

Было проведено исследование, основанное на анализе экспертных и новостных публикаций, синхронных с исследуемыми событиями. В ходе анализа были рассмотрены различные источники, включая научные статьи, аналитические материалы, новостные порталы и другие открытые ресурсы. Данный подход позволил получить более глубокое понимание контекста и взаимосвязи между изучаемыми событиями, а также сформировать представление об их восприятии и реакции общества и экспертов.

История вопроса. В начале социальные сети не привлекали внимания политических элит. Они использовали традиционные СМИ: газеты, радио и телевидение, которые занимали лидирующее положение на информационном рынке в начале 2000-х гг. и были связаны с политиками взаимовыгодными отношениями.

Первыми новые возможности обнаружили те, кто прежде был лишен возможности напрямую заявить о своих интересах, проблемах и недовольстве чем-либо – рядовые граждане, обычные пользователи социальных сетей. Они «изобрели» общественные кампании порицания в социальных сетях. Эти кампании изначально были направлены против известных политиков, компаний и медиа, которые нарушали законы и вели

себя неэтично [23, с. 18]. Сила общественных кампаний порицания заключалась в их массовости. Это приводило к тому, что политики теряли спонсоров, традиционные СМИ – рекламодателей, а компании уступали, боясь навредить своему имиджу и потерять клиентов. Массовость достигалась с помощью инструментов социальных сетей, таких как лайки, репосты и хэштеги.

Были люди, которые сочли это явление новым расцветом прямой демократии [23, с. 20]. Но это очарование не могло продлиться долго. И то, что общественные онлайн-кампании за социальную справедливость очень быстро выродились в кибер-травлю обычных людей и «культуру отмены» публичных персон – это лишь одно из существенных негативных последствий.

Другим, еще более значимым, последствием стало то, что на социальные сети, механизмы их функционирования и особенности поведения людей в онлайн-пространстве теперь уже обратили внимание политические силы и решили использовать в своих интересах.

Вторым бенефициаром новых коммуникационных технологий стало академическое сообщество. Ученые и исследователи получили большую пользу от открытых технологий и данных. Исследовательские группы используют алгоритмы, развивают языковые модели и масштабируют нейронные сети. Языковые модели быстро стандартизируются, как и большие данные, на которых они основаны. Мы видим тенденцию к созданию национальных языковых моделей и проприетарных продуктов на базе искусственного интеллекта, открытого кода и состава которых мы никогда не увидим.

Это сделало вопрос отношения к открытым данным, лежащим в основе всего, особенно актуальным [5]. Сейчас эти данные считаются самым ценным ресурсом в мире. Часто используемые метафоры включают сравнение данных с новой нефтью. Цифровые ресурсы трансформируют наше понимание современной экономики. Многие исследователи даже выделяют различные типы экономических отношений в зависимости от отношения к данным: цифровой капитализм [25], информационный капитализм [4], платформенный капитализм [29] и даже капитализм данных [16].

Результаты исследования. Изначально к социальным сетям обратились те политические силы, которые конкурировали за власть с правящими

элитами, и поэтому эти силы использовали те же инструменты, что и обычные пользователи. Только в этих случаях массовость политических онлайн-кампаний достигалась за счет финансовых ресурсов, позволяющих нанимать на работу «простым равнодушным гражданином» большое количество людей.

Первым заметным случаем, привлечшим внимание международного журналистского и научного сообщества, была предвыборная кампания, проведенная кандидатом в президенты Филиппин Родриго Дутерте. Именно «благодаря» ему мир узнал о схемах систематического вброса дезинформации и использовании армией сетевых троллей для атак на своих политических оппонентов [20].

Исследователи из университетов Массачусетса и Лидса опубликовали в 2018 г. исследование «Архитектура сетевой дезинформации», которое анализирует структуру и принципы работы этого феномена на Филиппинах [20].

Но к моменту, когда одни исследователи разобрались с интернет-деятельностью отдельных политиков, другие исследователи уже указывали на то, что произошла глобальная смена всей политической парадигмы. Благодаря развитию Интернета, цензура в масштабах целых государств в XXI в. стала практически невозможной. Но авторитарные политические силы вполне успешно адаптируются к новой реальности. Мы находимся на переходном этапе политической истории, когда подавление инакомыслия достигается не с помощью цензуры, а переизбытком вбрасываемой дезинформации, а также атаками сетевых троллей, которые уничтожают репутацию в глазах общества всех несогласных, и люди перестают прислушиваться к их заявлениям [18].

Исследовательница кибервойн Камилль Франсуа отмечает, что доказать связь властей и кибертроллей практически невозможно. Всегда можно сказать, что это обычные граждане, высказывающие свое мнение. Этот новый феномен К. Франсуа назвала «троллингом с государственной поддержкой» [18]. «Мы наблюдаем за тактическими ходами, которые делают государства по пути от идеологии дефицита информации к идеологии информационного изобилия, – пишет профессор права Тим Ву, – и в этом процессе сама речь начинает выступать оружием цензуры» [37].

Многие исследователи указывают, что распространение ложной информации – это прямое следствие того, какие принципы заложены в основу устройства социальных сетей: стремление

получить одобрение в виде лайков и репостов приводит ко всё большей радикализации поведения в онлайн пространстве, а это влечет за собой производство всё более гипертрофированного контента и откровенной лжи [38].

Исследования также показывают, что пользователи перед ложной информацией в большинстве своем бессильны. Среднестатистический молодой пользователь социальных медиа не в состоянии отличить проплаченный рекламный текст, даже содержащий пометку «Реклама», от журналистской аналитической статьи, официальный сайт известной организации или редакции от его фейкового клона, репортаж с места событий от выдуманных истории со случайными изображениями [17]. Но пользователи старшего поколения в распознавании лжи оказываются еще хуже – люди возраста 65+ делятся в сетях ложной информацией в 7 раз чаще, чем молодежь [3]. А потому дезинформация распространяется быстрее и шире [34].

Фактчегинговые агентства вносят свой вклад в борьбу с дезинформацией. Но публикации с опровержениями фейков получают меньше внимания, чем сами фейки. И опровержения приходят существенно позднее, когда дезинформация уже могла произвести свой разрушительный эффект.

Новую стратегию борьбы с дезинформацией, не нарушающую свободу высказывания пользователей, предложила компания X/Twitter (*деятельность компании признана экстремистской и запрещена на территории РФ*) под новым руководством – пользовательская модерация контента. Компания открыла всеобщий пользовательский доступ к программе проверки фактов «Примечания сообщества»/Birdwatch. Особенностью этой программы является то, что оригинальное сообщение не удаляется, а под ним, независимо от воли того, кто опубликовал это сообщение, появляется пользовательский комментарий, призванный повысить осведомленность об истинном положении вещей всех тех, кто видит данный пост.

Остается надеяться, что-либо модерация пользователей окажется эффективной, либо будут найдены более удачные стратегии противодействия дезинформации. В ближайшие годы эта проблема будет становиться все более актуальной по мере увеличения информационных потоков и развития цифровых технологий, позволяющих создавать фото-, аудио- и видеоматериалы, которые все сложнее отличить от настоящих.

Но что говорит о распространении в Интернете ложной информации закон? Интернет-гиганты в абсолютном большинстве являются американскими компаниями, а значит подчиняются законодательству США, в частности, знаменитой законодательной норме «Раздел 230». Это одна из наиболее значимых, если не важнейшая юридическая норма, оказавшая ключевое влияние на развитие Интернета, – Раздел 230 американского закона о телекоммуникациях (47 U.S. Code § 230). Основная часть данного раздела состоит всего из 26 слов. Именно так и была озаглавлена недавно вышедшая книга профессора права в области кибербезопасности Джеффа Коссефа «26 слов, которые создали Интернет» [14]: «Ни провайдер, ни пользователь интерактивного компьютерного сервиса не считаются издателем или носителем какой-либо информации, предоставленной другим провайдером информационного контента». На практике это означает, что владелец веб-сайта не несет ответственности за контент, который на этом сайте оставляют пользователи. При этом владелец имеет право модерировать, а проще говоря, удалять любой пользовательский контент, в соответствии с правилами, созданными самим владельцем. Подразумевалось (да так и получилось), что раздел 230 ускорит развитие Интернета – компаниям не придется ничего премодерировать, проверять на все возможные законодательные нормы загружаемый пользователями контент, прежде чем позволить ему появиться на веб-страницах, опасаясь ответственности. Так же предполагалось, что модерирова контент по своему усмотрению, владельцы сайтов создадут конкурентные предложения, а пользователи смогут выбирать, чьи правила модерации им нравятся больше.

Проблема с разделом 230 состоит в том, что этот законодательный акт был принят в 1996 году, когда речь могла идти только о небольших веб-сайтах со страницами пользовательских форумов. Совершенно логично было освободить владельцев этих небольших сайтов от ответственности за деятельность третьих лиц. И столь же нелогично было требовать от таких сайтов, зачастую созданных под коммерческие цели, предоставлять свою площадку для всеобщих дискуссий по любому поводу, где владелец обязывался держать нейтралитет. Известных нам глобальных социальных сетей тогда еще просто не

существовало. Сегодня же речь идет об информационных и коммуникационных монополистах. И Раздел 230 подвергается критике практически со всех сторон. Условные американские демократы и другие общественные силы недовольны тем, что социальные сети недостаточно борются с ненавистническими высказываниями. Условные республиканцы, напротив, обвиняют интернет-компании в ангажированности и в том, что они удаляют контент именно консервативного содержания.

Европейский Союз идет по другому пути, пытаясь всесторонне регулировать интернет-пространство [9], что не только противоречит гражданским свободам, но и технически практически неосуществимо в силу единства и глобальности онлайн-пространства. При этом претензии руководства Евросоюза к социальным сетям могут носить диаметрально противоположный характер, в зависимости от текущей политической ситуации. Когда упоминавшийся выше Твиттер заблокировал аккаунт Дональда Трампа, бывшего на тот момент действующим президентом США, чиновники Еврокомиссии впервые прямо заявили, что «больше неприемлемо» позволять ИТ-гигантам самостоятельно принимать решения об удалении контента [30]. Когда Илон Маск пообещал вернуть в соцсеть «свободу слова», руководство ЕС обрушилось на него с критикой и пригрозило блокировкой сети на территории Европейского Союза уже за отказ удалять тот или иной информационный контент.

Как же бороться с ошибочной информацией и сознательно вбрасываемой дезинформацией? Как показал пример с пандемией Covid-19, ИТ-гиганты в большинстве своем довольно легко поддаются давлению со стороны государственных властей и цензурируют информацию по запросам правительств. Но при этом ИТ-компании признавались, что им не хватало человеческих, цифровых и финансовых ресурсов для проверки и модерирования всего генерируемого пользователями контента. К делу подключили искусственный интеллект (ИИ). Он не оправдал возложенных на него надежд, зачастую удаляя взвешенную аналитическую информацию и пропуская публикации с прямым нарушением правил. И кончилось всё тем, что руководство компаний сняло с себя и соцсетей ответственность и прямо заявило о том, что не соцсети, а пользователи распространяют

фейки [11]. Примерно тогда же вспомнились, подзабытые за первый год пандемии, права и свободы граждан, в том числе и информационные, и руководство заявило, что не желает становиться «полицией абсолютной истины» [36]. Проблема распространения ложной информации осталась на месте. А цензурирование информации о Covid-19 привело к еще большему распространению слухов и конспирологических версий, а также еще сильнее подорвало доверие граждан к официальной государственной информации.

Сегодня в большинстве стран мира абсолютное большинство людей не верит ни СМИ, ни своим правительствам, более того, почти половина граждан считает СМИ и правительства своих стран главными разобщающими силами в обществе [7]. И это в то время, когда атомизация общества действительно вышла на первый план как одна из главных проблем современного мира.

Принципы работы социальных сетей и особенности человеческой психологии совместно приводят к тому, что люди всё больше замыкаются в своих «информационных пузырях» или «информационных эхо-камерах», окружая себя в онлайн-пространстве людьми и источниками информации, точки зрения на те или иные проблемы которых соответствуют уже имеющимся у людей взглядам.

Сегодня мы имеем возможность не видеть и не слышать того, чего не хотим, и это проблема, о которой говорят с начала 2000-х гг. С начала 2010-х эту проблему начали воспринимать всерьез. Источники новостей, которые мы читаем [2], ссылки, по которым переходим в интернете [27], взгляды людей, которые нас окружают в общении онлайн [21], – все это (эхо)камера подтверждающей информации, где мы оказались заточенными к 2020-м гг. И поляризация общественных мнений наблюдается по любому вопросу.

Люди становятся все менее терпимы к отличающимся точкам зрения и отличающимся от них другим людям [32]. Индекс «позитивного миролюбия», включающий показатель под названием «признание прав остальных», показывает, что значение этого показателя в последнее время значительно снизилось в Европе и Северной Америке [32], в то время как одновременно активно развиваются общественные движения, «устанавливающие превосходство и доминирование одной группы над остальными».

Когда онлайн-гиганты изгоняют со своих площадок те или иные слишком радикальные или просто не соответствующие их информационной

политике сообщества, эти сообщества находят новое пристанище на малоизвестных онлайн-площадках, уходят в «онлайн-подполье», где, отрезанные от возможности пересечься с людьми других взглядов, радикализируются еще сильнее. Именно так произошло с онлайн-сообществами так называемых инцелов, которые из групп поддержки одиноких людей любого пола, постепенно превратились сначала в закрытые мужские сексистские сообщества, а будучи изгнанными с глобальных платформ, в настоящие экстремистские сообщества, где помимо сексизма процветают белый расизм, антисемитизм, различные ультра-правые взгляды, слышны призывы к реальному насилию, которые иногда воплощаются на практике [10].

Возвращение в общество конструктивного диалога является одной из главных задач ближайшего будущего. Но пока даже нет ответа, кто должен решать эту задачу: владельцы онлайн-платформ, политики или само общество.

Но еще одна проблема, усугубляющая распространение дезинформации и усиливающая радикализацию сообществ, полностью является следствием целенаправленных действий ИТ-гигантов в своих коммерческих интересах. Это алгоритмы рекомендаций. Сегодня формирование ленты новостей подчиняется этим алгоритмам, принципы работы которых интернет-гиганты стараются держать в тайне.

Цифровые рекомендательные системы можно условно разделить на две категории: алгоритмы «чтения мыслей» и алгоритмы «изменения мыслей». Первые, подстраиваясь под наши предыдущие запросы, стараются удерживать нас как можно дольше перед экраном.

Эти алгоритмы порой потрясающе эффективны. Например, представители YouTube сами утверждают, что более 70% времени посетители проводят на сайте благодаря рекомендациям [6]. Но чтобы рекомендации сработали вам всё же должно быть интересно. Еще в 2011 году Гийом Шасло, программист из Google, обнаружил, что механизм работы YouTube постоянно предлагает людям сходный контент (сегодня это знание является общим местом). Если даже вы случайно посмотрите видео с откровенно дезинформирующим контентом, алгоритм будет и дальше подкидывать вам аналогичный материал. Шасло рассказал, что такими алгоритмами легко манипулировать: если у вас есть ресурсы для того, чтобы нанять большое количество людей для просмотра

определенных видео и создания больших массивов контента на конкретную тему, который помогает продвигать эти видео, вы можете достичь удивительных результатов. Контент мог получить статус «рекомендуемого» и в том случае, если его продвигали сразу несколько каналов [15].

По мнению разработчиков и руководителей, влияющих с помощью рекомендательных алгоритмов на наш выбор, все наши действия должны быть встроены в машинную модель. В этой картине автоматизированного будущего нет места для новых предпочтений. Вы такой, каким вас считают машины, а значит, такой, каким они хотят вас сделать [28].

Возможно, у этой угрозы, у проблемы рекомендательных алгоритмов, самое простое, то есть понятное, решение – соцсети должны перестать их использовать в той степени и таким образом, как делают это сейчас. И тем не менее это, возможно, это одно из самых сложных, то есть трудноосуществимых решений ведь оно противоречит коммерческим интересам ИТ-гигантов.

Вторая группа алгоритмов – алгоритмы изменения мыслей – пытаются сформировать у нас вкусы, предпочтения и мнения, которых у нас раньше не было [24]. И они открывают огромные возможности для формирования не только экономического, но и политического поведения, манипулирования им. Исследования показывают насколько сильно люди склонны следовать за алгоритмами, что не удивительно, так как с учетом психологии эти системы и разрабатывались, интегрировались в архитектуру социальных сетей [26].

«Рекомендательные системы всё больше влияют на то, что люди собой представляют, о чём они мечтают и какими хотят стать. Будущее «я» – это будущее рекомендаций», – пишет научный сотрудник передового в области новых технологий Массачусетского технологического института Майкл Шраге, автор книги о рекомендательных системах [26, с. 119].

Но главный козырь в рукаве интернет-гигантов – это то, что они действительно знают о нас всё. Интернет-гиганты через платформы социальных сетей собирают персональные данные: какие товары пользователь покупает, с кем общается, какие новостные ресурсы читает, какие фильмы смотрит, какие сообщения лайкает и т.д. Возникает угроза противозаконного использования этих данных. Первая проблема этой угрозы –

как понять, что является законным или противозаконным использованием, когда никто не читает пользовательских соглашений, а если и читает, то как отказаться от предложенных условий, когда их предлагает монополист? Вторая проблема – если противозаконное использование всё же имело место, то как это доказать и кого и как привлекать к ответственности?

Вспомним пример компании Cambridge Analytica [31; 19], которую обвинили (но не смогли доказать) в противозаконном использовании персональных данных, в результате которого через психологический таргетинг пользователей Facebook (*деятельность компании “Мета” признана экстремистской и запрещена на территории РФ*) было оказано влияние на итоги президентских выборов в США 2016 года (Хиллари/Трамп) и голосование по вопросу выхода из Европейского Союза в Великобритании. Общим местом является представление, что за Брекзит голосовали те британцы, кто устал от притока мигрантов. Однако руководитель цифрового направления кампании за Брекзит Томас Борвик представил другую картину [22, с. 119]. Сейчас группы в социальных сетях способны дать довольно четкое представление о том, какие темы могут побудить различных людей голосовать. Стране с населением в 20 миллионов, по расчетам Борвика, требуется от 70 до 80 типов таргетированных сообщений. Что касается голосования за выход из Евросоюза, по словам Борвика, самыми эффективными были сообщения о жестоком обращении с животными в ЕС, поскольку законы ЕС поддерживают устраивающих корриду испанцев. Заставлял ли Европейский Союз британцев проводить у себя корриду? И как выход Британии из ЕС может спасти быков в Испании? Этими вопросами избиратели не задавались. Потому что сообщения должны были воздействовать на эмоции. И люди, проголосовавшие на референдуме за выход из Европейского Союза, могли ничего не иметь против иммигрантов и даже не задумываться над тем, какие экономические последствия такой выход будет значить лично для них.

Одно из исследований онлайн-пропаганды показало наличие трех десятков государств по всему миру, которые сознательно и систематически используют соцсети для манипулирования общественным мнением и оказанием воздействия на электоральное поведение граждан [13]. С

дальнейшим развитием технологий и расширением сфер использования онлайн-сервисов данных о пользователях будет собираться еще больше, и таргетирование будет еще точнее, манипуляции общественным мнением еще более эффективными и всепроникающими. Можно ли в таких условиях будет говорить о воле избирателей? И эта ситуация является одной из главных угроз участию общества в политической жизни на ближайшие десятилетия.

Но данные пользователей используются ИТ-гигантами не только для коммерческого или политического воздействия на самих пользователей. Применение этих данных гораздо шире. Настолько, что они были провозглашены самым ценным ресурсом в мире еще в 2017 году [33].

Искусственный интеллект и нейронные сети обучаются на данных, создаваемых людьми и размещаемых в интернет-пространстве. Нейросети не создают и еще долго не смогут создавать шедевры живописи, музыки, литературы, проводить научные исследования, самостоятельно совершенствоваться и развивать новые цифровые технологии. Но нейросети способны генерировать простую информационную новостную заметку, посредственную картинку, кратко пересказать научную статью, найти вариант стандартного кода. А значит оставить без работы журналиста-новостника, дизайнера рекламы, библиотекаря, программиста. Нейросети встают в ряд с теми технологиями цифровизации и автоматизации процессов, которым исследователи дали название «так себе технологии» [1] - технологии, которые не повышают производительности, которые способны уничтожить старые рабочие места, но не способны создать новые. Но нейросети не только паразитируют на интеллектуальном труде людей, отбирая их же рабочие места. Они лишают нас дальнейшего развития интеллектуальных и креативных сфер деятельности, так как люди оставляют их, потеряв возможность там зарабатывать.

Другая проблема ИИ именно в том, что эти интеллектуальные инструменты программируются людьми и обучаются на примерах действий и решений, принимаемых людьми. А действия людей далеки от идеалов справедливости и беспристрастности. Технологические новинки предыдущего поколения уже продемонстрировали эту проблему на практике. Например, алгоритмы сортировки резюме обучались отдавать предпочтение кандидатам-мужчинам перед кандида-

тами-женщинами. А банковские системы прогнозирования рисков научались устанавливать более высокие процентные ставки на получение кредита представителями этнических меньшинств [8]. Чему тогда обучатся в интернете нейросети нового поколения, если, как нам известно, интернет кишит сексизмом, расизмом и прочей ненавистью всех мастей? Интернет полон ошибочных сведений и, как мы видели, целых пластов сознательно созданной дезинформации. И сколько-нибудь серьезное обсуждение использования искусственного интеллекта в сети Интернет не может обойтись без рассмотрения этих вопросов и поиска решений. Возможно, в ближайшем будущем станет необходимо рассмотреть вопрос об отказе от внедрения новых технологий до того, как будут учтены и обеспечены интересы людей, которые от новых технологий могут прямо пострадать.

Выводы. Подводя итог, можно сказать, что развитие цифровых технологий и социальных медиа должно находиться в центре внимания общества. Рассмотренные выше факторы делают тему развития цифровых технологий и социальных медиа актуальной и важной для обсуждения и исследования. Особенно это важно потому, что в условиях общемирового падения доверия к политикам, традиционным политическим институтам и к средствам массовой информации, по всему миру растет популярность идей прямой демократии [35]. Это одно из возможных направлений дальнейшего развития политического поля. Однако, прямая демократия столкнется со всеми теми проблемами организованных с использованием современных цифровых инструментов манипуляций, о которых говорилось выше.

Поэтому важным направлением общественной политики должен стать контроль за технологиями. Отказ от технооптимизма и технопессимизма в пользу технореализма и осознание того факта, что цифровые технологии, как и любые другие, не являются чем-то естественным и детерминированным. Они создаются людьми с определенными целями. Технологии не обладают собственной волей – это политики под давлением общественных сил определяют, какие ограничения необходимо ставить на применение таких технологических новинок, как программы распознавания лиц, или использование личных данных. Принципы работы социальных сетей тоже закладываются в них людьми с определенными целями. Проблема здесь заключается в том,

что мало кто разбирается в принципах работы новых технологий. Это касается как общества, так и политиков. Некоторые разработчики технологий сами начинают говорить о необходимости принимать в рассмотрение этические моменты еще на стадии проектирования новых технологий. Но также указывают и на необходимость для начала определиться с теми ценностями, которые общество хочет видеть в своей основе: «Как машины

смогут узнать наши ценности, если мы сами этого не знаем?.. Мы не сможем улучшить благосостояние человечества, если не уделим время определению наших общих ценностей, чтобы создавать технологии, которые наверняка будут отвечать этим идеалам» [12]. В итоге, все снова сводится к людям и нашей личной ответственности за выбор того будущего, в котором мы хотим жить.

1. Acemoglu, D., Restrepo, P. Automation and new tasks: How technology displaces and reinstates labor [Текст] / Acemoglu D., Restrepo P. // Journal of Economic Perspectives. — 2019. — № Т. 33. — №. 2. — С. 3-30.
2. Adamic, L. A., Glance, N. The political blogosphere and the 2004 US election: divided they blog [Текст] / Adamic L. A., Glance N. // Proceedings of the 3rd international workshop on Link discovery. — 2005. — С. 36-43.
3. Chokshi, N. Older people shared fake news on facebook more than others in 2016 race, study says / Chokshi N. [Электронный ресурс] // The New York Times: [сайт]. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/01/10/us/politics/facebook-fake-news-2016-election.html> (дата обращения: 26.11.2023).
4. Cohen, J. E. Between truth and power: The Legal Constructions of Informational Capitalism [Текст] / Cohen J. E. — 1-е изд. — New York: Oxford University Press, 2019 — 366 с.
5. Couldry, N., Mejias, U. A. The costs of connection: How data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. [Текст] / Couldry N., Mejias U. A. — 1-е изд. — Stanford, CA: Stanford University Press, 2020 — 352 с.
6. Dave, P. YouTube sharpens how it recommends videos despite fears of isolating users / Dave P. [Электронный ресурс] // Reuters: [сайт]. — URL: <https://www.reuters.com/article/alphabet-youtube-content-idINKBN1DT0M/> (дата обращения: 26.11.2023).
7. Edelman Trust Barometer 2022 Edelman Trust Barometer / 2022 Edelman Trust Barometer [Электронный ресурс] // Edelman: [сайт]. — URL: <https://www.edelman.com/trust/2022-trust-barometer> (дата обращения: 26.11.2023).
8. Eubanks, V. Automating inequality: How high-tech tools profile, police, and punish the poor [Текст] / Eubanks V. — 1-е изд.. — New York, NY: St. Martin's Press, 2018 — 272 с.
9. European Commission European Democracy Action Plan / European Commission [Электронный ресурс] // An official website of the European Union: [сайт]. — URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/new-push-european-democracy/european-democracy-action-plan_en (дата обращения: 26.11.2023).
10. Farivar, M. Canada Van Attack Spotlights Online Men's Movement / Farivar M. [Электронный ресурс] // VOA: [сайт]. — URL: <https://www.voanews.com/a/toronto-van-attack-spotlights-extremist-mens-movement/4376624.html> (дата обращения: 26.11.2023).
11. Fried, I. Facebook exec blames society for COVID misinformation / Fried I. [Электронный ресурс] // Axios AI+ : [сайт]. — URL: <https://www.axios.com/2021/12/12/facebook-bosworth-covid-misinformation> (дата обращения: 26.11.2023).
12. IEEE Standards Association IEEE Global Initiative for Ethical Considerations in Artificial Intelligence (AI) and Autonomous Systems (AS) Drives, together with IEEE Societies, New Standards Projects; Releases New Report on Prioritizing Human Well-Being / IEEE Standards Association [Электронный ресурс] // IEEE: [сайт]. — URL: https://standards.ieee.org/news/ieee_p7004/ (дата обращения: 26.11.2023).
13. Kelly, S. et al. Freedom on the Net 2017 / Kelly S. et al. [Электронный ресурс] // Freedom House: [сайт]. — URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FOTN%202017_United%20States.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
14. Kosseff, J. The twenty-six words that created the Internet [Текст] / Kosseff J. — 1-е изд. — New York, NY: Cornell University Press, 2019 — 328 с.
15. Lewis, P. 'Fiction is outperforming reality': how YouTube's algorithm distorts truth / Lewis P. [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/technology/2018/feb/02/how-youtubes-algorithm-distorts-truth> (дата обращения: 26.11.2023).
16. Mayer-Schönberger, V., Cukier, K. Big data: A revolution that will transform how we live, work, and think [Текст] / Mayer-Schönberger V., Cukier K. — 1-е изд.. — Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2013 — 272 с.
17. McGrew, S. et al. Can students evaluate online sources? Learning from assessments of civic online reasoning [Текст] / McGrew S. et al. // Theory & research in social education. — 2018. — № Т. 46. — №. 2. — С. 165-193.
18. Nyst, C., Monaco, N. State-sponsored trolling: how governments are deploying disinformation as part of broader digital harassment campaigns. / Nyst C., Monaco N. [Электронный ресурс] // Institute for the Future: [сайт]. — URL: <https://legacy.iftf.org/statesponsoredtrolling/> (дата обращения: 26.11.2023).

19. O'Sullivan, D., Griffin, D. Cambridge Analytica whistleblower fears Facebook data was shared with Russia / O'Sullivan D., Griffin D. [Электронный ресурс] // CNN: [сайт]. — URL: <https://edition.cnn.com/2018/05/16/politics/cambridge-analytica-congress-wylie/index.html> (дата обращения: 26.11.2023).
20. Ong, J. C., Cabañes J. V. A. Architects of networked disinformation: Behind the scenes of troll accounts and fake news production in the Philippines / Ong J. C., Cabañes J. V. A. [Электронный ресурс] // University of Massachusetts: [сайт]. — URL: https://scholarworks.umass.edu/communication_faculty_pubs/74/ (дата обращения: 26.11.2023).
21. Park, J. H. et al. Information valuation and confirmation bias in virtual communities: Evidence from stock message boards [Текст] / Park J. H. et al. // Information Systems Research. — 2013. — № Т. 24. — №. 4. — С. 1050-1067.
22. Pomerantsev, P. This is not propaganda: Adventures in the war against reality [Текст] / Pomerantsev P. — 1-е изд.. — US: PublicAffairs, 2019 — 256 с.
23. Ronson, J. So you've been publicly shamed [Текст] / Ronson J. — 1-е изд. — New York, NY: Riverhead Books, 2016 — 290 с.
24. Roth, C. Algorithmic distortion of informational landscapes [Текст] / Roth C. // arXiv preprint. — 2019.
25. Schiller, D. Digital capitalism: Networking the global market system [Текст] / Schiller D. — 1-е изд. — Boston, MA: MIT press, 1999 — 320 с.
26. Schrage, M. Recommendation engines [Текст] / Schrage M. — 1-е изд.. — Cambridge, MA: MIT Press, 2020 — 296 с.
27. Schweiger, S., Oeberst, A., Cress, U. Confirmation bias in web-based search: a randomized online study on the effects of expert information and social tags on information search and evaluation [Текст] / Schweiger S., Oeberst A., Cress U. // Journal of medical Internet research. — 2014. — № Т. 16. — №. 3. — С. 369-382.
28. Smith, B., Linden, G. Two decades of recommender systems at Amazon.com [Текст] / Smith B., Linden G. // Ieee internet computing. — 2017. — № Т. 21. — №. 3. — С. 12-18.
29. Srnicek, N. Platform capitalism [Текст] / Srnicek N. — 1-е изд. — Cambridge, UK: Polity Press, 2017 — 120 с.
30. Stolton, S. 'No longer acceptable' for platforms to take key decisions alone, EU Commission says / Stolton S. [Электронный ресурс] // EURACTIV: [сайт]. — URL: <https://www.euractiv.com/section/digital/news/no-longer-acceptable-for-platforms-to-take-key-decisions-alone-eu-commission-says/> (дата обращения: 26.11.2023).
31. The Cambridge Analytica Files / [Электронный ресурс] // The Guardian: [сайт]. — URL: <https://www.theguardian.com/news/series/cambridge-analytica-files> (дата обращения: 26.11.2023).
32. The Institute for Economics & Peace Positive Peace Report 2018 / The Institute for Economics & Peace [Электронный ресурс] // The Institute for Economics & Peace: [сайт]. — URL: <https://archive.org/details/PositivePeaceReport2018/mode/2up> (дата обращения: 26.11.2023).
33. The world's most valuable resource is no longer oil, but data / [Электронный ресурс] // The Economist : [сайт]. — URL: <https://www.economist.com/leaders/2017/05/06/the-worlds-most-valuable-resource-is-no-longer-oil-but-data> (дата обращения: 26.11.2023).
34. Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. The spread of true and false news online / Vosoughi S., Roy D., Aral S. [Электронный ресурс] // MIT Media Lab: [сайт]. — URL: <https://www.media.mit.edu/projects/the-spread-of-false-and-true-info-online/overview/> (дата обращения: 26.11.2023).
35. Wike, R. et al. Globally, broad support for representative and direct democracy / Wike R. et al. [Электронный ресурс] // Pew Research Center: [сайт]. — URL: https://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/10/17102729/Pew-Research-Center_Democracy-Report_2017.10.16.pdf (дата обращения: 26.11.2023).
36. Wong, Q. Facebook says it's trying to strike a balance as it battles misinformation / Wong Q. [Электронный ресурс] // CNET : [сайт]. — URL: <https://www.cnet.com/news/politics/facebook-says-its-trying-to-strike-a-balance-as-it-battles-misinformation/> (дата обращения: 26.11.2023).
37. Wu, T. Is the first amendment obsolete? / Wu T. [Текст] // The Perilous Public Square: Structural Threats to Free Expression Today. — New York, NY: Columbia University Press, 2019. — С. 15-61.
38. Zollo, F. et al. Emotional dynamics in the age of misinformation [Текст] / Zollo F. et al. // PloS one. — 2015. — Т. 10. — № 9.

**MODERN GLOBAL TRANSFORMATIONS OF THE SOCIO-POLITICAL SPACE
UNDER THE INFLUENCE OF DIGITAL INFORMATION
AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES**

© 2024 M.V. Grigorieva

Maria V. Grigorieva, PhD in Political Sciences, Researcher at INION RAN

E-mail: mariagrigorieva9@gmail.com

Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
(INION RAN)

Moscow, Russia

The article was prepared within the framework of the topic
“Competitive models of the new world order: challenges and answers”
(No. 123091200056-1) EISR / with the support of the Ministry of Education and Science at INION RAS

This article is devoted to the newest challenges posed to society by the rapid development of digital communication technologies, especially global social media. The relevance of the topic lies in the fact that social media are constantly strengthening their monopoly as channels of information dissemination and communication platforms. At the same time, the commercial nature of social networks and the focus of IT giants on maximizing profits leads to unforeseen consequences that essentially transform socio-political life around the world. The text examines the main problems associated with the specifics of the functioning of social media and significantly influencing the socio-political sphere starting with the so-called “human factors”, such as the deliberate use of the capabilities of social media by certain interest groups and the psychological characteristics of human behavior that influence formatting of the online space, and ending with the built-in mechanisms of social media, such as recommendation algorithms and the collection and analysis of gigantic volumes of personal data for commercial use, which is increasingly turning into use for political purposes.

Key words: social media, artificial intelligence (AI), recommendation algorithms, political technologies, personal data, disinformation, social trust

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-61-70

EDN: BRMIVX

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ОПРЕДЕЛЁННОСТЬ ПЯТИ 40-ЛЕТНИХ ПЕРИОДОВ В СОСТАВЕ 72-ЛЕТНЕГО ЦИКЛА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ: ФРАКТАЛЬНО-КЛАСТЕРНЫЙ ПОДХОД

© 2024 Д.В. Денисов

Денисов Денис Викторович, кандидат культурологии,
доцент кафедры лингвистики

E-mail: denisansk@gmail.com

Самарский государственный университет путей сообщения
Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 30.09.2023

Для прогнозирования научно-технического и социального развития необходимо иметь чёткое представление о структуре анализируемых процессов. Объект предлагаемого исследования – 72-летние исторические циклы. В рамках онтологического подхода 72-летний цикл представляется в виде совокупности пяти процессов, каждый из которых длится 40 лет, причём начало, а также завершение каждого последующего процесса происходит с интервалом в 8 лет. Предмет исследования – функциональная определённость пяти выделяемых 40-летий. Гипотеза формируется на основе характеристик кластеров фрактально-кластерной модели: информационного, технологического, экологического, транспортного, энергетического. На основе этих кластеров выделяются, соответственно, идеологический, технологический, этический 40-летние процессы, 40-летний процесс расширения сферы жизнедеятельности и 40-летний энергетический процесс. Автором анализируются начальное и завершающее восьмилетия соответствующих 40-летних циклов. По результатам исследования делается вывод о том, что в каждом случае имеет место непосредственная связанность событий, маркирующих начало и завершение соответствующего социума. Анализ выполняется на материалах советского периода отечественной истории.

Ключевые слова: исторические циклы, онтологическое моделирование, фрактально-кластерный подход, 72-летний цикл, 40-летний цикл.

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-71-78

EDN: BXIWSK

Введение. Прогнозирование научно-технического и социального развития одна из важнейших задач современности. Существует множество сфер жизнедеятельности, каждая из них следует своему ритму. Цикл смены поколений измеряется обычно 20 или 30-летиями. Ортега-и-Гассет разделил жизненный цикл на пять 15-летий [9]. В.М. Пашинский уделяет внимание 20-летнему горизонту планирования, выявленному эмпирически, и отмечает сложность прогнозирования на более длительные периоды [10]. А.А. Мохосоевым описание циклов зарождения, расцвета и упадка общественных парадигм на примере российской истории было произведено посредством выделения шести 12-летних периодов ($12 \cdot 6 = 72$) [8], а автором настоящей статьи 60-летние циклы, популярные в Юго-Восточной Азии, были разделены на пять 12-летних периодов [5]. В рамках настоящего исследования модель исторического развития общей длительностью в 72 года представляется в виде пяти взаимосвязанных процессов, каждый из которых длится 40 лет и

характеризуется поэтапным (с интервалом в восемь лет) включением в действие этих процессов, а затем их последовательным завершением. В качестве предмета анализа определена функциональная спецификация каждого из пяти 40-летних периодов. Анализ осуществляется на материалах советского периода нашей страны.

Методы исследования. В рамках предлагаемого онтологического подхода был задействован весь набор основных общеисторических методов научного исследования, однако основное внимание уделяется методу моделирования исторических процессов. Применение этого метода на историческом материале предполагает обращение к ритму как фактору исторического процесса. При этом цикл рассматривается как форма реализации исторических процессов, а исторический процесс – как взаимодействие разных форм циклической организации, причём один и тот же этап или период может входить одновременно в разные циклы.

История вопроса. Вариативность в выделении тех или иных циклов и интерпретации их структуры, определяет необходимость разработки универсальных оснований теории циклов. С математической точки зрения, наиболее оптимальна та система счисления, которая насчитывает максимальное число делителей, выделяющих определённые уровни организации, структурирующие процессы. В качестве наиболее универсальной рекомендовала себя 24-элементная система, имеющая восемь делителей: 1, 2, 3, 4, 6, 8, 12, 24. Каждая отдельная фаза – половина, треть, четверть цикла – составляют относительно завершённые и поэтому значимые периоды. Диапазон применения этой модели очерчивается, с одной стороны, 24-часовым суточным циклом, введённым во II в. н. э. Клавдием Птолемеем, и, с другой, – древнеиндийским 24000-летним циклом познания и смены исторических эпох. В западной цивилизации сутки обычно представляются как *два 12-часовых периода*, что согласуется с выделением 12 зодиакальных созвездий и с делением года на 12 месяцев. В Древней Индии сутки традиционно делились на *восемь 3-часовых периодов*, которые следует воспринимать в контексте 8-ричных циклов творения древности [11]. На восемь эпох делится и древнеиндийский 24000-летний цикл, структура которого в целом совпадает со структурой термодинамического цикла [4; 14, с. 8–20]. Моделью древнеиндийского цикла служит 240-летний цикл отечественной истории (1804–2044), в центральной части которого содержатся три 72-летних периода [4].

О делителях 24-элементной модели как факторах циклической организации свидетельствует распределение четырёх групп циклов в экономической теории. Так, выделение 2–4-летних циклов, определяющих периодическое массовое обновление номенклатуры продукции, совпадает с выделением делителей 2, 3 и 4. В случае с 7–12-летними инвестиционными циклами, зависящими от инфляции и занятости, значимы делители 6, 8 (где среднее значение – 7) и 12. Обновление определённого типа производственных зданий описывается 16–25-летними строительными циклами, где нижнее значение выступает как делитель двух 24-элементных моделей, объединённых в один цикл $((24 \cdot 2) : 3 = 16)$, а верхнее – максимально сближается с делителем 24. За длинными циклами Кондратьева, отмечающими обновление базовой инфраструктуры рыночного

хозяйства и появление новых технологий, закреплён широкий период в 40–60 лет, крайние значения которого соотносятся с делителями 4 и 6. При рассмотрении 240-летнего цикла важны оба значения, поскольку он может быть представлен как последовательность 40- или 60-летий: $(60 \cdot 4) = (40 \cdot 6) = 240$ [4; 5].

Обратная перспектива задаётся при измерении 240-летнего цикла 40-летиями, которых в этом цикле, соответственно, шесть ($6 \cdot 40 = 240$). Число этапов, равное шести, соотносится с традиционным для Древней Индии представлением о шести возможных передвижениях (изменениях): а) рождение, существование, изменение; б) возрастание, уменьшение, исчезновение [15]. В сочетании с этим представлением шесть сорока-летних 240-летнего цикла могут восприниматься как шесть периодов индивидуальной активности. Указанием на особый цикл развития служит русская таинственная мера времени «сорок сороков» ($40 \cdot 40 = 1600$), которую, если принять день в качестве единицы анализа, можно было соотнести с периодом в 4 года и 140 дней. Само слово «срок» созвучно с числительным «сорок». В русской культуре 40-летие воспринимается как завершение личностного роста; у поэтов роковым считается 37-й год жизни. Чтобы дать возможность начаться новому циклу, 40-летний юбилей стараются не праздновать. Для умершего 40-й день – день поминок, для верующего – продолжительность поста. 40-летний цикл установлен и в циклах солнечной активности, среди которых 11-летний, 22-летний (двойной), 30–40-летний (брикнеровский), 80–90-летние (вековые), 500- и 1800–1900-летние [1]. В античной хронологии 40-летний цикл как таковой не отмечен, но значение «40» кратно как числу 4, определяющему периодичность проведения Олимпийских игр, так числу 8, определяющему периодичность проведения Пифийских игр, проводившихся в Дельфах [7, с. 188]. Кроме того, длительность двух 19-летних метоновых циклов, равная 38 годам, близка к значению 40.

В концепции геополитической теории больших многомерных пространств В.А. Дергачевым были выделены следующие геополитические циклы [6]: краткосрочные 40-летние циклы, среднесрочные 100-летние циклы мировой гегемонии, долгосрочные 500-летние циклы кардинальной смены мировой геополитической архитектуры и мировых (глобальных,

трансконтинентальных) коммуникаций. В 40-летнем цикле автор выделяет две фазы: первое 20-летие – создание новой экономической реальности (СССР, ЕС, ОАЭ, Китай), второе 20-летие – окончательное «закрепление» нового геополитического положения государства [6].

В рамках биографического описания художника В.П. Денисова, отца автора настоящей статьи, было произведено объединение в завершённый цикл развития пяти 8-лентий, за каждым из которых был закреплён определённый вид деятельности: 1) профессиональное становление; 2) профессиональная деятельность (в рамках общепринятых практик); 3) творчество (нахождение новых путей); 4) мастерство и педагогическая деятельность; 5) подведение итогов и индивидуальная передача опыта [3]. Число стадий было определено, следуя древнеиндийскому представлению о «пяти дыханиях божества», совершаемых в ходе творения существ («Майтри-упанишада», 2.6) [13, с. 136]. В современной науке к числу

сопоставимых может быть отнесена фрактально-кластерная модель, один из элементов которой – концепция пяти кластеров, обеспечивающих устойчивое развитие [2].

Результаты исследования. В вопросе структурирования 72-летнего цикла необходимо определить в применении к социально-историческим процессам критерии, относительно которых возможна функциональная определённость каждого из пяти выделяемых 40-летних процессов. В качестве базовых были использованы зарекомендовавшие себя характеристики пяти кластеров фрактально-кластерной модели (таб. 1), начальное же и завершающее восьмилетия получили дополнительные функции – становления (1) и подведения итогов (5):

- 1) информационный, *становление*;
- 2) технологический;
- 3) экологический;
- 4) транспортный;
- 5) энергетический, *подведение итогов*.

Таб. 1. Пять стадий развития
(Five stages of development)

№	Кластеры фрактально- кластерной модели	Стадии 72-летнего цикла	
		Советская власть 1917–1988	СССР 1922–1993
1	Информационный	Идеологическая, политическая стадия; становление	
2	Технологический	Технологическая стадия	
3	Экологический	Экологическая стадия: кризис, создание благоприятной среды	
4	Транспортный	Стадия расширения пространства, сферы влияния	
5	Энергетический	Энергетическая стадия; подведения итогов	

Во фрактально-кластерной модели эти пять кластеров связаны относительными значениями, обеспечивающими устойчивое и динамичное развитие системы, которые для настоящего исследования значения не представляют [2].

Поскольку анализ проводится на материале советского периода, в котором самостоятельное место занимают как процесс развития собственно советской власти (с 1917 по 1988 гг.), так и государственности (с 1922 по 1993 гг.), то

предлагаются две интерпретации. Первая относится к политической деятельности, формирующей условия развития, а также к событиям, происходящим большей частью внутри страны, вторая – к развитию советской государственности, которая служит формой презентации страны на международной арене. Второй из этих двух циклов начинается с задержкой в 5 лет. С учётом преемственности второго цикла по отношению к первому каждая из пяти стадий цикла удлиняется

и может быть представлена в виде 13-летнего цикла, который может подразделяться как на начальное 5-летие и 8 лет последующего развития, так и на основное 8-летие соответствующей стадии и 5 последующих лет, корректирующих состоявшееся развитие $(5 + 8) = (8 + 5) = 13$. В целом можно констатировать, что подобное сочетание 5- и 8-элементных периодов воспроизводит структуру волн в волновой модели движения фондовых рынков Р. Н. Эллиотта [12, с. 223–229].

В настоящем исследовании анализ осуществляется относительно границ как 8-, так и 40-летних циклов (таб. 2), поэтому акцент делается на 13-летнем периоде, общем для двух 8-летию одной и той же стадии.

Поскольку события, которые дали начало этим циклам, находятся в обоих случаях в завершающей части года, требуется особо оговорить, идёт ли ориентация: а) на год 1917 как год, ознаменованный революциями, или же на годовщину Октябрьской социалистической революции, б) на 1922 год, на протяжении которого интенсивно шли интеграционные процессы или же на годовщину образования СССР.

1. Идеологическая стадия. Период с 1917 по 1956 гг. определённым образом соотносится с советской властью революционной эпохи и, главным образом, с И. В. Сталиным в качестве руководителя ВКП(б). В начальное восьмилетие этого цикла произошло укрепление позиций Сталина, а в завершающее – сначала происходил отход вождя от управления страной, а после его смерти (как раз в 1956 г.) подведения итогов было ознаменовано докладом Н.С. Хрущёва на XX съезде КПСС (25.02.1956).

Поиск сопоставимой степени завершённости в начальном 40-летию развития СССР в период с 1922 по 1961 гг. может усмотрен в установлении взаимосвязи между годом основания страны Советов и полётом Юрия Гагарина в космос: это было достижение советской науки, которое в лице Ю. Гагарина приветствовал весь мир. Русский космос стал советской «мягкой силой», популяризирующей советский строй.

2. Технологическая стадия. Период с 1925 по 1964 гг. для советской власти и период с 1930 по 1969 для советского государства связаны с индустриализацией, курс на которую был взят на XIV съезде партии, получившей на этом съезде название ВКП(б) (18–31.12.1925), на IV съезде Советов (04.1928) утверждается принцип пятилетнего

планирования, а на V съезде (05.1929) утверждается Первый пятилетний план. На начало 1-го восьмилетия технологического цикла (1930–1937), взятого в отношении советской государственности, пришлось начало коллективизации (постановление ЦК ВКП(б) от 05.01.1930) ознаменовалось досрочным завершением Второй пятилетки (01.02.1937). Для советской власти завершился этот процесс (1957–1964) объявлением на XXI съезде КПСС (01–02.1959) об окончательной победе социализма, началом хрущёвской децентрализации советских органов правопорядка (01.1960) и постановкой на XXII съезде КПСС задачи по окончательному построению коммунизма к 1980 г. и отстранением Н.С. Хрущёва от власти (14.10.1964).

Для советского государства завершение «технологического» 40-летия (1962–1969) было ознаменовано достижениями: в военном и мирном освоении ядерной энергии (10.1962 – Карибский кризис; 08.1963 – договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере и под водой; 1968 – 07.1968 – договор о нераспространении ядерного оружия), в освоении космического пространства (1962, 1964 – начало групповых полётов, выход в открытый космос, прилунение автоматических станций; 24.04.1967 – катастрофа «Союза-1»; 18.10.1967 – посадка станции «Венера-4» на Венеру; 16.01.1969 – состыковка кораблей), завершением создания Единой энергетической системы (12.1963), вводом нефтепровода «Дружба» (10.1964) и газопровода «Газли – Игрим» (1966), демократизацией экономики (1965, 1966), договором о создании АвтоВАЗа (04.05.1966).

3. Кризис, создание благоприятной среды. Третий кластер определяется В.Т. Воловым как экологический. В применении к рассматриваемым процессам данная характеристика была интерпретирована как стадия кризиса и создания благоприятных условий. Эту стадию можно определить как этическая. Полный цикл в отношении советской власти охватывает период с 1933 по 1972 гг. и в отношении советской государственности – период с 1938 по 1977 гг. В начальный период первого из этих двух 40-летних процессов (1933–1940) происходила чистка партии и велись политические процессы, но к началу Великой Отечественной войны этот тяжёлый период уже был пройден. К положительным достижениям относится сталинская Конституция (Конституция победившего социализма, 1936), которая уже не

содержала ограничений избирательного права по классовому признаку и объявлялось, что вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревне в лице Советов депутатов трудящихся. На международной арене, т.е. в начальный период второго из этих двух 40-летних процессов (1938–1945) противостояние достигло апогея, но закончилось установлением нового двухполярного миропорядка.

Завершился период создания благоприятных условий для развития советского строя (1965–1972) следующими значимыми событиями: 1) демократизация экономики (1965–1967); 2) ввод 5-дневной рабочей недели (1967); 3) сдача 1-й очереди ВАЗа (03.1970); 4) запуск первой орбитальной станции «Салют» (19.04.1971); 5) усиление борьбы против пьянства и алкоголизма (05.1972); 6) завершён переход ко всеобщему обязательному бесплатному среднему образованию (1972); 7) объявлено о новой исторической общности людей – «советский народ» (XXIV съезд КПСС, 03–04.1971); 8) учреждён орден Дружбы народов (1972).

Период создания благоприятных условий для развития советского государства (1970–1977) представлен следующими событиями: 1) Московский договор СССР и ФРГ, по которому Германия признала послевоенные границы в Европе (1970); 2) соглашение по Западному Берлину (03.09.1971); 3) подписание Р. Никсоном в Москве «Основ взаимоотношений между СССР и США» (05.1972); 4) визит Л.И. Брежнева в США (06.1973); 5) первый советско-американский космический полёт «Союз – Аполлон» (06.1975).

Стадия расширения сферы влияния. Расширение сферы влияния началось для советской власти трагическими событиями 1941 г., позволившими сорвать немецкий блицкриг. Первое восьмилетие соответствующего 40-летия включает победу во Второй мировой войне (1945) и денежную реформу (1947), которая была направлена против накоплений, созданных спекуляцией в годы войны. Традиционный патриотизм стал в этот период официальной идеологией, начало борьбы с «низкопоклонством перед западом». Закончилось соответствующее 40-летие в 1980 г. – в год проведения Московской Олимпиады. В четвёртой советской Конституции (12.04.1978) расширялись права граждан. В ней гарантировались право на работу, отпуск, жильё, пенсию, бесплатную медицинскую помощь и бесплатное образование.

Для советского государства период расширения сферы влияния начался только в 1946 г. и длился до 1953 г. Это восьмилетие включает такие события, как Нюрнбергский процесс (11.1945–10.1946), в 1948 г. прекращение взаимодействия стран-участниц антигитлеровской коалиции, повлёкшее раскол Германии на два государства, создание СЭВ (1949), испытание атомной (29.08.1949) и водородной (20.08.1953) бомб. В целом период с 1946 по 1985 гг. – самый стабильный и успешный в истории СССР. С приходом М.С. Горбачева (11.03.1985) наступило время перестройки, либерализации и дестабилизации экономики, переоценки ценностей и усиления центробежных тенденций, договаривания с Западом, уступок. После встречи с Рейганом во Франции по проблемам разоружения (10.1985), поездки Горбачева за рубеж стали регулярными, а утрата достижений – нормой.

Стадия подведения итогов, энергетическая. Для завершающего (1949–1988) из пяти рассматриваемых 40-летий характерен, как в случае с пятым кластером фрактально-кластерной модели, акцент на сферу энергетики. Цикл подведения итогов в отношении советской власти отмечен начальным 1949 г., годом испытания в СССР первой атомной бомбы (29.08.1949), а в 1956 г., завершающем первое восьмилетие, был учреждён Объединённый институт ядерных исследований в Дубне (25.03.1956). Завершила это 40-летие нефтяная война, развязанная США в 1985–1986 гг. посредством Саудовской Аравии, пятикратно нарастившей добычу нефти. Экономика СССР не выдержала тройной нагрузки: финансирования войны в Афганистане, финансирования Польши, стремящейся к выходу из СЭВ (год создания – 1949), т.е. по истечении 40 лет существования, и падения мировых цен на нефть. В 1988 г., завершающем пятое 40-летие цикла советской власти: наряду с многими другими событиями состоялся вывод основной части советских вооружённых сил из Афганистана и учреждён новый высший орган государственной власти – Съезд народных депутатов.

Аналогичный период развития советского государства – с 1954 по 1993 гг. Подходило время космических достижений, и для прикрытия массовых перевозок грузов для строительства Байконура в СССР был развёрнут проект освоения целинных земель (02–03.1954, решение Пленума ЦК КПСС). В качестве подведения итогов Второй мировой войны можно рассматривать создание 14.05.1955 г. Варшавского Договора, военно-

политической организации стран Восточной Европы, в ответ на вступление ФРГ в НАТО. Внутри страны подведение итогов приняло вид разоблачения культа личности И. Сталина на XX съезде КПСС (25.02.1956). Вынесено же из Мавзолея и перезахоронено у Кремлёвской стены тело вождя было 15.12.1961, в завершающий год первого восьмилетия рассматриваемого 40-летия, цикла подведения итогов, взятого в отношении советской государственности. Завершилось пятое 40-

летие в 1993 г. в России конституционным кризисом, в результате которого произошло насильственное прекращение действия советской модели власти, существовавшей с 1917 г. и принятием новой конституции (12.12.1993). Эти и иные события этого периода подготавливали новую форму государственности как форму социально-политической организации и форму презентации на международной арене.

Таб. 2. Структура 72-летних циклов: пять 40-летних периодов
(Structure of 72-year cycles: five 40-year cycles)

72-летние циклы											
Советская власть						Советское государство					
Девять 8-летних периодов (октаэтриды) √	Идеологическая; становление: 1917–1956	Технологическая: 1925–1964	Кризис. Создание благоприят. условий: 1933–1972	Расширение сферы влияния: 1941–1980	Энергетическая, Итоги: 1949–1988	Девять 8-летних периодов (октаэтриды) √	Идеологическая; становление: 1922–1961	Технологическая: 1930–1969	Кризис. Создание благоприят. условий: 1938–1977	Расширение сферы влияния: 1946–1985	Энергетическая; Итоги: 1954–1993
1917–1924	1					1922–1929	1				
1925–1932	2	1				1930–1937	2	1			
1933–1940	3	2	1			1938–1945	3	2	1		
1941–1948	4	3	2	1		1946–1953	4	3	2	1	
1949–1956	5	4	3	2	1	1954–1961	5	4	3	2	1
1957–1964		5	4	3	2	1962–1969		5	4	3	2
1965–1972			5	4	3	1970–1977			5	4	3
1973–1980				5	4	1978–1985				5	4
1981–1988					5	1986–1993					5

Выводы. Проведённое исследование показало, что в каждом из пяти проанализированных 40-

летних циклов, составляющих 72-летний цикл исторического развития и взятых как в отношении

советской власти, так и в отношении СССР, имеет место непосредственная связанность событий, маркирующих начало и завершение соответствующего сорокалетия. Это позволяет говорить о

наличии строго определённых системных закономерностей, определяющих ход исторических процессов.

1. Белецкий, Е. Н. Цикличность – фундаментальное свойство развития и функционирования природных систем // https://agromage.com/stat_id.php?id=588 (доступ свободный; дата посещения: 22.07.2023).
2. Волон, В. Т. Фрактально-кластерная теория и термодинамические принципы управления сложными системами / В. Т. Волон // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2002. – Т. 4. – № 1. – С. 113–120.
3. Денисов, Д. В. Формула жизни Виктора Денисова: исследовательски-биографический очерк // В. П. Денисов: художник и учитель / под общ. ред. Д. В. Денисова. – Димитровград: ООО «Издательский Центр ЮНИПресс», 2023. – 320 с.
4. Денисов, Д. В. Онтологические основания классификации исторических циклов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2022. – Т. 24. – № 87. – С. 53–61.
5. Денисов, Д. В. Онтология шестидесятилетних циклов: на примере отечественной истории // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. – Т. 25. – № 5(92). С. 85–93.
6. Дергачев, В.А. Геополитическая теория больших многомерных пространств. Монография. (Электронное издание на CD + Интернет-гиперссылки) — Издательский проект профессора Дергачева, 2011. 32 п. л. (дата доступа 18.09.2023; доступ свободный: <https://dergachev.org/latest-geopolitics/34.html>)
7. Климишин, А. И. Календарь и хронология. – М.: Наука, 1990. – 480 с.
8. Мохосоев, А. А. История России в 72-летних циклах. – М.: ИПЦ Маска, 2023. – 320 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Тема нашего времени // Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? [пер. с исп.]. – М.: Наука, 1991. – С. 3–50.
10. Пашинский, В. М. 20-летний инновационный цикл как основной механизм, определяющий временной горизонт прогнозируемых социальных явлений // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. – М.: РОС, 2012. – С. 153–160.
11. Семяка, Е. С. Типологические схемы четырёх- и восьмичленных моделей мира / Е. С. Семяка // III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. – Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1968. – С. 137–147.
12. Стахов, А., Слученкова, А., Щербаков, Н. Код да Винчи и ряды Фибоначи. – СПб.: Питер, 2007. – 320.
13. Упанишады. В 3-х книгах. Книга 2 / [пер. с санскр. А. Я. Сыркина]. – М.: Гл. ред. вост. лит-ры, Научн.-изд. Центр «Ладомир», 1992. – 336 с.
14. Шри Юктешвар, Гири. Святая наука / Шри Юктешвар Гири; [пер. с англ. И. Л. Шатохина]. – М.: Прометей, 1991. – 88 с.
15. Yaska. Nirukta // Yaska. The Nighantu and the Nirukta / L. Sarup. Lahor: 1927. – 80 p.

FUNCTIONAL DEFINITY OF 40-YEAR PROCESSES FORMING 72-YEAR CYCLE OF HISTORICAL DEVELOPMENT: FRACTAL-CLUSTER APPROACH

© 2024 D.V. Denisov

Denis V. Denisov, PhD in Culture Sciences, Associate Professor of the Department of Linguistics

E-mail: denisansk@gmail.com

Samara State Transport University

Samara, Russia

Prediction of scientific, technical and social development requires understanding the structure of the processes being analyzed. The object of the study is 72-year historical cycles. Within the framework of the ontological approach, the 72-year cycle is represented as a set of five processes, each of which lasts 40 years, with the beginning and completion of each subsequent process occurring in each case after 8 years. The subject of the study is the functional certainty of the five distinguished 40-year processes. The hypothesis is formed on the basis of the functional certainty of the elements of the fractal-cluster model: information, technological, environmental, transport, energy. Based on these clusters, ideological, technological, and ethical 40-year processes, a 40-year process of space expansion, and a 40-year energy process are

distinguished, respectively. The author analyzes the initial and final eight years of the corresponding 40-year processes. Based on the results of the study, it is concluded that in each case there is a direct connection between the events that mark the beginning and end of the corresponding 40-year process. The analysis is carried out on materials of the Soviet period of national history.

Key words: historical cycles, ontological modeling, fractal-cluster approach, 72-year cycle, 40-year cycle

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-71-78

EDN: BXIWSK

1. Beletsky, E. N. Ciklichnost' – fundamental'noe svojstvo razvitiya i funkcionirovaniya prirodnih sistem (Cyclicality is a fundamental property of the system development and discovery) // https://agromage.com/stat_id.php?id=588 (free access; access date 07/22/2023)
2. Volov, V. T. Fraktal'no-klasternaja teorija i termodinamicheskie principy upravleniya slozhnymi sistemami (Fractal-cluster theory and thermodynamic principles of complex systems control) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, humanitarnye, medikobiologicheskie nauki. – 2002. – Vol. 4. – № 1. – Pp. 113–120.
3. Denisov, D. V. Formula zhizni Viktora Denisova: issledovatel'ski-biograficheskij ocherk (The formula of life of Viktor Denisov: a research and biographical sketch) // V. P. Denisov: hudozhnik i uchitel' (V. P. Denisov: artist and teacher) / edited by D. V. Denisov. – Dimitrovgrad: UNIPress Publishing Center LLC, 2023. – 320 p.
4. Denisov, D. V. Ontologicheskie osnovaniya klassifikacii istoricheskikh ciklov (Ontological basics for classification of historical cycles) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, humanitarnye, medikobiologicheskie nauki. – 2022. – Vol. 24. – № 87. – Pp. 53–61.
5. Denisov, D. V. Ontologiya shestidesyatiletних ciklov: na primere otechestvennoj istorii (Ontology of sixty-year cycles: on the example of Russian history) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra RAN. Social'nye, humanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2023. – Vol. 25. – № 93. – Pp. 85–93.
6. Dergachev, V. A. Geopoliticheskaya teoriya bol'shih mnogomernyh prostranstv. Monografiya (Geopolitical theory of large multidimensional spaces. Monograph) (Electronic edition on CD + Internet hyperlinks) - Publishing project of Professor Dergachev, 2011. (access date 09.18.2023; free access: <https://dergachev.org/latest-geopolitics/34.html>)
7. Klimishin, I. A. Kalendar' i hronologiya (Calendar and Chronology). – Moscow: Nauka Publ., 1990. – 480 p.
8. Mokhosoev, A. A. Istoriya Rossii v 72-letnih ciklah (History of Russia in 72-year cycles). – M.: IPTs Maska, 2023. – 320 p.
9. Ortega y Gasset, H. Tema nashego vremeni (Theme of our time) // Ortega y Gasset, H. Chto takoe filosofiya (What is philosophy)? / [transl. from Spanish]. – M.: Nauka, 1991. – Pp. 3–50.
10. Pashinsky V. M. 20-letnij innovacionnyj cikl kak osnovnoj mekhanizm, opredelyayushchij vremennoj gorizont prognozirovemykh social'nykh yavlenij (20-year innovation cycle as the main mechanism that determines the time horizon of predicted social phenomena) // Sociologiya i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa / ROS, IS RAN, AN RB, ISPPI. – M.: ROS, 2012. – Pp. 153–160.
11. Semeka, E. S. Tipologicheskie skhemy chetyryoh- i vos'michlennykh modelej mira (Typological schemes of four- and eight-term models of the world) // III letnyaya shkola po vtorichnym modeliruyushchim sistemam. Theses. – Tartu: Tartu State. Univ., 1968. – pp. 137–147.
12. Stahov, A., Sluchenkova, A., Shcherbakov, N. Kod da Vinchi i ryady Fibonachi (Da Vinci code and Fibonacci series). – SPb.: Piter, 2007. – 320 p.
13. The Upanishads. In 3 volumes. Vol. 2 / [transl. from Sanskrit by A.Ya. Syrkin]. – Moscow: East literature Publ., Scientific ed. Center "Ladomir", 1992. – 336 p.
14. Shri Yukteshvar, Giri. Svyataya nauka (Kaivailya darshanam); [transl. from English by I. L. Shatohina]. – Moscow: Prometej Publ., 1991. – 88 p.
15. Yaska. Nirukta // Yaska. The Nighantu and the Nirukta / L. Sarup. Lahor: 1927. – 80 p.

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

К ВОПРОСУ О ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2024 В.А. Ермолаев

*Ермолаев Владимир Александрович, доктор технических наук, доцент, профессор кафедры
«Биотехнологии и производства продуктов питания»*

E-mail: ermolaevvla@rambler.ru

Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого
Кемерово, РФ

Статья поступила в редакцию 19.06.2023

Статья посвящена культурологической гастрономической рефлексии, которая рассматривается как состояние сознания в отношении конкретной сферы познания. Автором исследована периодизация развития рефлексии, в соответствии с периодами развития методов познания. Так, выделяя этапы, начиная от схоластического периода и заканчивая активизмом, автор соглашается с некоторыми авторами в наименовании и содержании этих периодов. Однако стоит указать, что это диалектико-материалистический активизм, который основывается на соответствующих философских принципах. В результате исследования понятия и сущности рефлексии автором сделан вывод, что настоящая стадия развития рефлексии основана на деятельностном подходе в исследовании системы познания, что означает осуществление деятельности для формирования определенного знания. Поскольку научная рефлексия на современном этапе все более связывается с общественным развитием и проникает в его сферы, отмечено, что совокупность рефлексии и диалектико-материалистического подхода и картины мира дает возможность рефлексировать не только в общем философском смысле, но и в рамках практического применения рефлексии, в частно-научном и обыденном сознаниях. Результатом применения культурологической рефлексии в области гастрономии становится выделение категорий проблем науки («гастрософии» – термин, предложенный некоторыми учеными для наименования науки) и ее содержания: историко-описательная, аналитическая, государственная и ряд других, в которых есть свой круг частных вопросов, предполагающих исследования и, безусловно, рефлексию.

Ключевые слова: философская рефлексия, научная рефлексия, гастрономическая рефлексия, культурологическая рефлексия, гастрософия

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-79-87

EDN: CDQNB1

Введение. Культурная рефлексия понимается как состояние сознания, направленное на переосмысление состоявшихся культурных актов и своего культурного опыта в поисках новых образцов развития культуры и собственного культурного роста. Культура начинает рефлексировать свое движение, отмечая в себе содержательные изменения, смысловые сдвиги, этапы своей трансформации, пытаясь не только зафиксировать их, но и теоретически объяснить. Главной чертой культурной рефлексии является интерсубъективность. Для того чтобы она была понятна всем, ей необходимо основываться на надындивидуальных смыслах.

Объектом культурной рефлексии становится отношение к собственным действиям: ради чего я это делаю или собираюсь сделать, какие мотивы за этим стоят, какие потребности или ценности находят реализацию в этом действии, к каким результатам это приведет, что мне дадут эти результаты впоследствии.

Обычно под рефлексией или рефлексированием понимают реакцию на какие-либо собственные действия, то есть обращение взгляда на самого себя. Однако с научной точки зрения, рефлексия представляет собой нечто большее.

Методы исследования. Используя исторический, логический, структурно-функциональный, семиотический методы исследования, можно отметить, что рефлексия как вид научного осмысления составляет один из аспектов научных изысканий, изучению подвергаются как психологические стороны рассматриваемого феномена, так и философские начала, если исследовать рефлексию в плане соотношения внешнего и внутреннего в рефлексии.

Вместе с тем, большое значение имеет вопрос о развитии рефлексии, и не только в обыденном ее понимании, но и с научной точки зрения, в том числе и в конкретных науках, и в целом рефлексии о самой науке [17].

Говоря об исходном понятии рефлексии, можно придерживаться такого определения, которое подразумевает под рефлексией теоретическую форму осмысления наукой своих результатов, методов и способов, а также действий.

Рассмотрим рефлексию в рамках конструкции «рефлексия – как форма исторической деятельности развитого человека в обществе, направленная на осмысление своих собственных действий и их законов; деятельность самосознания, раскрывающая специфику духовного мира человека» [8].

История вопроса. Более развернутая характеристика рефлексии содержится в Краткой философской энциклопедии: *Рефлексия* (от лат: процесс осмысления чего-либо при помощи изучения и сравнения. В узком смысле – «новый поворот» духа после совершения познавательного акта к Я (как центру акта) и его микрокосмосу, благодаря чему становится возможным присвоение познанного [5].

В «Советском энциклопедическом словаре» рефлексия определяется на основе принципа обратной связи: «Рефлексия от позднелатинского *reflexio* – обращение назад) – принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания; деятельность самосознания, рассматривающее внутреннее строение и специфику духовного мира человека» [15, с. 579].

Далее А.П. Огурцов [9] выделяет следующие уровни рефлексии: рефлексия содержания (о языке, культуре и т.д.) и рефлексия образования (непосредственно анализ оснований, методов и др. формирования содержания).

Что же касается форм рефлексии в науке, то здесь можно выделить, опираясь на все многообразие понимания рефлексии, и повседневную рефлексию людей, и научную рефлексию в рамках конкретных отраслей, рефлексию собственно о науке, рефлексию философского порядка, рефлексию практического и духовного плана (сюда можно отнести такие сферы, как религия, культура, политика и др.).

Результаты исследования. Особо следует отметить, что с развитием рефлексии, любого из ее уровней, все больше происходит аккумуляция знания в пределах каждой формы, следовательно

но, эти формы все более дифференцируются, но при этом возрастает влияние форм друг на друга. Значительное влияние на развитие форм рефлексии имеют цифровые и социально-экономические преобразования в обществе. Поэтому развитие научного самосознания в большей степени подвергнуто влиянию внешнего на современном этапе, в отличие от предыдущих исторических этапов ее развития.

Если рассматривать в целом философскую рефлексию как ведущую деятельность человека, то следует обратить внимание на следующее: важными здесь являются методы познания, сформированные на основании общих философских методов. При этом необходимо отметить, что также большое значение имеет собственная рефлексия ученых в определенной области познания, с использованием общеполитических методов и методов конкретной науки, исследование не только поверхностных факторов, но и глубинных, а также механизмов процесса и выявление его особенных детерминант.

Рефлексия, как отмечает Э.Г. Юдин, имеет развитие в следующих аспектах:

- с развитием философской рефлексии и ее переходом в иные сферы преимущество собственно философии стало утрачиваться [18], то есть данная наука потеряла ведущую позицию в изучении процессов познания и их содержания;
- с развитием рефлексии стала все более масштабироваться рефлексия наднаучного порядка, то есть рефлексирование всего того внешнего и внутреннего, что позволяет понимать саму науку и ее результаты;
- сфера рефлексии, по мнению ученого, становится менее методологической и в большей степени – социально-ориентированной, основанной на ценностях.

В то же время Э.Г. Юдин выделяет также этапы внутринаучной рефлексии от зарождения по настоящее время.

Онтологизм как тип рефлексии, просуществовавший в целом до середины XIX в., направлен на объект, связку знание-субъект. Онтологизм предполагает, что субъект – это посредник между полярными точками указанной связки, но при этом свойства субъекта, при учете их в рефлексивном анализе, как указывал Дж. Локк, являются помехой к достижению истинного знания об объекте.

Рис. 1. Периодизация и типизация рефлексии [18]
(Periodization and typification of reflection)

Гносеологизм, являющийся типом внутринаучной рефлексии, представляет собой рефлексию связки субъект-объект, то есть знание здесь становится вспомогательным элементом – исследования и самосознание науки в данном случае ориентируется не на содержание знания, а на его организацию, влияние факторов, форм, способов на логику знания и т.п. [4; 18].

Следующий этап развития рефлексии – методологизм – представляет собой тип рефлексии, которая направлена, соответственно, на методологию познания, которая включает множество аспектов. Сравнивая с гносеологией, можно выделить отличия, которые заключаются в том, что гносеология рассматривает организацию и влияние, а методологизм – средства познания. Здесь к таким средствам относят алгоритмы, математические средства познания, предпосылки мышления и т.д. При этом следует отметить, что средства познания, как и рефлексии, постоянно изменяются в содержательном отношении и становятся более универсальными, а значит и применимыми к любому типу рефлексии. Кроме того, универсализация средств привела к появлению такого способа исследовательских задач, как проблемная ситуация, в отличие от ранее существовавшего способа дисциплинированного исследования. В связи с этим можно отметить ряд концепций: универсальные формализованные концепции (О. Ланге, Дж. Клир), проблемно-содержательные теории (В.И. Вернадский, Н. Виннер, У. Росс Эшби) многие другие, которые играют значительную роль в развитии рефлексии.

Несмотря на то что средства познания меняются, все же основой методологического знания остается философский аспект анализа [18].

Следует сказать, что в конечном итоге сущность рефлексии можно определить особенностями ее практического применения, в том числе осознание предметного мира культуры [17].

Таким образом, изменение содержания рефлексии связано тесным образом с изменением общественного восприятия действительности, в том числе благодаря изменениям, происходящим в сфере культуры, цифровизации и др. [14, с. 50]. Кроме того, следует отметить, что рефлексия в рамках самой науки более всего подтверждена указанным изменениям, поскольку сферы науки непосредственно связаны с определенным состоянием картины мира, в большей практической степени, чем базовая философская рефлексия. В этом случае ученые используют рефлексию в процессе перехода к сознательному овладению новыми методами мышления.

В связи с этим можно сказать, что рефлексия, связанная с определенным состоянием общества и его восприятием картины мира, приобретает определенные черты, которые обуславливают ее тип. Например, в рамках схоластической картины мира, когда науку можно было назвать спорадической, рефлексия таким же образом являлась стихийной, проявляясь от случая к случаю [17].

В дальнейшем, когда стали происходить изменения в технологическом процессе производства, в период XVI–XVIII вв., качественные преобразования привели к тому, что картина мира сменилась и стала механической. Что касается рефлексии, то при смене картины мира из схола-

стической рефлексия становится онтологической, то есть такой, о которой мы упомянули ранее, описывая развитие рефлексии.

Возвращаясь к периодизации рефлексии (рис 1), отметим, что гносеологизм, в качестве следующего этапа развития рефлексии, обусловлен формированием материалистической диалектики в качестве метода научного познания, когда механическая картина мира сменилась диалектической.

Дальнейшие преобразования обусловили появление методологизма (рис. 1), на что огромное влияние оказала технологизация и частичная автоматизация производства. Это, в свою очередь, повлияло на развитие материальной диалектики, внедрение науки в рамки общественного и становление непосредственной взаимосвязи между наукой и сферами общественной жизни.

В связи с тем что технологии не стоят на месте, мы, соглашаясь со В.И. Стрюковским, выделяем следующий после методологизма этап активизма. Ученый описывает активизм как тип рефлексии, в рамках которого технологические процессы становятся приложением науки. Также В.И. Стрюковский предполагает, что диалектико-материалистическая картина мира будет господствующей в текущий период развития рефлексии.

Представляется, это обусловлено тем, что в настоящий период преимущественным является деятельностный подход в исследовании системы познания, то есть познание и собственно сознание, как инструмент, с помощью которого осуществляется познание, формируются и развиваются посредством осуществления деятельности человеком, в том числе и рефлексивной деятельности. Надо отметить, что это является одной из наиболее важных функций рефлексии: стимулирование познания, способствование формированию и выбору наиболее эффективных форм, путей и способов познания в науке, поскольку только анализ позволяет ставить проблему и создавать новые знания, методы и др. Т.е. сочетание научной рефлексии с диалектико-материалистической картиной мира и соответствующей философией дают возможность на современном этапе развития рефлексии формировать адекватные периоду общественного развития методы и пути познания. Как полагает В.А. Лекторский, это сочетание необходимо, поскольку именно общество и выработка методов и

путей познания являются основой для нефилософской рефлексии, в ее обыденном и частнонаучном использовании [17].

Еще одной функцией рефлексии является функция критической оценки уже пройденного пути, уже сформированного результата познания, что позволяет не только учитывать негативные моменты, но и прогнозировать будущие результаты и нивелировать ошибки. Эта функция проявляет себя в области политики, управления, культуры и других сферах общественной жизни, в том числе и на бытовом уровне [16].

Важной является также такая функция рефлексии, как функция организации знания, формирования принципов научного познания. Как уже было отмечено выше, рефлексия позволяет находить методы и пути познания, а поэтому в результате рефлексивной деятельности происходит т.н. скачок не только в науке, но и в смежных сферах, даже в большей степени эти процессы, как представляется, параллельны, т.е. одно оказывает влияние на развитие другого, и они взаимозависимы. Речь, безусловно идет о науке, ее методах и путях познания, о содержании этого познания, и развитии общества в целом, а также отдельных его аспектов, так же, как и в науке.

Наконец рефлексия дает возможность освоить ее идейную, мировоззренческую позицию и перспективу [3].

Известны слова М. Бора, демонстрирующие, однако, в определенном негативном плане, необходимое для понимания и учета учеными роли рефлексии как формы самосознания науки. М. Борн писал, что «в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями...» и что «... мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь посредством проб и ошибок, строим себе дорогу позади себя, по мере того как мы продвинулись вперед» [1]. Конечно, М. Борн отчасти прав: путь познания очень сложен. Но трудности не являются неустраимыми. Преодолеть их помогает рефлексивная деятельность - душа творческого поиска.

Своеобразный и яркий ответ М. Борну дал Луи де Бройль: «Таким образом (поразительное противоречие) человеческая наука существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои наиболее замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума, когда проявляются способности,

освобожденные от тяжелых оков старого рассуждения, которые называют воображением, интуицией, остроумием» [2].

Это освобождение «от тяжелых оков старого рассуждения» помогает осуществить рефлексивная деятельность, в результате которой осуществляется ломка традиционных форм познания, рождается новый метод. Но он складывается не на голом месте «ученые строят дорогу не только «позади себя» [20]. Приступая к познанию неведомого, наука всегда руководствуется определенными принципами, идеями, средствами познания, которыми владеет осознанно благодаря рефлексивной деятельности разума. В современных условиях сами по себе знания не так важны, как их осознание понимания, т.е. научно-теоретическая рефлексия. Роль понимания, роль научно-теоретической рефлексии в XXI столетии неуклонно возрастает. Ведь известна истина о том, что само по себе многознание еще не свидетельствует об уме, учености.

Таким образом, говоря о рефлексии с точки зрения культурологии, мы говорим о том, что культурологическая рефлексия является формой познания о процессах, происходящих в культуре. Относительно к теме нашего исследования – в области гастрономической культуры. Обращение научного взгляда на события и процессы познания указанного феномена повседневности позволяет не просто выделять и анализировать ошибки в научных изысканиях, но и формулировать и выделять проблемы, вопросы, с которыми так или иначе сталкивается исследователь при изучении гастрономии как науки, а также в ходе познания предмета этой науки.

Поэтому культурологическая рефлексия имеет своей целью как раз обращение научного взгляда на накопленный опыт и знания в области гастрономии, с тем чтобы не только обобщить их и систематизировать, но и понять вектор дальнейшего движения, обозначить (или дополнить) основные аспекты рассматриваемого феномена гастрономии.

Таким образом, результатом культурологической рефлексии может стать, в частности, круг проблем (вопросов), подлежащих разрешению в рамках науки, которые можно объединить в следующие категории (и отнести, по существу, к предмету рассмотрения гастрософией (предполагаемой науки о гастрономической культуре и связанных аспектов [10; 11]):

– историко-описательная. Данная категория подразумевает практически отсутствие трудов,

которые были бы посвящены пище в ее общественно-историческом значении – можно отметить преимущественно зарубежные работы, в которых довольно подробно излагается описание таких простых, но очень важных для человечества продуктов питания, как соль, зерно, а также еда в античном мире, древнем мире и других. Например, можно отметить труд М. Курлански «Треска: биография рыбы, которая изменила мир», где, как указывает сам автор, содержится «обзор мировой истории под неожиданным углом» [6]; работу историка А. Кросби «Колумбийский обмен: биологические и культурные последствия 1492 года» о неожиданно начавшейся глобализации между Старым и Новым Светом, перемещении, в числе прочего (людей, растений, технологий), культуры, продуктов и пищевых особенностей [19]. При этом указанные труды далеко не о рецептах. Отечественная наука не располагает подобными исследованиями, кроме монографии о шампанском в русской культуре или работ, посвященных застольям пушкинской поры) [13]. Между тем на сегодняшний день стали появляться диссертации и монографии, посвященные гастрономической культуре, пищевым особенностям и привычкам отдельных национальностей и тому подобные;

– аналитическая. Проблемы, составляющие данную категорию, связаны с причинами возникновения тех или иных особенностей пищевого поведения, употребления определенных продуктов. И действительно, при исследовании истории пищи и ее влияния на общество возникает ряд вопросов, касающихся, например, пищевых предпочтений тех или иных народов, причем эти предпочтения имеют длительный характер. Сюда же можно отнести предположение о том, что национальный вкус может составлять национальный характер. Решение этих и подобных вопросов, на которые должен быть дан ответ в рамках гастрософии, важны с позиции понимания роли пищи в процессе культурно-исторического развития общества. Так, одними из наиболее важных исторических вопросов являются такие, ответы на которые могут пролить свет на действительно исторически сложившиеся парадоксальные привычки и особенности не только приготовления и потребления пищи, но и складывания быта. Например, почему народы, которые живут на берегу моря, не едят рыбу? Или, некоторые народы не употребляют молочные продукты, в частности, молоко (например, камбоджийцы, приморские азиаты), а другие

включают его во все приемы пищи. Есть в сети Интернет различные предположения на эту тему, например, говорится, что народы не пьют молоко, поскольку предки «передали» им ген непереносимости лактозы, а те, кто молоко употребляет в пищу, имеют, соответственно, ген толерантности к лактозе. Мы не станем повторять и тем более рассматривать эти гипотезы, учитывая, что они носят ненаучный характер, несмотря на их вероятностный фактор.

Итак, возвращаясь к вышеуказанной категории, можно сказать, что, несмотря на возможность приобрести практически в любой точке мира продукты других регионов, несмотря на глобализационные процессы, распространяющие пищевые привычки, все же сохраняется национальная составляющая, обусловившая пищевые предпочтения. Это, в частности, указывает на наличие традиций, которые могли быть принесены народами-предками из тех мест, где они ранее проживали и вели хозяйство. Поэтому сформировались определенные предпочтения, которые сохранились, несмотря на смену территории проживания;

– государственная. Данная категория предполагает существование таких вопросов, которые касаются роли пищи в становлении государств, их развитии, географических открытиях. Роль пищи в политике можно проследить на примере Советского Союза. Так, в 30-е гг. XX в. руководство страны пришло к выводу, что необходима система питания, которая создавала бы положительный образ государства. При этом стояла задача не продовольственного обеспечения населения, а навязывание мнения о власти, через мечту людей о пищевом изобилии. Данный подход может быть использован и в формировании отрицательного образа противника.

Пища использовалась в политике государства и тогда, когда должна была исполнить роль сопротивления, привлекая к себе внимание (например, продовольственное эмбарго с 2014 г. в России, Бостонское чаепитие как акция протеста в 1773 г. [12]);

– культурная. Данная категория вопросов принадлежит к области гастрономической культуры (здесь можно отметить, что, являясь, как мы выяснили, частью гастрономической культуры, гатрософия включает и круг характерных проблем). Так, в категорию вопросов культуры включаются традиции, связанные с питанием

людей, где пища выступает в качестве элемента духовной и культурной жизни людей.

Несмотря на то что именно эти проблемы питания рассматриваются, как уже было указано, чаще остальных (сюда можно отнести обрядовую, праздничную пищу, традиции, с этим связанные (не рецепты), исследовательский потенциал в этой области значительный, а выявление схожих традиций в приготовлении и потреблении продуктов питания у народов, географически удаленных друг от друга, позволяет проследить связь как между народами, так и местами, обозначить корни феноменов (например, рождественские обеды);

– влияние пищевых традиций на культуру и традиции народов. Данная категория подразумевает существование вопросов, связанных с тем, какое влияние оказали в то или иное время пищевые привычки и поведение на появление определенных форм общения, ритуалов, произведений искусства и т.д. Так, например, появление чая в Англии оказало влияние на появление фарфора, становление традиции английского чаепития.

Также в рамках данной категории проблематики исследования в области питания интересным становится отслеживание общественных идеалов народов, в том числе связанных с питанием, через мифы, предания, религию, а также сказки и утопии;

– социальная. В данной категории, причем неплохо разработанной (см., например, описанный выше эконом-социологический подход, а также социологию питания), присутствуют вопросы, касающиеся непосредственно взаимосвязи и роли питания в обществе, которое, имея в своей структуре различные классы и сословия, обуславливает различия в питании, а также вопросы, связанные с ролью питания в различных общественных системах: гендерных, семейных и многих других, наличие которых определяется сущностью общества – отношениями, в которые люди вступают друг с другом в процессе жизнедеятельности. Рассматривая и изучая указанные аспекты, можно выявлять особенности совместного употребления пищи, приема гостей, организации праздничного «застолья» (например, пир) и подобные;

– межкультурная. В данной категории вопросов рассматривается преимущественно значение питания в коммуникации представителей раз-

личных культур, а также в национальной, групповой, индивидуальной идентичности и т.д.;

– филологическая. В данной категории проблем необходимо выделить преимущественное исследование лингвистического аспекта питания, что связано с языковыми особенностями выражения характеристик питания, его истории, роли, традициях, а также изучением значения питания в литературе и т.д.

Указанные категории проблем гастрономии являются лишь приблизительным перечнем, поскольку могут быть и другие аспекты, на которые стоит обратить внимание. Причем этот перечень позволяет отделять науку от псевдонауки, где какое-либо явление или феномен рассматривают не только однобоко, но и не представляя никаких доказательств.

Выводы. Таким образом, современный этап развития рефлексии представляет собой диалектико-материалистический активизм. Это обусловлено тем, что в настоящий период преимущественным является деятельностный подход в познании, в том числе и в рамках рефлексивной деятельности. Следует особо отметить, что стимулирование познания, способствование фор-

мированию и выбору наиболее эффективных форм, путей и способов познания в науке являются одними из наиболее важных функций рефлексии, поскольку только рефлексивный анализ позволяет ставить проблему и создавать новые знания, методы и др. Т.е. диалектико-материалистическая научная рефлексия дает возможность на современном этапе развития формировать адекватные периоду общественно-го развития методы и пути познания.

Результатом культурологической рефлексии может стать круг проблем подлежащих разрешению в рамках непосредственно науки (не с точки зрения бытовой рефлексии), которые можно объединить в следующие категории:

- историко-описательная;
- аналитическая;
- государственная;
- культурная;
- влияние пищевых традиций на культуру и традиции народов;
- социальная;
- межкультурная;
- филологическая.

1. Борн, М. Физика в жизни моего поколения: сборник статей: Переводы / под общ. ред. и с послесл. С. Г. Суворова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1963. – 535 с.
2. Бройль, Л. Д. По тропам науки / Перевод с фр. канд. физ.-мат. наук С. Ф. Шушурина; Послесл. и общая ред. д-ра философ. наук проф. И. В. Кузнецова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – 408 с.
3. Волков, Ю. Г. Манифест гуманизма: (Идеология и гуманист. будущее России) / Ю. Г. Волков. – М., 2000. – 137 с.
4. Жилин, В. И. Отражение, «общественное сознание» и рефлексия в материалистической гносеологии: от Ф. Бэкона до В.И. Ленина // Красовская Н.Р. (ред.) Вопросы современной науки. – М.: Интернаука, 2015. – Т. 1. – С. 127-153.
5. Краткая философская энциклопедия. – М.: Прогресс, 1994. – 574 с.
6. Курлански, М. Треска: биография рыбы, изменившей мир / М. Курлански; [перевод с английского О. А. Бурлак, А. Н. Вишняковой]. – М.: Вече, 2017. – 350 с.
7. Лекторский, В. А. Субъект, объект, познание / В. А. Лекторский. – М.: Наука, 1980. – 359 с.
8. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии Российской акад. наук, Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин - пред. совета и др. – М.: Мысль, 2010. – Т. 4: Т-Я. Т. 4. – 734 с.
9. Огурцов, А. П. Философия науки: двадцатый век: концепции и проблемы: [в 3 ч.] / А. П. Огурцов; Ин-т философии Российской акад. наук. – Санкт-Петербург: Мир, 2011. – ч. 2: Философия науки: наука в социокультурной системе. ч. 2. – 2011. – 493 с.
10. Ойген, Ф. К. Барон фон Верст Гастрософия или теория радостей стола / Ойген ФК Барон фон Верст. – Лейпциг: Авенариус и Мендельсон, 1851.
11. Павловская, А. В. Гастрософия: наука о еде. К постановке проблемы Часть 2 / А.В. Павловская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. – № 1. – С. 26-41.
12. Павловская, А.В. Продукты питания как орудие политической борьбы в современном мире / А.В. Павловская // Россия и Запад: диалог культур. – 2015. – № 8. – С. 1.
13. Павловская, А. В. Человек и еда: к истории зарождения традиций питания / А.В. Павловская // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2014. – № 2, 3. – С. 72-82, 85-101.
14. Принципы материалистической диалектики как теории познания / С. Н. Мареев, Э. В. Ильенков, А. Г. Новохатько и др.; Редкол.: В. А. Лекторский (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1984. – 304 с.

15. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. - 4-е изд., испр. и доп. - М.: Советская энциклопедия, 1989. - 1633 с.
16. Старостин, А. М. Политические элиты и рефлексивное управление // Научный вестник В АТС. Политология и социология. - 2010. - № 3.
17. Стрюковский, В. И. Научная рефлексия и социальное управление // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. - 2012. - № 2. - С. 120-131.
18. Юдин, Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность / Э. Г. Юдин. - М.: Эдиториал УРСС, 1997. - 444 с.
19. Crosby, W. Alfred The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492 / Crosby W. Alfred. - Greenwood: Publishing Group, 1972. - 268 p.
20. Griffith, Todd W., Murdock, J William. The Role of Reflection in Scientific Exploration. - 1998. - URL: https://www.researchgate.net/publication/2634145_The_Role_of_Reflection_in_Scientific_Exploration (дата обращения 10.06.2023).

ON THE QUESTION OF GASTRONOMIC REFLECTION

© 2024 V.A. Ermolaev

*Vladimir A. Ermolaev, Doctor of Technical Sciences, Associate Professor,
Professor of the Department of Biotechnology and Food Production*

E-mail: ermolaevvla@rambler.ru

*Kuzbass State Agricultural University
Kemerovo, Russia*

The article is devoted to culturological gastronomic reflection, which is considered as a state of consciousness in relation to a specific sphere of cognition. The author studies the periodization of the development of reflection, in accordance with the periods of development of cognition methods. Thus, highlighting the stages, starting from the scholastic period and ending with activism, the author agrees with some authors in the naming and content of these periods. However, it is worth pointing out that this is dialectical-materialistic activism, which is based on the corresponding philosophical principles. As a result of the study of the concept and essence of reflection, the author concludes that the present stage of the development of reflection is based on an activity-based approach to the study of the cognition system, which means the implementation of activities for the formation of a certain knowledge. Since scientific reflection at the present stage is increasingly connected with social development and penetrates into its spheres, it is noted that the combination of reflection and dialectical-materialistic approach and worldview makes it possible to reflect not only in the general philosophical sense, but also within the practical application of reflection, in private scientific and everyday consciousness. The result of the application of cultural reflection in the field of gastronomy is the identification of categories of problems of science ("gastrosophy" is a term proposed by some scientists for the name of science) and its content: historical-descriptive, analytical, state and a number of others, which have their own range of private issues involving research and, of course, reflection.

Keywords: philosophical reflection, scientific reflection, gastronomic reflection, cultural reflection, gastrosophy

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-79-87

EDN: CDQNB1

1. Born, M. Fizika v zhizni moego pokoleniia: sbornik statei: Perevody (Physics in the life of my generation: collection of articles: Translations) / pod obshch. red. i s poslesl. S. G. Suvorova. - M.: Izd-vo inostr. lit., 1963. - 535 s.
2. Broil', L. D. Po tropam nauki (Along the paths of science) / Perevod s fr. kand. fiz.-mat. nauk S. F. Shushurina; Poslesl. i obshchaia red. d-ra filosof. nauk prof. I. V. Kuznetsova. - M.: Izd-vo inostr. lit., 1962. - 408 s.
3. Volkov, Iu. G. Manifest gumanizma: (Ideologiya i gumanist. budushchee Rossii) (Manifesto of Humanism: (Ideology and humanistic future of Russia)) / Iu. G. Volkov. - M., 2000. - 137 s.
4. Zhilin, V. I. Otrazhenie, «obshchestvennoe soznanie» i refleksiya v materialisticheskoi gnoseologii: ot F. Bekona do V.I. Lenina (Reflection, "social consciousness" and reflection in materialist epistemology: from F. Bacon to V.I. Lenin) // Krasovskaia N.R. (red.) Voprosy sovremennoi nauki. - M.: Internauka, 2015. - T. 1. - S. 127-153.
5. Kratkaia filosofskaia entsiklopediia (Brief philosophical encyclopedia). - M.: Progress, 1994. - 574 s.
6. Kurlanski, M. Treska: biografiia ryby, izmenivshei mir (Cod: a biography of the fish that changed the world) / M. Kurlanski; [perevod s angliiskogo O. A. Burlak, A. N. Vishniakovoi]. - M.: Veche, 2017. - 350 s.
7. Lektorskii, V. A. Sub"ekt, ob"ekt, poznanie (Subject, object, cognition) / V. A. Lektorskii. - M.: Nauka, 1980. - 359 s.

8. Novaia filosofskaia entsiklopediia: v 4 t. (New philosophical encyclopedia: in 4 volumes) / In-t filosofii Rossiiskoi akad. nauk, Natsional'nyi obshchestvenno-nauchnyi fond; nauch.-red. sovet.: V. S. Stepin - pred. soveta i dr. – M.: Mysl', 2010. – T. 4: T-Ia. T. 4. – 734 s.
9. Ogurtsov, A. P. Filosofiia nauki: dvadtsatyi vek: kontseptsii i problemy: [v 3 ch.] (Philosophy of science: twentieth century: concepts and problems: [in 3 hours]) / A. P. Ogurtsov; In-t filosofii Rossiiskoi akad. nauk. – Sankt-Peterburg: Mir", 2011. – ch. 2: Filosofiia nauki: nauka v sotsiokul'turnoi sisteme. ch. 2. – 2011. – 493 s.
10. Oigen, F. K. Baron fon Verst Gastrosofiia ili teoriia radostei stola (Baron von Verst Gastrosophy or the theory of the joys of the table) / Oigen FK Baron fon Verst. – Leiptsig: Avenarius i Mendel'son, 1851.
11. Pavlovskaiia, A. V. Gastrosofiia: nauka o ede. K postanovke problemy Chast' 2 (Gastrosophy: the science of food. To the statement of the problem Part 2) / A.V. Pavlovskaiia // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2016. – № 1. – S. 26-41.
12. Pavlovskaiia, A.V. Produkty pitaniia kak orudie politicheskoi bor'by v sovremennom mire (Food as a weapon of political struggle in the modern world) / A.V. Pavlovskaiia // Rossiia i Zapad: dialog kul'tur. – 2015. – № 8. – S. 1.
13. Pavlovskaiia, A. V. Chelovek i eda: k istorii zarozhdeniia traditsii pitaniia (Man and food: on the history of the origin of food traditions) / A.V. Pavlovskaiia // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. – 2014. – № 2, 3. – S. 72-82, 85-101.
14. Printsipy materialisticheskoi dialektiki kak teorii poznaniia (Principles of materialistic dialectics as a theory of knowledge) / S. N. Mareev, E. V. Il'enkov, A. G. Novokhat'ko i dr.; Redkol.: V. A. Lektorskii (otv. red.) i dr. – M.: Nauka, 1984. – 304 s.
15. Sovetskii entsiklopedicheskii slovar' (Soviet encyclopedic dictionary) / gl. red. A. M. Prokhorov. – 4-e izd., ispr. i dop. – M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1989. – 1633 s.
16. Starostin, A. M. Politicheskie elity i reflektivnoe upravlenie (Political elites and reflexive management // Scientific Bulletin of the ATS. Political science and sociology) // Nauchnyi vestnik V ATS. Politologiiia i sotsiologiiia. – 2010. – № 3.
17. Striukovskii, V. I. Nauchnaia refleksiiia i sotsial'noe upravlenie (Scientific reflection and social management) // Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski. – 2012. – № 2. – S. 120-131.
18. Iudin, E. G. Metodologiiia nauki. Sistemnost'. Deiatel'nost' (Methodology of science. Systematicity. Activities) / E. G. Iudin. – M.: Editorial URSS, 1997. – 444 s.
19. Crosby, W. Alfred The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492 / Crosby W. Alfred. – Greenwood: Publishing Group, 1972. – 268 p.
20. Griffith, Todd W., Murdock, J William. The Role of Reflection in Scientific Exploration. – 1998. – URL: ResearchGate https://www.researchgate.net/publication/2634145_The_Role_of_Reflection_in_Scientific_Exploration (дата обращения 10.06.2023).

УДК 168.522 (Гуманитарные науки. Культурология)

ИСТОКИ ПРАЗДНИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛУГАНЩИНЫ

© 2024 М.В. Олейникова

*Олейникова Маргарита Викторовна,
преподаватель кафедры театрального искусства*

E-mail: lgaki_olejnikova@mail.ru

**Луганская государственная академия культуры и искусств
имени Михаила Матусовского
Луганск, Россия**

Статья поступила в редакцию 30.11.2023

В статье рассматривается история становления праздничной культуры Луганщины, дается их краткая характеристика. Автор рассматривает различные обряды, традиции и массовые гуляния, которые формировали праздничную культуру данного края и приходит к выводу, что праздничная культура нынешней Луганской Народной Республики – это результат уникального накопленного социумом культурного и исторического опыта и имеет глубокое духовное, культурное и патриотическое значение. На Луганщине представлено множество культур и традиций в связи с исторически сложившимися обстоятельствами: сравнительно позднее заселение края; совместное проживание разных национальностей на одной территории – русских, украинцев, сербов, поляков, греков, евреев и многих других; хозяйственно-экономические, культурные, бытовые связи, которые привели к значительному этнокультурному сближению народов. Приведены примеры слияния братской сербской культуры с традициями и праздниками донских казаков: и сербский Божич (коляда под Рождество), и общий обычай первого гостя Рождественского утра, и Пасха, и трансформирующиеся языческие праздники, обряды, такие как Ивана Купала, Масленица; и множество других общих праздников и традиций. Подчеркнуто, что для множества наций устное и нематериальное культурное наследие составляет главный источник идентификации. Одним из основных видов нематериального наследия является культура праздников.

Ключевые слова: праздничная культура, традиции, обряды, Луганщина

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-88-93

EDN: CFQGBL

Введение. Интерес к прошлому, закономерно возникший на определённом этапе развития человеческого общества, интерес к своим корням, к истории, культуре, быту народа – есть общемировая тенденция. Праздничная культура является важной частью образа и духа определённого периода времени, отражает политический строй государства, имеет основу в традиционной, народной культуре и часто связана с конфессиональными установками государства [4, с. 496].

По мнению А.И. Мазаева, праздник – это «древний и постоянно воспроизводимый элемент культуры, который в отдельные периоды истории способен переживать упадок, но не может исчезнуть совсем» [5, с. 9].

Праздник как явление жизни духовной, как фактор семейной, профессиональной, религиозной и социальной интеграции, как форма выражения национально-культурных традиций,

всегда привлекал внимание исследователей в области истории, этнографии, философии, религиоведения, культурологии, социальной психологии, искусствоведения, режиссуры, педагогики и других направлений гуманитарного знания. Праздники всегда играли большую роль в жизни общества, отвлекая от повседневности посредством общения и развлечения, способствуя формированию и укреплению общности людей.

В Толковом словаре В.И. Даля объяснение празднику дается на основе понятия «праздность» [3]. Я.П. Белоусов тоже определяет понятие «праздник», беря за основу древнеславянское «праздь» – отдых, безделье, лень [2].

С помощью праздника происходит вовлечение человека в жизнь социума, освоение общественного опыта, знаний, ценностей, норм поведения, морали и пр.

Праздничная культура является связующим фактором между поколениями, формирует историческую память народа. Участие в праздничном действии формирует чувство принадлежности к народу, его культуре. При различных формах проведения праздника идёт передача от поколения к поколению представлений о картине мира, передача опыта, навыков труда, семейно-бытовых традициях, проходит усвоение нравственных норм младшими его участниками и развитие их эстетических вкусов.

М.Е. Сидорова считает, что «праздничная культура сопровождает человеческое общество с самых ранних стадий развития и является неотъемлемой составляющей культуры в целом» [7, с. 680].

Народная праздничная культура – это многовековой концентрированный опыт народа, который материализован в предметах искусства, труда и быта: это традиции, обряды, обычаи, верования; это мировоззренческие, нравственные и эстетические ценности, определяющие лицо нации, ее самобытность, уникальность, ее социальную и духовную особенность.

Одними из главных составляющих духовной жизни народа являются праздники и обряды, которые отражают не только этническое своеобразие, но и моральные ценности, ментальность, историю. Принципиальной особенностью праздников является идея неразрывного единства всех сторон культуры – норм поведения, искусства, культурных и духовных традиций.

Методы исследования. Основным методом исследования является анализ научной литературы, опубликованной в период 1974-2020 гг. Протяженный по времени ряд идей и размышлений позволил составить общую картину развития темы, которой посвящена статья.

История вопроса. Луганщина является уникальной территорией в плане культуры. В статье рассматриваются особенности развития фольклора Луганского края, связанная с исторически сложившимися обстоятельствами: позднее заселение края; многонациональность; экономические, культурно-бытовые связи, которые привели к значительному этнокультурному сближению народов.

Как рассказывает в своей работе об истории луганского края М.В. Орешкин, с 3 в. до н. э. и до середины 3 в. н. э. на территории области жили сарматские племена. Позднее – печенеги и половцы. Эти земли, получившие название «Дикое

поле», отделяли Русское государство от Крымского ханства. После монголо-татарского нашествия Луганская степь опустела. Во второй половине XVI в. Русское государство для охраны своих южных границ развернуло в южных степях пограничную сторожевую службу. Сюда приходят Донские и Запорожские казаки. С их приходом начинается строительство укрепленных городов, сторожевых постов, зимовников [6].

Однако этот первоначальный этап заселения оказался мало перспективным. Казачьих поселений было мало. Дальнейшее решение данной проблемы было найдено в религиозной плоскости.

Еще Петру Великому пришла идея привлечения патриотов православного вероисповедания для заселения данных территорий, но воплотить ее он не успел.

Данную идею начала воплощать императрица Елизавета Петровна, которая обратилась к царствовавшей в Австро-Венгрии Марии-Терезии с просьбой не препятствовать сербским офицерам и офицерам других национальностей перейти на службу в Россию. За счет расселения офицеров православного вероисповедания – бывших поданных Австрийской империи. Так началось заселение территорий, расположенных между Северским Донцом, Бахмутом и Луганью. Так, в 1752 г. прибыли первые военные переселенцы, принявшие военное подданство и присягу в составе двух конных гусарских полков под командованием Райко Прерадовича (Родина Депрерадовича) и Ивана Шевича. При заселении переселенцам предоставлялись земельные наделы. Размер надела зависел от ранга: чем выше ранг, тем больше земельный надел при условии заселения его в установленный срок семейным и оседлым народом. Земля, отведенная для поселений рот Шевича и Прерадовича, получила название Славяносербии.

В конце XVIII в. Россия удачно завершила ряд военных компаний, в ходе которых получила выход к Черному морю. Для дальнейшего завоевания Крыма требовалось укрепление южных рубежей государства. Для этого использовались как старые турецкие крепости, так и строящиеся новые. Для их вооружения, а также для ведения военной компании по завоеванию Крыма, требовались пушки, орудия и т.д., что было затруднительно приобрести в связи с большой удаленностью от Урала: требовалась новая металлургическая база. Выбор месторасположения

нового чугунолитейного завода был предоставлен шотландцу Карлу Гайскойну. После изучения полезных ископаемых им было предложено лить пушки из чугуна, а также разместить завод у слияния рек Ольговой и Лугани. Так и был основан рабочий поселок Каменный брод. Уже в 1800 г. была выпущена первая продукция завода. Вскоре он был закрыт и перепрофилирован в патронный завод [6].

Следующей ветвью развития Луганска послужило открытие ряда промышленных предприятий за счет иностранного капитала в конце XIX – начале XX вв.

Несомненно, в указанные периоды заселения и развития региона укреплялось и сельское хозяйство – земледелие, садоводство, скотоводство и пр.

Результаты исследования. На Луганщине представлено множество культур и традиций в связи с исторически сложившимися обстоятельствами: сравнительно позднее заселение края; совместное проживание разных национальностей на одной территории – русских, украинцев, сербов, поляков, греков, евреев и многих других; хозяйственно-экономические, культурные, бытовые связи, которые привели к значительному этнокультурному сближению народов. Поэтому важно сохранить традицию каждой народности региона. Каждая из культур ассимилировалась с другими. Именно это является отличительной чертой нашей территории. Например, слияние братской сербской культуры с традициями и праздниками донских казаков: и сербский Божич (коляда под Рождество), и общий обычай первого гостя Рождественского утра, и Пасха, и трансформирующиеся языческие праздники, обряды, такие как Ивана Купала, Масленица; и множество других общих праздников и традиций.

Этнограф и фольклорист К.В. Чистов отмечает, что «традиция есть (система) связей настоящего с прошлым, причем при помощи этой сети совершается определенный отбор стереотипов, которые затем опять воспроизводятся. Общество без традиций так же невозможно, как общество без культуры» [8, с. 47].

Множество народных праздников уходит своими корнями в язычество. Некоторые из древних обрядов и ритуалов сохранились в народных традициях и по сей день. Часть таких обрядов церковь умело приспособила к своим

праздникам, а некоторые народные праздники стали частью или продолжением церковных. М.М. Бахтин считает праздник «первичной формой человеческой культуры» [1].

Рождество Христово – праздник, отмечаемый в самый короткий день в году. Праздник начинался 6 января, в Святой вечер. В этот день люди создавали в своих домах образы богатства, счастья, мира и спокойствия. Дома красили в белый цвет, увешивали рушниками и сухоцветами. Столы накрывали тонким слоем душистого сена и белоснежными скатертями. На «покуте» (угол под образами) ставили высокий пучок ржи и делали гнездо из сена, в которое клали кутью и узвар (кутья – поминальное блюдо, узвар – обрядовое питье, которое давали матери в первый день жизни ребенка). По народным поверьям, в канун Рождества начинают хозяйничать злые силы. В связи с этим использовались всевозможные обереги, в том числе магические заклинания и лекарственные травы. В первый день Рождества Христова после торжественной литургии в церкви на улицах появлялись колядовщики. Колядовщики поздравляли всех знакомых с Рождеством и Новым годом, желали здоровья, счастья и хорошего урожая.

Праздник Крещения Господня завершал Святки. Так же, как и в наше время, отмечался в память крещения Иисуса Христа Иоанном Предтечей в водах реки Иордан. Этот праздник называют еще Богоявлением, потому что во время крещения Иисуса Христа слетел с небес голубь – это был Святой Дух – и раздался голос Бога, сказавшего, что Иисус Христос – Его возлюбленный Сын. На Крещение в церквях освящают воду. У православных христиан до сих пор существует обычай приносить домой святую воду и бережно хранить ее. Эту воду пьют, умываются ею, считая ее целебной, окропляют ею дом.

Масленица – праздник, знаменующий начало хозяйственного изобилия и прощание с зимой. Ритуалы масленичной недели были призваны помочь солнцу двигаться по кругу и ускорить окончание зимы. Поэтому на Масленицу объезжали деревню на лошадях, сжигали колесо (символ солнца) на шесте, а на стол подавали блины в виде солнечного диска. На масленичных кострах сжигали соломенных кукол Масленицы. Проводы зимы сопровождалась пением,

ритуальным смехом и шутовским действием. Смех был утверждением жизни, весны и тепла. Существовала традиция печь круглые, желтые, похожие на солнце блины. Традиционными были катания на конных упряжках и санях с ледяных гор, кулачные бои, «тещины посиделки». Масленичные обряды очень необычны и интересны, он служит одновременно завершением зимнего праздничного ритуального периода и началом нового весеннего периода праздников и обрядов, которые должны способствовать обильному урожаю.

Пасха – самый большой, радостный и в тоже время самый древний христианский праздник, отмечающий воскресение Христа, отмечался с особой торжественностью. Пасха отмечалась верующими в первое воскресенье после весеннего равноденствия и полнолуния (с 22 марта по 25 апреля по старому стилю). Накануне Пасхи во всех храмах проводились всенощные богослужения, вокруг храма проходили крестные ходы. В это время в каждом доме уже пекутся традиционные куличи. Утром верующие отправляются по домам с угощением, даря другу крашенные яйца, приговаривая при этом: «Христос воскрес!» – «Воистину воскрес!». Этот обычай приветствия-поздравления, получил название «христосование». Христианская Пасха длится семь дней и называется Страстной неделей или Седьмицей.

Праздник Ивана Купалы. По поверьям, в этот день солнце купалось в воде, освящая ее и придавая ей очищающие и целебные свойства. Люди верили, что в этот день растения разговаривают друг с другом и переходят с места на место. Даже папоротники, которые не цветут, распускаются в эту ночь. Поскольку лекарственные травы в это время года обладают целебными свойствами, люди еще до восхода солнца отправлялись в лес, чтобы собрать сырье для лекарственных трав. В ночь с 23 на 24 июня люди отмечали этот таинственный и загадочный, но в то же время живой и радостный праздник. Он полон обрядовых действий, правил и запретов, песен, всевозможных примет, гаданий, легенд и поверий.

В этот день люди надевали цветочный пояс и возлагали на голову венки из трав, водили хороводы, пели песни, разводили костры, в середину которых ставили шест с укрепленным на нем горящим колесом – символом солнца.

В песнях, которые пели в деревнях, Купала назывался любящим, чистым и веселым. В день

Ивана Купалы девушки делали венки из трав и цветов, а вечером пускали их по воде и наблюдали, куда и как они плывут. Если чей-то венок тонет, значит, его обладательницу суженый разлюбил и замуж за него ей не выйти.

Праздничная культура луганского края XVIII-XIX вв. была достаточно разнообразна. Зимние праздники – Рождество, Новый год, Крещение, Масленица – всегда сопровождались забавами ряженых; в эти дни пели, плясали, водили хороводы. Было также принято делать визиты соседям и знакомым, приглашать гостей и устраивать смотрины невест.

Несмотря на ассимиляцию культур, собственно европейские праздники на луганской земле не закрепились.

В конце XIX в. на Луганщине в Лозовой Павловке возникли такие очаги культуры, как народные аудитории. В то же время народная аудитория была создана в Луганске. Она имела библиотеку – читальню, зал для театральных представлений, где выступали приезжие артисты и художественная самодеятельность. Один из местных любителей театра – И.А. Боголюбов – стал впоследствии актером МХАТа. В театрах Петрограда и Москвы работал другой выходец из Луганска – А.М. Дорошенко (настоящая фамилия Дорошевич), начинавший свои выступления в гастролировавших здесь театральных труппах М. Кропивницкого, М. Старицкого и Г. Деркача.

В 1893 г. в Луганске начал действовать театр владельца пекарни купца Блинова. В городе был создан горно-коммерческий клуб, на сцене которого шли оперетты «Веселая вдова», «Граф Люксембург», «Жрица» и др. В Луганске на гастролях бывали украинские артисты, в том числе и всемирно известная актриса Мария Александровна Калина. Они поставили «Наталку-Полтавку» И. Котляревского. Приезжал сюда и широко известный в то время трагик М.Т. Иванов-Козельский. С его участием жители города увидели «Гамлета» и «Короля Лира» У. Шекспира, «Коварство и любовь» Ф. Шиллера.

Выводы. Для множества наций устное и нематериальное культурное наследие составляет главный источник идентификации. Одним из основных видов нематериального наследия является культура праздников.

Культура праздников обладает важным свойством – способностью воспроизводиться через социализацию и инкультурацию молодого поколения, позволяя ему освоить общий

социальный опыт, связанный с праздничными ритуалами, их традициями и коммуникационными средствами, специфичными для конкретного сообщества. Этот процесс является неотъемлемой частью воспроизводства общества, дела его целостным и устойчивым.

Само общество представляет собой разнообразную коллективность, объединенную и в то

же время разделенную специфической системой свойств праздничной культуры. Нельзя достичь воспроизведения этой коллективности в следующем поколении, не передав ему общие элементы праздничной культуры, которые сближали их предков.

1. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М.: Худож. лит., 1990. – 541 с.
2. Белоусов, Я. П. Праздники старые и новые (некоторые философские аспекты проблемы празднования). – Алма-Ата : Казахстан, 1974. – 84 с.
3. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3. – М.: Рус. яз., 1980.
4. Забылин, М. А. Русский народ: обычаи, обряды, предания, суеверия. – М.: Русская книга, 1996. – 625 с.
5. Мазаев, А. И. Праздник как социально-художественное явление: Опыт историко-теоретического наследования / А.И. Мазаев. – М.: Наука, 1978. – 393 с.
6. Орешкин, М. В., Орешкина, М. А., Теплицкий, Ю. М. Луганщина: славный путь через века и тысячелетия: (история Земли и людей с традициями, достижениями и мощью цивилизации): учебное пособие / М.В. Орешкин, М.А. Орешкина, Ю.М. Теплицкий. – Луганск: [б. и.], 2017. – 159 с.
7. Сидорова, М. Е. Праздники на основе вековых традиций как основа российской современной культуры / М.Е. Сидорова // Молодой ученый. – 2020. – №23 (313). – С. 680-682 [Электронный ресурс]. – URL: <https://moluch.ru/archive/313/71051/> (дата обращения: 19.10.2023).
8. Чистов, К. В. Традиция, “традиционное общество” и проблема варьирования // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 105-107.

ORIGINS OF HOLIDAY CULTURE OF LUGANSK REGION

© 2024 M.V. Oleynikova

Margarita V. Oleynikova, Lecturer at the Department of Theater Arts

E-mail: lgaki_oleynikova@mail.ru

**Lugansk State Academy of Culture and Arts named after Mikhail Matusovsky
Lugansk, Russia**

The article examines the history of the formation of the festive culture of the Lugansk region and gives a brief description of them. The author examines various rituals, traditions and mass celebrations that shaped the festive culture of this region and comes to the conclusion that the festive culture of the current Lugansk People's Republic is the result of a unique cultural and historical experience accumulated by society and has deep spiritual, cultural and patriotic significance. There are many cultures and traditions represented in the Lugansk region due to historical circumstances: the relatively late settlement of the region; cohabitation of different nationalities on the same territory - Russians, Ukrainians, Serbs, Poles, Greeks, Jews and many others; economic, cultural, everyday ties that led to a significant ethnocultural rapprochement of peoples. Examples are given of the fusion of fraternal Serbian culture with the traditions and holidays of the Don Cossacks: the Serbian Bozhich (carol at Christmas), and the general custom of the first guest of Christmas morning, and Easter, and transforming pagan holidays, rituals, such as Ivan Kupala, Maslennitsa; and many other common holidays and traditions. It is emphasized that for many nations, oral and intangible cultural heritage constitutes the main source of identification. One of the main types of intangible heritage is the culture of holidays.

Keywords: festive culture, traditions, rituals, Lugansk region

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-88-93

EDN: CFQGBL

1. Bakhtin, M. M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa (The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance). – М.: Khudozh. lit., 1990. – 541 s.

2. Belousov, Ia. P. Prazdniki starye i novye (nekotorye filosofskie aspekty problemy prazdnovaniia) (Holidays old and new (some philosophical aspects of the problem of celebration)). – Alma-Ata: Kazakhstan, 1974. – 84 c.
3. Dal', V. I. Tolkovy slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka. V 4 t. T. 3 (Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes). – M.: Rus. iaz., 1980.
4. Zabylin, M. A. Russkii narod: obychai, obriady, predaniia, sueverii (Russian people: customs, rituals, legends, superstitions). – M.: Russkaia kniga, 1996. – 625 s.
5. Mazaev, A. I. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe iavlenie: Opyt istoriko-teoreticheskogo nasle-dovaniia (Holiday as a social and artistic phenomenon: Experience of historical and theoretical inheritance) / A.I. Mazaev. – M.: Nauka, 1978. – 393 s.
6. Oreshkin, M. V., Oreshkina, M. A., Teplitskii, Iu. M. Luganshchina: slavyi put' cherez veka i tysiacheletiia : (istoriia Zemli i liudei s traditsiiami, dostizheniiami i moshch'iu tsivilizatsii): uchebnoe posobie (Lugansk region: a glorious path through centuries and millennia: (history of the Earth and people with traditions, achievements and the power of civilization): textbook) / M.V. Oresh-kin, M.A. Oreshkina, Iu.M. Teplitskii. – Lugansk: [b. i.], 2017. – 159 s.
7. Sidorova, M. E. Prazdniki na osnove vekovykh traditsii kak osnova rossiiskoi sovremennoi kul'tury (Holidays based on centuries-old traditions as the basis of Russian modern culture) / M.E. Sidorova // Molodoi uchenyi. – 2020. – №23 (313). – S. 680-682 [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://moluch.ru/archive/313/71051/> (data obrashcheniia: 19.10.2023).
8. Chistov, K. V. Traditsiia, “traditsionnoe obshchestvo” i problema var'irovaniia (Tradition, “traditional society” and the problem of variation) // Sovetskaia etnografiia. – 1981. – № 2. – S. 105-107.

УДК 168.522: 7.067 (Гуманитарные науки. Культурология / Искусство с различных точек зрения.
Социальная значимость искусства. Искусство и общество)

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ НОТОИЗДАТЕЛЬСКОЕ ДЕЛО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.: ХАРАКТЕРИСТИКИ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ОТРАСЛИ

© 2024 О.В. Радзеецкая

Радзеецкая Ольга Владимировна, доктор искусствоведения, профессор

E-mail: olgabreman@yandex.ru

**Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
Москва, Россия**

Статья поступила в редакцию 30.10.2023

Статья посвящена особенностям развития отечественного нотоиздательского дела во второй половине XIX – начале XX вв., структуре, организации и функционированию торговой деятельности больших и малых предприятий. Определены стратегически важные позиции, создающие целостное представление о механизмах получения материальной прибыли, эффективных способах укрупнения и оптимизации полиграфического производства, указаны системообразующие факторы, влияющие на процесс индивидуализации его фирменного стиля. К такому можно отнести: иностранных предпринимателей, возглавлявших ряд крупнейших российских фирм; коммерческие стратегии, направленные на монополизацию рынка и усиление его динамики. Важным дополнением к этому контексту служит наличие или отсутствие собственной нотопечатни, производство и реализация музыкальных инструментов, аксессуаров и сопутствующих товаров, а также не имеющий аналогов в мировой практике опыт меценатства и благотворительности, позволяющий говорить об исключительном культурном статусе и феномене отечественного нотоиздательского дела. Большим информационным ресурсом заявленной темы становится работа известных торговых марок после 1917 г. в советской России и за рубежом. Совокупность полученных результатов создает представление о различных гранях данного явления в пространственно-временной динамике и перспективе и формирует дополнительные возможности для его изучения.

Ключевые слова: отечественное нотоиздательское дело, история, организация, коммерция, благотворительность, меценатство

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-94-100

EDN: CJBQOK

Введение. В истории отечественного нотоиздательского дела есть целый ряд мало исследованных областей, которые могут рассматриваться в их системообразующем контексте. Вторая половина XIX – начало XX вв., эпоха отмены крепостного права (1861), ставшая началом глубоких социальных преобразований, подъема промышленного производства, укрепления класса буржуазии, сформировала импульс для расцвета культуры, искусства и образования, вывела на первый план личность яркую и незаурядную, как интеллектуальную и творческую вершину своего времени. В нотоиздательской деятельности такая тенденция проявилась во многих городах и губерниях Российской Империи.

Как правило, ведущая роль здесь принадлежала иностранцам, приехавшим в страну с целью

организации бизнеса в Москве или Санкт-Петербурге. Очень часто данные инициативы носили семейный характер. Подобная структура была характерна для ряда ведущих представителей отрасли: фирмы «П. Юргенсон», «А. Гутхейль», «Юлий Генрих Циммерман», «В. Бессель и К°» и др. переходили по наследству от отца к сыну или управлялись ближайшими родственниками. Другая тенденция связывается с продажей процветающего производства и возвращением в Западную Европу его владельца. Так, «И.Д. Герстенберг, открывший в Петербурге сперва нотоиздательство, а затем и нотопечатню (1795). <...> выпускал, кроме иностранных перепечаток, также сочинения русских композиторов (Дица, Козловского, Прача, Хандошкина и др.), а кроме того, музыкальный журнал «Magazin de musique», «Карманные книжки для любителей музыки» на 1795 и

1796 г. и т.п. В течение своей восьмилетней работы в России Герстенберг по-видимому сохранял деловую связь со своей родиной, куда он, сколотив деньги, и вернулся в 1799 году и где продолжал свою издательскую деятельность» [13, с. 36-37]. Гораздо позже, таким же образом поступил и Ю.Г. Циммерман, уехавший в Германию в 1886 г., но продолжавший руководить русским филиалом вплоть до 1915 г. (с 1875 г.), как яркий представитель талантливых иностранцев, немецких музыкантов, ученых, педагогов, нотоиздателей, фабрикантов и др., внесших весомый вклад в становление отечественной культуры [7]. В этих поступках, пожалуй, трудно усмотреть какие-либо аналогии с определенным социальным слоем людей, «которые, оказавшись онтологически оторванными от своей исторической родины, стремились сохранить и увековечить традиции этнической немецкой культуры» [12, с. 108]. Суть вопроса, скорее всего, раскрывается в других смысловых измерениях, прямо противоположных и чрезвычайно близких – искусства и коммерции, а далее, признания, личного благоустройства, реализации и, как правило, вполне осознанного выбора. Поэтому «не менее важными в постижении музыкальной культуры являются немзыкальные знаковые системы в создании музыки» [3, с. 116].

Методы исследования. При обзорном анализе большого объема информационных ресурсов главным образом использовался сравнительно-исторический и сопоставительный метод, позволяющий составить первичное представление о системообразующих факторах отечественного нотоиздательского дела как культурного феномена второй половине XIX – начале XX вв.

История вопроса. На сегодняшний день об отечественном нотоиздательском деле написан ряд интересных научных работ, посвященных отдельным культурно-историческим периодам (Ф.Э. Пуртов) и их выдающимся представителям – П.И. Юргенсону (Н.В. Логачева), М.П. Беляеву (Н.А. Гезехус, Л.З. Корабельникова, Д.Е. Луконин, И.М. Марков, В.В. Стасов, В.Я. Трайнин, R. Davis), Ю.Г. Циммерману (Д.Г. Ломтев), В.В. Бесселю (Н. Карпун, А.С. Кривцова, Д.Г. Ломтев, Е. Пугина), С.А. Кусевицкому (В.А. Юзефович) и др., труды по вопросам авторского права В.В. Бесселя, О.А. Бобрин, В.Е. Николаева, Ф.Э. Пуртова, Я.А. Ферран, Е.М. Шабшаевич, Б.П. Юргенсона, а также книги С.В. Белова «Музыкальное издательство П.И. Юргенсона», Б.Е. Кунина «Из истории нотопечатания. Краткий очерк», Б.Л. Вольмана «Русские нот-

ные издания XIX – начала XX века», «Нотоиздательское дело в России» Г.К. Иванова, «Очерк истории нотопечатания» Б.П. Юргенсона, а также статьи Н.Ф. Финдейзена и других авторов, в которых отражены важные вехи в истории и становлении данного феномена, названы имена русских и зарубежных предпринимателей. Отдельного внимания заслуживает «Чайковский П.И., Юргенсон П.И. Переписка: В 2-х т.» под редакцией П.Е. Вайдман и сборники «Нотные издания в музыкальной жизни России», выпущенные Российской национальной библиотекой (составитель и научный редактор И.Ф. Безуглова).

Результаты исследования. В некоторых из них затрагиваются вопросы жесткой конкуренции, слияния и поглощения производственных активов, демонстрирующую остроту и динамику делового процесса, законы капиталистического хозяйства. Рождение нотоиздательских монополий, как правило, сопровождалось покупкой и ликвидацией более мелких предприятий, что являлось закономерным и объективным временным фактором: «В середине 50-х годов издательства Деноткина, Пеца, Гурскалина, вместе со всем фондом награвированных досок были “поглощены” петербургской нотоиздательской фирмой Ф.Т. Стелловского (1826-1875), который стал одним из основных издателей сочинений Глинки и других русских композиторов» [4, с. 40]. Во второй половине XIX в. эту линию продолжили П.И. Юргенсон и А.Б. Гутхейль. Процесс носил последовательный и методичный характер.

Обращаясь к таблице Вольмана в его труде «Русские нотные издания XIX – начала XX века», можно заметить, что «П. Юргенсон» начал свои приобретения в 1870 г., спустя девять лет после официального открытия. В 1867 г., в связи с введением в строй собственной нотопечатни (до обозначенных событий П.И. Юргенсон являлся клиентом К.Г. Рёдера. Контакты продолжались и в будущем по отдельным профессиональным вопросам), дела пошли еще быстрее. Коммерческие интересы Юргенсона были чрезвычайно широки: до 1903 г. в его фирму вошли такие издательства, как Мелье, Карцева, Круга, Штюрмера и др. в Петербурге, Эрлангера, Грейнера, Бауэра, Линева и др. в Москве, а также Зеэцена в Риге и Бернарди в Одессе. Крупными покупками стали предприятия Мейкова и Бернарда, авторитетных игроков российского нотоиздательского рынка, имеющих даже филиалы в губернских городах Российской империи («М. Бернард» и «Восточная лира» в Казани).

Б.Л. Вольман отмечает, что «в 1885 году Юргенсон, как сам признавался, “прозевал” покупку издательства Стелловского в Петербурге, которое у него перехватила ставшая конкурентом Юргенсона в Москве фирма А. Гутхейля». По статистике, из пятнадцати производств (по Вольману), вошедших в состав «П. Юргенсон», десять находились в Петербурге, три в Москве, по одному в Риге и Одессе [2, с. 164]. Главный офис (в переводе на современный язык) находился в Москве в палатах дьяка Украинцева по адресу: г. Москва Хохловский переулок д. 7-9, строение 2).

Коммерческий стиль Юргенсона достаточно ясно отражен в его письме Чайковскому от 11 сентября 1882 г.: «... я купил около 300 номеров готовых вещей у различных издателей за 1000 руб., с готовыми досками. Музыки в этих 300 номерах совсем нет, все больше навоз, но в хозяйстве навоз идет на дело» [10, с. 387]. В целом, это соответствовало издательской политике и других производителей, таких как Циммерман, Детлаф, что способствовало активному увеличению тиражей и получению максимальной прибыли за счет легкой музыки: эстрадных песен, цыганских романсов и т.д. Также, «П.И. Юргенсон активно продвигал свои издания за границы Российской империи. Особенно прочные отношения он имел с Германией: в Лейпциге его комиссионером был Д. Ратер (выпускавший произведения русских авторов, прежде всего П.И. Чайковского), а также Р. Форберг. ... С 1897 г. фирма «П. Юргенсон» получила возможность не только продавать, но и издавать сочинения за границей [11, с. 290].

Еще одна характерная особенность в работе отечественных фирм: наличие или отсутствие собственной нотопечатни. Среди владельцев – немецкие предприниматели второй половины XVIII – начала и середины XIX вв.: Б. Брейткопф, И.К. Шнор, И.Д. Герстенберг, а также Ф.Т. Стелловский [13, с. 170-172]. С 1867 г. – П.И. Юргенсон, с 1871 г. – В.В. Бессель. Для справки, с 1869 г. В.В. Бессель являлся клиентом нотопечатни К.Г. Редера в Лейпциге, а каталог 1888 г., вообще, вышел в свет в типографии братьев Пантелеевых, каталог 1892 г. – в типографии Н.А. Лебедева в Петербурге. С ним, в частности, сотрудничала и «Юлий Генрих Циммерман».

В продолжение, М.И. Бернард в разные годы печатал свои каталоги в типографии Ю. Штауфа (И. Фишона), А.Б. Гутхейль – в университетской типографии М. Каткова. В провинции каталоги

«Восточной лиры» (Казань) обслуживала типография губернского правления и т. д. «А. Гутхейль» пользовалась услугами «М. Бернард» и гравёра нотных досок, нотопечатника С.П. Кондратьева, а «М.П. Беляев в Лейпциге» и «Российское музыкальное издательство» выпускали свои тиражи в нотной типографии К.Г. Редера, предоставлявшей услуги отменного качества. Производители могли обращаться за подобными услугами и к другим коммерсантам, число которых в пореформенной России было достаточно большим.

Специфической чертой нотопечательских фирм являлось производство и продажа музыкальных инструментов, в том числе, других торговых марок, как отечественных, так и зарубежных. В этом занятии особого успеха достигла «Юлий Герман Циммерман». Для наглядности отметим: ее «Иллюстрированный прейскурант» от 01 июля 1901 г. «содержит по обыкновению огромный ассортимент относящихся к музыке товаров, начиная с духовых, струнных и ударных инструментов собственного производства, гармоник и роялей, заканчивая дирижерскими палочками, пюпитрами, камертонами и нотной бумагой; в дополнение к инструментам предлагаются составленные для них новейшие сборники пьес и учебно-методические пособия, опубликованные в собственном издательстве Циммермана» [6, с. 49]. Фабрика по изготовлению музыкальных инструментов просуществовала до 1936 г, ею управлял старший сын – Август Циммерман, а издательство, отошедшее младшему сыну Вильгельму, существует и поныне, являясь одним из крупнейших в мире.

Изготовлением и продажей музыкальных инструментов занималась и фирма «Ф.И. Детлаф и Компания». Взаимосвязь этих двух предприятий очевидна, свою карьеру Федор Иванович Детлаф начинал как младший партнер «Ю.Г. Циммерман». Профессиональная стилистика этих предпринимателей имеет между собой много общего в подходах, принципах и методах ведения торгового дела, в акценте на собственной продукции и ее дальнейшем продвижении на отечественном и зарубежном рынках. Можно сказать, что в условиях жесткой конкуренции Ф.И. Детлафу удалось многое. В организации работы своей фабрики он руководствовался знаниями, полученными у Циммермана, а также приобретенным опытом по настройке пианино и роялей, что подразумевало доскональное знание всех тонкостей мастерства.

Популярности Детлафа способствовали и его оригинальные композиции в жанрах эстрадной музыки, профессиональная гибкость и чуткость.

В сравнение с другими торговыми марками, Циммерман и Детлаф демонстрировали полный цикл промышленного производства, что позволяло им выглядеть внушительно и многогранно. Другие же фирмы ограничивались лишь предоставлением торговых площадей для продажи музыкальных инструментов на договорных обязательствах с размещением рекламной информации в своих ежегодных прейскурантах.

И, пожалуй, одной из важнейших характеристик отечественного нотоиздательского дела являются векторы его новейшей истории, позволяющие оценить промышленный, торговый и творческий потенциал предприятий после 1917 г. Так, на основе «П. Юргенсон» (официально фирма прекратила свое существование в 1918 г.) при поддержке потомков великого предпринимателя – Бориса Петровича Юргенсона-младшего возник и успешно продолжил работу Музыкальный сектор Государственного издательства, ставший в 1930 г. Государственным музыкальным издательством (Музгиз), а уже в 1963 г. – издательством «Музыка». В 2004 г. по инициативе его генерального директора М.А. Зильберквита, спустя сто лет со дня смерти П.И. Юргенсона, знаменитое название вновь было возрождено на российском рынке при поддержке потомков великого предпринимателя – Бориса Петровича Юргенсона-младшего. На сегодняшний день оно «является также крупной книготорговой фирмой, представляющей в России продукцию ... зарубежных музыкальных издательств “Schott”, “C.F. Peters”, “Bärenreiter”, “Belaieff”, “Ricordi”, “Hal Leopard”, “Editio Musica Budapest” [1, с. 5].

Другие нотоиздательские предприятия, ушедшие из России незадолго или после октябрьской революции, продолжили свою свою деятельность в Западной Европе. Для сравнения: «Zimmermann», это сделало еще раньше, во второй половине XIX в. В настоящее время его офис находится во Франкфурте-на-Майне. «А. Гутхейль» было приобретено Сергеем и Наталией Кусевицкими («Российское музыкальное издательство») в 1914 г. после начала Первой мировой войны на волне откровенно негативных настроений по отношению к немецким предпринимателям. Как писала «Русская музыкальная газета» в 1914 г. в отзыве о международной книжной ярмарке в Лейпциге: «Теперь, по-видимому, рус-

ский отдел разгромлен, так как с главным комиссаром его гг. немцы обошлись вполне бесцеремонно» [5, с. 664].

С.А. Кусевицкий в условиях военного времени сохранил название торговой марки «А. Гутхейль», издав под ее именем в 1917 г. «Гадкого утенка» и «Два романса ор.9 Прокофьева, а в «Российском музыкальном издательстве Девять этюдов-картин ор. 39 Рахманинова». Вольман пишет: «Еще сильнее отразилась война на “Российском музыкальном издательстве”. Связь с Берлином была прервана, и Кусевицкому пришлось обратиться для печатания нот к московской нотопечатне В. Гроссе. Художественное оформление изданий стало скромнее, полиграфическое – ухудшилось. Однако эта нотопечатня, точно так же, как и московские музыкальные магазины Гутхейля, Бесселя, Зейванга, Эберля, Детлафа, Циммермана, принадлежавшие немцам или лицам с немецкими фамилиями, были разгромлены» [2, с. 155].

Оба предприятия в зарубежный период своей работы продолжали сохранять высокую деловую активность. В частности, «В. Гутхейль» выпускало многие сочинения С.С. Прокофьева, созданные в период 1918-1936 гг. Однако после продажи «Российского музыкального издательства» английской фирме «Boosey & Hawkes», прекратило свое существование. Для сравнения: «М.П. Беляев в Лепциге» в 1920 г. было переведено в Париж, но по мнению Вольмана, вышедшие «в 20-х годах ноты – главным образом перепечатки ранее изданных музыкальных произведений. <...> Издательство под фирмой М.П. Беляева продолжает существовать и в настоящее время в Бонне». Ее нынешнее название: «Belaieff» [2, с. 145].

В череде важнейших исторических событий, абсолютной духовной вершиной нотоиздательской деятельности является феномен меценатства и благотворительности. Имена П.И. Юргенсона, М.П. Беляева В.В. Бесселя и др. неразрывно связаны с художественными достижениями эпохи и воспринимаются как ее абсолютные символы. Актуальные идеи, цели и смыслы воплотились в реальные дела и проекты, соединились с конкретными цифрами и фактами, строгой финансовой отчетностью. Популяризация сочинений отечественных композиторов проходит в контексте масштабных социально-культурных преобразований и является неотъемлемой частью сотворческих диалогов: Чайковского и Юргенсона, Беляева и Скрябина, Беляева и Глазунова, Гутхейля и Рахманинова...

Именно в этих музыкальных «союзах» ощущается ключевая роль издателей. Модест Ильич Чайковский со свойственным ему подъемом, вспоминает: «Петр Иванович, всегда бодрый, веселый <...> отчаяннейший русский патриот, – сразу пришелся по душе, еще более пылавшему любовью к отчизне молодому профессору Московской Консерватории. <...> В настоящее время П.И. Юргенсон почти исключительно собственник сочинений Петра Ильича. Из двухсот тысяч гравированных досок, хранящихся в нескороаемой кладовой его самой крупной нотопечатни в России, семьдесят тысяч и даже несколько более, посвящены произведениям Чайковского» [9, с. 216].

О М.П. Беляеве принято говорить как об издатель-артисте, подвижнике и популяризаторе сочинений отечественных композиторов. «В движениях души и сердца» открывается другая грань нотоиздательского дела – материальная опека авторов, создание специальных фондов, премирование, анонимная помощь, устройство концертов и т.д. На сегодняшний день, в исследовательской практике деятельность «Беляевского кружка» рассматривается широко и всесторонне, с привлечением архивных и эпистолярных материалов самого различного содержания. И здесь можно обнаружить крайне интересные подробности.

Так, «повседневная жизнь беляевского кружка и его представителей в первой половине 90-х гг. XIX свидетельствует о наличии критических тенденций. Они выражались в состоянии неопределенности целей и идеалов, противопоставлении русской музыки европейским образцам с предпочтением последних, различного рода подражательных явлениях, а также в депрессии, пьянстве и т.д.» [8, с. 234].

Наблюдалось ли что-нибудь похожее в деятельности издательства «М.П. Беляев в Лейпциге», сказать трудно. Выпускаемые тиражи демонстрировали тщательную и продуманную работу технического персонала, а оформление – выдающееся художественное мастерство. Осно-

вательно и дорого выглядели даже каталоги нотопечатной продукции. Возможно, это было связано с работой редакционной коллегии, контролирующей весь цикл производства. По примеру своих выдающихся современников, организацией концертов занималось и издательство «Л. Идзиковский» в Киеве, на протяжении многих лет принимавшее у себя лучших представителей отечественной и зарубежной культуры. Подобные события во второй половине XIX – начале XX вв. очень часто носили благотворительный, явно просветительский характер.

Выводы. Таким образом, нотоиздательское дело в пореформенной России первую очередь связывается с ведущей ролью иностранных производителей, ставших неотъемлемой частью русского промышленного ландшафта. Высокие деловые стандарты, передаваемые из поколения в поколение, сформировали профессиональные традиции и неповторимый индивидуальный облик торговых предприятий.

Коммерческие успехи нотоиздательских фирм базировались на законах капиталистического производства. Объемы выпускаемой продукции, финансовые успехи и передовые технологии по удешевлению выпускаемых тиражей способствовали занятию ведущих отраслевых позиций и снижали риски конкурентной борьбы. Монополизация нотоиздательского дела шла по пути его централизации и распределения рынка сбыта между крупнейшими компаниями: «П. Юргенсон», «А. Гутхейль», «М.П. Беляев в Лейпциге» и др.

Духовной вершиной этого процесса явился феномен меценатства и благотворительности, который позволил по-другому взглянуть и оценить деятельность известных предпринимателей, подчеркнуть их вклад в развитие русского музыкального искусства. В перспективе совокупность этих составляющих может стать основой для дальнейшего изучения нотоиздательского дела как уникального явления отечественной культуры.

1. Баяхунова, Л. Б. Юбилей музыкального издательства «П. Юргенсон»: верность традициям и новый взгляд на творчество // Музыкальный Клондайк. – 2014. – №11 – 15 с.
2. Вольман, Б. Л. Русские нотные издания XIX – начала XX века [Текст] / Б. Л. Вольман. – Ленинград: «Музыка», 1970. – 215 с.
3. Воронина, Н. И. Звук – Музыка – Культура: пространственно-временная рефлексия // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25. – № 4 (91). – С. 114-120.

4. Кунин, Б. Е. Из истории нотопечатания. Краткий очерк [Текст] / Б. Е. Кунин. – М.: «Советский композитор», 1963. – 78 с.
5. Липаев, Ив. Нотное дело на всемирной книжной выставке // «Русская музыкальная газета». – 1914. – №32-33. – С. 664-671.
6. Ломтев, Д. Г. Механические музыкальные инструменты в ассортименте фирмы «Юлий Генрих Циммерман» // Научный вестник Московской консерватории. – 2021. – Т. 12. – №2. – С. 48-65.
7. Ломтев, Д. С. Немецкие музыканты в России: к истории возникновения русских консерваторий [Текст] / Д. С. Ломтев. – Москва: Прест, 1999. – 67 с.
8. Луконин, Д. Е. Повседневная жизнь беляевского кружка в первой половине 90-х гг. XIX века (по воспоминаниям участников) // История и историческая память. – Саратов: «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», 2010. – С. 214-234.
9. Чайковский, М. И. Жизнь Петра Ильича Чайковского [Текст] / М. И. Чайковский. – М.: Лейпциг, 1896. – Т. 1. – 1840-1877. – 537 с.
10. Чайковский, П. И., Юргенсон, П. И. Переписка: В 2-х т. – Т.1. 1866-1885 / Составление и научная редакция П.Е. Вайдман. – М.: П. Юргенсон, 2011. – 688 с.
11. Шабшаевич, Е. М. Антон Григорьевич Рубинштейн и его русские издатели // Обсерватория культуры. – 2021. – 8(3). – С. 284-298.
12. Шиндель, С. В. Феномен национальной идентичности, репрезентированный в пространстве визуальной коммуникации немцев Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. – 2023. – Т. 25. – № 2 (89). – С. 100-110.
13. Юргенсон, Б. П. Очерк истории нотопечатания [Текст] / Б. П. Юргенсон – Москва: Гос. изд-во. Музыкальный сектор, 1928. – 188 с.

**DOMESTIC MUSIC PUBLISHING BUSINESS
OF THE SECOND HALF OF THE XIX – EARLY XX CENTURIES:
CHARACTERISTICS AND FEATURES OF THE FUNCTIONING OF THE INDUSTRY**

© 2024 O.V. Radzetskaya

Olga V. Radzetskaya, Doctor of Art History, Professor

E-mail: olgabreman@yandex.ru

Russian State University named after A.N. Kosygin

Moscow, Russia

The article is devoted to the peculiarities of the development of the domestic music publishing business in the second half of the XIX – early XX centuries, the structure, organization and functioning of trade activities of large and small enterprises. Strategically important positions that create a holistic view of the mechanisms of obtaining material profit, effective ways of enlarging and optimizing printing production are identified, the system-forming factors influencing the process of individualization of its corporate identity are indicated.

These include: foreign entrepreneurs who headed a number of the largest Russian firms; commercial strategies aimed at monopolizing the market and strengthening its dynamics. An important addition to this context are: the presence or absence of its own music printing, the production and sale of musical instruments, accessories and related products, as well as the experience of patronage and charity, which has no analogues in world practice, allowing us to talk about the exceptional cultural status and phenomenon of domestic music publishing. The work of well-known trademarks after 1917 in Soviet Russia and abroad becomes a great information resource of the declared topic. The totality of the results obtained creates an idea of the various facets of this phenomenon in the space-time dynamics and perspective and forms additional opportunities for its study.

Key words: domestic music publishing, history, organization, commerce, charity, patronage

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-94-100

EDN: CJBOQK

1. Bajahunova, L. B. Jubilej muzykal'nogo izdatel'stva «P. Jurgenson»: vernost' tradicijam i novyj vzgljad na tvorchestvo (Anniversary of the music publishing house "P. Jurgenson": loyalty to traditions and a new look at creativity) // Muzykal'nyj Klondajk. – 2014. – №11. – 15 s.

2. Vol'man, B. L. Russkie notnye izdaniya XIX – nachala XX veka (Russian musical editions of the XIX – early XX century) [Tekst] / B. L. Vol'man. – Leningrad: «Muzyka», 1970. – 215 s.
3. Voronina, N. I. Zvuk – Muzyka – Kul'tura: prostranstvenno-vremennaja refleksija (Sound – Music – Culture: Space-time reflection) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2023. – T. 25. – № 4 (91). – S. 114-120.
4. Kunin, B. E. Iz istorii notopechatanija. Kratkij ocherk (From the history of noteprinting. A brief essay) [Tekst] / B. E. Kunin. – M.: «Sovetskij kompozitor», 1963. – 78 s.
5. Lipaev, Iv. Notnoe delo na vseмирnoj knizhnoj vystavke (Sheet Music at the World Book Fair) // «Russkaja muzykal'naja gazeta». – 1914. – №32-33. – S. 664-671.
6. Lomtev, D. G. Mehanicheskie muzykal'nye instrumenty v assortimente firmy «Julij Genrih Cimmerman» (Mechanical musical instruments in the assortment of the company "Julius Heinrich Zimmerman") // Nauchnyj vestnik Moskovskoj konservatorii. – 2021. – T. 12. – №2. – S. 48-65.
7. Lomtev, D. S. Nemeckie muzykanty v Rossii: k istorii vozniknovenija russkih konservatorij (German Musicians in Russia: towards the History of the Emergence of Russian Conservatories) [Tekst] / D. S. Lomtev. – Moskva: Prest, 1999. – 67 s.
8. Lukonin, D. E. Povsednevnaia zhizn' beljaevskogo kruzhka v pervoj polovine 90-h gg. XIX veka (po vospominanijam uchastnikov) (Everyday life of the Belyaevsky circle in the first half of the 90s of the XIX century (according to the memoirs of the participants)) // Istorija i istoricheskaja pamjat'. – Saratov: «Saratovskij nacional'nyj issledovatel'skij gosudarstvennyj universitet imeni N.G. Chernyshevskogo», 2010. – S. 214-234.
9. Chajkovskij, M. I. Zhizn' Petra Il'icha Chajkovskogo (The Life of Pyotr Ilyich Tchaikovsky) [Tekst] / M. I. Chajkovskij. – M.: Leypcig, 1896. – T. 1. – 1840-1877. – 537 s.
10. Chajkovskij, P. I., Jurgenson, P. I. Perepiska: V 2-h t. (Correspondence: In 2 vols.) – T.1. 1866-1885 / Sostavlenie i nauchnaja redakcija P.E. Vajdman. – M.: P. Jurgenson, 2011. – 688 s.
11. Shabshaevich, E. M. Anton Grigor'evich Rubinshtejn i ego russkie izdateli (Anton Grigoryevich Rubinstein and his Russian publishers) // Observatorija kul'tury. – 2021. – 8(3). – S. 284-298.
12. Shindel', S. V. Fenomen nacional'noj identichnosti, reprezentirovannyj v prostranstve vizual'noj kommunikacii nemcev Povolzh'ja (The phenomenon of national identity, represented in the space of visual communication of Volga Germans) // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Social'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. – 2023. – T. 25. – № 2 (89). – S. 100-110.
13. Jurgenson, B. P. Ocherk istorii notopechatanija (An essay on the history of noteprinting) [Tekst] / B. P. Jurgenson – Moskva: Gos. izd-vo. Muzykal'nyj sektor, 1928. – 188 s.

УДК 168.522: 75.04 (Гуманитарные науки. Культурология / Объекты художественного изображения.
Жанры живописи)

**ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
РОССИЙСКИХ ПРОМЫСЛОВ ЛАКОВОЙ МИНИАТЮРЫ
В СОВРЕМЕННОМ ДЕКОРАТИВНОМ ИСКУССТВЕ И ДИЗАЙНЕ**

© 2024 Е.Г. Столярова¹, А.В. Князева², А.В. Давыдов^{3,4}

*Столярова Елена Георгиевна, профессор, кандидат искусствоведения, доцент кафедры
архитектурно-строительной графики и изобразительного искусства*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7861-0162>

E-mail: st998707@mail.ru

Князева Анна Викторовна, доцент кафедры дизайна и декоративно-прикладного искусства

E-mail: a-nyute@yandex.ru

*Давыдов Алексей Владимирович, ³доцент кафедры издательского дела
и книгораспространения,*

³доцент кафедры теории и истории журналистики,

⁴доцент кафедры философии, истории и теории мировой культуры и искусства

E-mail: avd63ru@yandex.ru

¹Самарский государственный технический университет

²Самарский государственный институт культуры

³Самарский национальный исследовательский университет

имени академика С.П. Королева

⁴Самарский государственный социально-педагогический университет

Самара, Россия

Статья поступила в редакцию 11.09.2023

В данной статье рассматриваются российские промыслы лаковой миниатюрной живописи в контексте проявления их художественных особенностей в современном декоративно-прикладном искусстве и дизайн-проектировании. Цель авторов – выявление стилистических приемов российских лаков и анализ возможностей применения аутентичных характеристик народного искусства в авторском проектировании объектов дизайна и декоративного искусства. В статье представлено общее и частное в изобразительности и технологиях Федоскино, Палеха, Холуя и Мстеры. Определено, что Федоскино имеет художественные особенности реалистической масляной живописи, а Палех, Холуй и Мстера, сформированные на основе иконописи, приобрели черты условно-декоративного письма темперными красками. В статье перечислены конкретные художественные особенности каждого из заявленных промыслов лаковой миниатюры. Авторы приходят к выводу о том, что исконно русские традиции народной живописи имеют узнаваемые, сложившиеся десятилетиями традиции, что может представлять собой «художественный код» российской культуры. С использованием богатства художественной выразительности лаковой миниатюры нашей страны сформировалась возможность создавать современные произведения искусства с декодированием источника вдохновения в процессе проектирования новых изделий дизайна и прикладного творчества.

Ключевые слова: лаковая миниатюра России, декоративно-прикладное искусство, дизайн-проектирование

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-101-106

EDN: SKUIVQ

Введение. Российская культура богата традициями и народным художественным искусством. Изучая и систематизируя материал по народным промыслам нашей страны, мы можем говорить о художественной обработке дерева, металла, камня и других материалов. В частности, лаковая миниатюра России имеет сложившуюся си-

стему особенностей и единство художественных характеристик, имеющих российскую принадлежность. Изучение композиционных приемов лаковой миниатюры позволит деятелям современного декоративного и проектного искусства использовать стилизацию и трансформацию художественных и композиционных приемов в

собственной творческой деятельности, сохраняя принадлежность к коду российской культуры. Под российским кодом искусства в данном случае понимается узнаваемость художественных приемов российских лаков в изделиях дизайна и декоративно-прикладного искусства.

Методы исследования. В процессе работы были использованы теоретические методы научного исследования: обзорный анализ произведений лаковой миниатюры России; методом синтеза выявлено общее в характеристиках того или иного промысла; обобщение исследовательского материала позволило определить возможность практического применения теоретических положений, представленных в статье.

История вопроса. Композицией принято называть законченное художественное произведение, где все элементы соподчинены друг другу, присутствует доминанта и определенное решение концепции образа через приемы статики или динамики, сложного ритма или простого, симметрии или асимметрии, а также гармоничной цветовой гаммы. Это наиболее общие представления о композиции, но, описывая художественные особенности промыслов лаковой миниатюры, нельзя не обозначить их отличительные характеристики.

Результаты исследования. Самым ранним промыслом лаковой миниатюры явилось Федоскино. Палех, Мстера и Холуй использовали temperные краски, тогда как в Федоскино мастера писали маслом, что позволяло делать изображение более объемным и реалистичным. Масляная техника живописи дает художнику больше времени для проработки цветовых растяжек и передачи свето-воздушной перспективы. Эта техника позволяла передавать портретное сходство, глубину пейзажного изображения, реалистичность сюжетной росписи. Композиция федоскинской миниатюры обладает законченностью и замкнутостью художественного решения. Перспектива строится на передаче глубинности изображения и чередовании планов.

Любимыми мотивами федоскинцев можно назвать сцены из русской бытовой жизни, чаепития, народные гуляния, скачки на тройках лошадей. Часто можно встретить ларцы, футляры и шкатулки, украшенные многофигурными композициями, копиями с картин западноевропейских или русских художников с реалистическими трактовками сюжета.

Федоскино продолжало развиваться и в послевоенные годы. Здесь не могла не отразиться тематика вдохновенного порыва людей строить мирное будущее. Многофигурные композиции построены по законам ритма и целостности живописного решения. Соединение разномасштабных изображений позволяет отделять главное в сюжете от второстепенного. Важным становится идея, а не правдоподобность картинки. Работы звучат более декоративно и условно в своей трактовке.

Федоскинские миниатюры выделялись очень сложной по рисунку и колориту тонкой декоративной росписью. В их живописи сложились самобытные темы и декоративные приемы, которые характеризуют народное искусство, они отличаются своеобразием и условностью в трактовке изображений, яркими, выразительными красками и использованием в лаке черного цвета [5].

Современное Федоскино изобилует темами сказок или картинами среднерусского пейзажа, часто используется поталь, на которой и пишется картинка, что придает особую нарядность изображению. Поэтические изображения персонажей или сюжетов классической отечественной литературы, отражение народных традиций, красоты национальной самобытности отличают искусство актуальной федоскинской лаковой миниатюры.

Композиция лаковой миниатюры Палеха берет свое начало от иконописи и напоминает изначально житийные иконы. Вековой практикой древних иконописцев была выработана последовательность процесса писания миниатюры [7, с. 14].

Особые характеристики приобретает цветовая гамма того или иного промысла миниатюрной лаковой живописи. Многоцветные Палех и Холуй пишутся на черном или темном цветном фоне, Мстера на светлом. Это их принципиальные различия, которые помогают отличить один промысел от другого. Цветовая гамма в целом строится в соответствии с пропорциями отношений основных пятен к фону. В иконописи условно-декоративное композиционное и цветное решение не передавало свето-воздушную перспективу, фигуры не имели собственные и падающие тени, предлагалась композиционная «плановость» изображения. Художественный

образ стилистически трактовался с помощью линейной формы и единства красочных пятен.

Разбирая особенности отдельных российских промыслов лаковой миниатюры, можно определить, что в палехской живописи присутствует условность и символичность образов, пришедших из иконописи, что характеризовалось удлинёнными пропорциями фигур человека, условностью интерпретации элементов пейзажа (горы, деревья, волн) и архитектурных сооружений. В то же время роспись представляла собой одновременно светское искусство, не идентичное канонам иконописи. Подобный прием росписи использовался для декора утилитарных вещей в Палехе. Этот промысел выработал свои уникальные композиционные и живописные способы передачи содержания изображения, в которых отображаются сюжеты бытовой жизни, иллюстрации сказок и былин. Используя технику и технологию лаковой миниатюры, художники Палеха чаще всего обращались к передаче реальной жизни, иногда переплетая ее с фантастическим художественным вымыслом, рисуя придуманные здания и вычурные природные формы. На палехских шкатулках изображали и сюжеты советской жизни народа, поднимающие дух патриотизма и гордости за свою родину. В художественном и изобразительном планах для палехских произведений характерна декоративность и условность изображения, плоский локальный цвет, плановость изображения, обильная обводка золотой краской. Чаще всего это сюжетные многофигурные композиции с яркой цветовой гаммой на черном фоне.

Миниатюры Мстеры и Холуя отличаются от палехских лаковых изделий тем, что черный цвет фона в их композициях обычно не участвует, в художественных решениях в меньшей мере присутствуют элементы условности, фигуры людей делаются обычно более мелким планом, в изображении уделяется больше внимания проработке пейзажа. Композиция обычно оформляется тонко прописанным золотым орнаментом.

Холуй очень сходен с Палехом по художественным приемам. Иногда трудно отличить одну роспись от другой. В целом в Холуе дается более крупное изображение, пейзаж приближается к зрителю, меньше используется изображение людей. Пропорции фигур удлинённые, как и в Палехе, но силуэты мягче и объемней, что больше сближает со светской живописью. Часто и в том и в другом промысле используется черный фон, но Холуй более живописен, насыщен

темными оттенками красного, зеленого, коричневого и синих цветов. Присутствуют контрасты теплых и холодных сочетаний в колористической гамме. В сюжетной линии чаще всего в Холуе встречаются исторические, фольклорные и литературные образы. Однако, несмотря на устоявшиеся приемы письма, художники свободно варьировали способы изображения. Палех и Холуй лаконичны в рисунке. Главное сюжетное событие разворачивается на переднем плане, как бы придвинуто к зрителю, крупные фигуры людей являются основными организующими цветовыми пятнами.

Мстера как лаковая миниатюра имеет свои отличительные характеристики, и самая главная ее особенность – яркость живописи. Секрет этого эффекта заключается в том, что художественная роспись наносилась на белый фон, что делало все цвета звонче и активней по живописному эффекту. Мстеру всегда можно отличить по четко читаемому прямоугольнику или кругу на крышке расписанной шкатулки. Часто использовались чисто цветочные мотивы.

В мстерской сюжетной росписи наиболее подробно разворачивается событие, поэтому главные мизансцены здесь как бы уравновешены со второстепенными, что достигается размерной одинаковостью фигур человека. В Мстере встречаются и натюрморты, и портреты значимых людей. В росписи мы можем видеть отдельно живописные пейзажи, а также сюжеты сказок и былин. Художники часто обращаются к фольклорным жанрам.

Во всех вышеперечисленных промыслах тонкий золотистый орнамент окаймляет роспись, придавая особую запоминающуюся прелесть произведениям российских народных художественных лаков.

Сходство и различие российских художественных лаков Федоскино, Палеха, Холуя, Мстеры строятся на принципах образного решения композиции, особенностях рисунка, цветового изображения и технике живописи. Каждый из перечисленных центров имеет свои традиции, собственные характеристики, продиктованные творческими принципами и мерой выразительных средств.

Изучение композиционных особенностей российских промыслов лаковой миниатюры позволяет теоретически и практически создать набор изобразительных приемов и средств выразительности, имеющих исключительную принадлежность к российской культуре. Стилизация

под промыслы лаковой миниатюры расширяет спектр художественных средств развития современного декоративного искусства и дизайна. Российская народная культура богата широким спектром аутентичных, уникальных приемов изобразительного и прикладного искусства, что делает произведения искусства и художественного проектирования в этом контексте особенно ценным и интересным.

Современные художники и дизайнеры активно используют традиционную народную культуру в своих проектах, подтверждая вышеизложенную концепцию авторов статьи. Примером могут послужить изделия часового дома «Часы Палех» Palekh Watch, оригинальный дизайн которых создан русскими мастерами художниками-миниатюристами из села Палех. Предприятие было основано Анной Нестеровой в 2020 г. Изделия представляют собой эксклюзивные часы со швейцарским механизмом, стальным корпусом с позолоченным покрытием. Циферблат расписывается вручную, при этом применяется традиционная техника темперной миниатюрной живописи. Авторы бренда именно на технике выполнения росписи делают акцент, подтверждая основную идею: «Каждый циферблат несет на себе образец подлинной палехской росписи, выполняемой художниками из села Палех. 400-летние традиции продолжают жить в красивых и миниатюрных современных часах. Часы расписываются и собираются вручную, что является особой гордостью часового дома. На изделиях можно увидеть номер картины, год создания и фамилию автора. Каждая пара существует в единственном экземпляре» [10]. В настоящее время разработано семь коллекций часов: «Регионы России», «День/Ночь», «Сказки», «Новогодняя коллекция», «Летний сад», «Балет» и «Орнамент». В разработке дизайна заняты художники В.С. Чибисова, Н.В. Корнилова, Н.В. Чапарина, М.В. Смирнов, С.П. Гаврилов и др. Все они являются членами Объединения художников Палеха.

Как видим, был найден один из вариантов сохранения традиций палехской миниатюрной живописи и современной их презентации в таком утилитарном объекте, как наручные часы.

Еще одним ярким примером современного применения миниатюрной живописи является творчество Светланы Беловой [11]. Несколько лет назад она основала школу миниатюрной живописи на камне. В качестве исходного мате-

риала художница выбирает натуральные камни, как правило, черного цвета – черный базальт, агат, обсидиан. Сама Светлана более двадцати лет являлась художником на федоскинской фабрике лаковой миниатюры. Но в начале 2000-х гг. попробовала перенести технику федоскинской миниатюрной живописи со шкатулок из папье-маше на кулоны из камня. По ее словам, сначала это было хобби и возможность сделать уникальный подарок близким. Постепенно количество новых работ увеличилось и появилась необходимость открыть авторскую школу. На сегодняшний день существует и онлайн-школа, где желающие могут приобщиться к новому явлению в современном декоративном искусстве. В 2018 г. в Москве прошла выставка «Вдохновение на черном», являвшаяся итогом конкурса украшений с лаковой миниатюрной живописью на камне. В ней приняли участие в том числе ученицы С. Беловой, а также другие художники – мастера миниатюрной живописи – всего около 50. Но следует отметить, что работы у некоторых посетителей выставки, а также исследователей декоративно-прикладного искусства, вызвали неоднозначную реакцию. Было озвучено мнение, что роспись как бы «убивает» камень, имеющий природную красоту. Но сами художники опровергают это мнение, указывая на то, что в основу берется камень практически без природного рисунка, роспись будет только его подчеркивать.

Отметим также еще одно событие: в октябре 2022 г. в залах Всероссийского музея декоративного искусства открылась выставка «Новый взгляд. Русская лаковая миниатюра», на которой были представлены работы молодых художников-миниатюристов, представителей всех российских промысловых центров лаковой миниатюры, безусловных мастеров в этом виде декоративно-прикладного искусства. Заметно, что авторы стараются бережно сохранять технику миниатюрного письма, но ищут новые приемы и материалы, а также новые образы, переосмысливая события и явления действительности.

Выводы. Современный этап развития миниатюрной лаковой живописи подтверждает ее актуальность, широкие возможности применения, новые трактовки и необычные эксперименты. При этом остается тенденция сохранения многовекового опыта мастеров, внимательного отно-

шения к применяемым материалам и техникам в целом.

Обращаясь к традиции и приобретая новые особенности, лаковая миниатюра России сохраняет узнаваемость и возможность определить принадлежность к народной культуре нашей страны. Одновременно с сохранением художественных лаков как промыслов у художников и

дизайнеров присутствует возможность стилизации и трансформации узнаваемых художественных приемов и кодов в авторских произведениях искусства или объектов дизайна. Знание этих особенностей позволяет грамотно применять изобразительные возможности аутентичных характеристик в современных произведениях искусств.

1. Беловодова, С. Вдохновение на черном. Каталог / С. Беловодова. – Подольск, 2018. – 66 с.
2. Бутов, А. Ю., Салтанов, М. А. Федоскинская лаковая миниатюра – старейший лаковый промысел России/Традиционное прикладное искусство: история современное состояние и перспективы развития. Традиционное прикладное искусство в современном мире [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fedoskinskaya-lakovaya-miniaturyura-stareyshiy-lakovyiy-traditsionnyy-promysel-rossii> (дата обращения 20.08.2023).
3. Денисов, Ю. Н. Секреты старых мастеров. Федоскино./ Ю.Н.Денисов. – М.: АО «Московские учебники и Картолитография», 2003. – 79 с.
4. Жижина, С. Г. Искусство лаковой миниатюры. Восток, Запад, Россия. Из собрания Государственного Исторического музея / С.Г.Жижина. – М.: «Интербук-бизнес», 2010. – 215 с.
5. История лаковой миниатюрной живописи [Электронный ресурс]. – URL: http://studbooks.net/544115/kulturologiya/istoricheskaya_hudozhestvennaya_baza_sozdaniya_proekta_rossijskogo_shkatulki_tehnika_lakovoy_miniaturnoy_zhivopisi (дата обращения 30.07.2023).
6. Каморин, А. А. Шедевры народного искусства России. Лаковая миниатюра. Холуй. Альбом 2-е издание, исправленное и дополненное / А.А.Каморин. – М.: «Интербук-бизнес», 2001. – 151 с.
7. Клименко, А. Д. Искусство лаковой миниатюры // А.Д. Клименко. – Пермь, 2017. – 98 с.
8. Крестовская, Н. О. Шедевры народного искусства России. Лаковая миниатюра. Федоскино. Альбом / Н.О. Крестовская. – М.: «Интербук», 1995. – 142 с.
9. Пирогова, Л. Л. Русская лаковая миниатюра. Традиции и современность. Каталог / Л.Л. Пирогова, В.Г. Кочеткова, М.И. Лукина. – М., 2018- 307 с.
10. Часовой дом Palekh Watch [Электронный ресурс]. – URL: <https://palekhwatch.ru/> (дата обращения 01.08.2023).
11. Школа миниатюрной живописи на камне Светланы Беловодовой [Электронный ресурс]. – URL: <https://sbelovodova-online.ru/> (дата обращения 20.07.2023).

ARTISTIC FEATURES OF RUSSIAN VACQUERY MINIATURE CRAFTS IN MODERN DECORATIVE ARTS AND DESIGN

© 2024 E.G. Stolyarova¹, A.V. Knyazeva², A.V. Davydov^{3,4}

*Elena G. Stolyarova, Professor, PhD in Art History, Associate Professor of The Department
of Architectural and Construction Graphics and Fine Arts*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7861-0162>

E-mail: st998707@mail.ru

Anna V. Knyazeva, Associate Professor, Department of Design and Decorative and Applied Arts

E-mail: a-nyute@yandex.ru

*Alexey V. Davydov, Associate Professor of The Department of Publishing
and Book Distribution,*

³Associate Professor, Department of Theory and History of Journalism,

⁴Associate Professor, Department of Philosophy, History and Theory of World Culture and Art

E-mail: avd63ru@yandex.ru

¹Samara State Technical University

²Samara State Institute of Culture

³Samara National Research University

⁴Samara State University of Social Sciences and Education
Samara, Russia

This article examines the Russian crafts of lacquer miniature painting in the context of the manifestation of their artistic features in modern decorative and applied arts and design. The authors' goal is to identify stylistic techniques of Russian varnishes and analyze the possibilities of using authentic characteristics of folk art in the author's design of design objects and decorative arts. The article presents the general and specific in the visual arts and technologies of Fedoskino, Palekh, Kholuy and Mstera. It has been determined that Fedoskino has the artistic features of realistic oil painting, and Palekh, Kholui and Mstera, formed on the basis of icon painting, acquired the features of conventionally decorative painting with tempera paints. The article lists the specific artistic features of each of the declared crafts of lacquer miniatures. The authors come to the conclusion that the original Russian traditions of folk painting have recognizable traditions that have developed over decades, which may represent an "artistic code" of Russian culture. Using the wealth of artistic expressiveness of lacquer miniatures in our country, the opportunity has been formed to create modern works of art with decoding the source of inspiration in the process of designing new products of design and applied creativity.

Keywords: Russian lacquer miniatures, decorative and applied arts, design

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-101-106

EDN: CKUIVQ

1. Belovodova, S. Vdokhnovenie na chernom. Katalog (Inspiration on black. Catalog) / S. Belovodova. – Podol'sk, 2018. – 66 s.
2. Butov, A. Iu., Saltanov, M. A. Fedoskinskaia lakovaia miniatiura – stareishii lakovyi promysel Rossii (Fedoskino lacquer miniature - the oldest lacquer craft in Russia) / Traditsionnoe prikladnoe iskusstvo: istoriia sovremennoe sostoianie i perspektivy razvitiia. Traditsionnoe prikladnoe iskusstvo v sovremennom mire [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fedoskinskaya-lakovaya-miniatiura-stareyshiy-lakovyy-traditsionnyy-promysel-rossii> (data obrashcheniia 20.08.2023).
3. Denisov, Iu. N. Sekrety starykh masterov. Fedoskino (Secrets of the old masters. Fedoskino) / Iu.N. Denisov. – M.: AO «Moskovskie uchebniki i Kartolitografiia», 2003. – 79 s.
4. Zhizhina, S. G. Iskusstvo lakovoi miniatiury. Vostok, Zapad, Rossiia. Iz sobraniia Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (The art of lacquer miniatures. East, West, Russia. From the collection of the State Historical Museum) / S.G.Zhizhina. – M.: «Interbuk-biznes», 2010. – 215 s.
5. Istoriia lakovoi miniatiurnoi zhivopisi (History of lacquer miniature painting) [Elektronnyi resurs]. – URL: http://studbooks.net/544115/kulturologiya/istoricheskaya_hudozhestvennaya_baza_sozdaniya_proekta_ropisi_shkatulki_tehnike_lakovoy_miniaturnoy_zhivopisi (data obrashcheniia 30.07.2023).
6. Kamorin, A. A. Shedevry narodnogo iskusstva Rossii. Lakovaia miniatiura. Kholui. Al'bom 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolnennoe (Masterpieces of Russian folk art. Lacquer miniature. Kholui. Album 2nd edition, corrected and expanded) / A.A.Kamorin. – M.: «Interbuk-biznes», 2001. – 151 s.
7. Klimenko, A. D. Iskusstvo lakovoi miniatiury (The art of lacquer miniatures) // A.D. Klimenko. – Perm', 2017. – 98 s.
8. Krestovskaia, N. O. Shedevry narodnogo iskusstva Rossii. Lakovaia miniatiura. Fedoskino. Al'bom (Masterpieces of Russian folk art. Lacquer miniature. Fedoskino. Album) / N.O. Krestovskaia. – M.: «Interbuk», 1995. – 142 s.
9. Pirogova, L. L. Russkaia lakovaia miniatiura. Traditsii i sovremennost'. Katalog (Russian lacquer miniature. Tradition and modernity. Catalog) / L.L. Pirogova, V.G. Kochetkova, M.I. Lukina. – M., 2018. – 307 s.
10. Chasovoi dom Palekh Watch (Palekh Watch House) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://palekhwatch.ru/> (data obrashcheniia 01.08.2023).
11. Shkola miniatiurnoi zhivopisi na kamne Svetlany Belovodovoi (School of miniature painting on stone by Svetlana Belovodova) [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://sbelovodova-online.ru/> (data obrashcheniia 20.07.2023).

УДК 78.087.68:168.522 (Вокальные произведения для хора / Гуманитарные науки.
Культурология)

КОРАНИЧЕСКИЕ ТЕКСТЫ В ХОРОВЫХ СОЧИНЕНИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ТАТАРСКИХ КОМПОЗИТОРОВ

© 2024 Н.В. Шириева

*Шириева Надежда Велеровна, кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой хорового дирижирования*

E-mail: taha1978@mail.ru

Казанская государственная консерватория им. Н.Г. Жиганова

Казань, Россия

Статья поступила в редакцию 11.12.2023

Цель данной работы – сконцентрировать взгляд читателя на хоровых сочинениях татарских композиторов, показать, что создание этих произведений было инспирировано непосредственно религиозной идеей, и эта идея проявилась на уровне использования коранических текстов. Материалом исследования послужило отчасти творчество С. Габяши, который в хоровом цикле «Ике заман» (1925) впервые в истории татарской музыки воспроизвел призыв на молитву «Аллаху акбар»; Ш. Шарифуллина, который, обращаясь к кораническому тексту, использовал первые шесть аятов (стихов) из 36-й суры «Йа-син в пятой части «Эфсен» («Заклинание») хорового концерта «Мунаджаты»), Р. Калимуллина («Ходай каршында без сынаулы» («Перед Господом мы в ответе»), «Элвидаг» («Прощай»), М. Шамсутдиновой (кантата «О, Эдэм балалары»), С. Зорюковой («Ялвару» («Мольба») для хора, альтовой флейты, контрабаса, препарированного рояля и ударных). Автор статьи приходит к выводу, что обращение к кораническим текстам современных татарских композиторов не только обусловлено желанием приобщиться к мусульманской духовной этике, но и осмыслить свое прошлое из настоящего, тем самым намечая соответствующий вектор музыкального развития в будущее.

Ключевые слова: Коран, аяты, таджвид, хоровой цикл, хоровой концерт, хоровая миниатюра, Ш. Шарифуллина, Р. Калимуллина, М. Шамсутдинова, С. Зорюкова

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-107-113

EDN: CMJJVK

Введение. Развитие современного музыкального искусства Татарстана находится в русле актуальных социальных тенденций. Одной из них стало «восстановление в национальном сознании традиций мусульманской культуры, которые освободились от длительного официального идеологического давления» [3, с. 1]. Реабилитация ислама и связанное с этим процессом возрождение интереса к духовному наследию священных книг Корана и Сунны спровоцировало обращение татарских композиторов к сакральным мусульманским текстам.

Нужно оговориться, что музыкальное искусство в исламской культуре занимает сложное положение. Существует две точки зрения, сложившихся в мусульманстве по отношению к музыкальному искусству. Ортодоксальное духовенство воспринимает музыку негативно. Последователи же суфийских братств считают музыку частью своего религиозного культа, тем самым легитимизируя ее присутствие в духовной жизни мусульман. Изучение различных позиций касательно музыки исламских мыслителей

и богословов позволило сделать вывод о том, что отношение к музыке опосредуется морально-этическими нормами мусульманской культуры: греховной является та музыка, которая создана для развлечений, отвлекающих правоверного от праведной жизни.

История вопроса. Интерес исследователей к татарской хоровой музыке способствовал появлению множества научных изысканий. К ней обращались такие исследователи, как. Р.М. Шарипова [8], А. Н. Хасанова [7], Г. Н. Акбарова [1; 2], В. Д. Булгаков [4] Е. В. Коврикова и Н. Х. Нургаянова [5], М. П. Файзуллаева и Э. Ш. Галиуллина [6] и другие.

Настоящая работа имеет целью обратить внимание читателя на хоровые сочинения татарских композиторов – на произведения, создание которых было инспирировано непосредственно религиозной идеей и в которых эта идея проявилась на уровне использования коранических текстов.

Методы исследования. В статье использованы метод структурного анализа, выявляющий

элементы музыкального языка, которые наиболее адекватно отражают специфику исламской традиции чтения Корана; метод семантического анализа, потребовавшийся для установления специфических интонационных и ритмических формул мусульманских молитв, включаемых в авторский текст; метод целостного анализа, позволивший увидеть в сочинении духовно-концертных композиций один из важнейших векторов развития современной татарской хоровой музыки.

Результаты исследования. В силу того что татарская культура неразрывно связана с исламской, особенности отношения татар к разным явлениям искусства также было регламентировано догматами религии. Однако уже на старте

татарской профессиональной музыки, в 20-е годы прошлого столетия, мы можем увидеть обращение композиторов к религиозным текстам. Так, композитор С. Габяши в хоровом цикле «Ике заман» (1925) в части под названием «Кичке азан» («Вечерний азан») впервые в истории татарской музыки в партии тенора соло воспроизвел призыв на молитву «Аллаху акбар» (Аллах велик – *здесь и далее перевод автора*).

Лишь спустя десятилетия после С. Габяши композитор Ш. Шарифуллин вновь обратился к кораническому тексту, используя первые шесть аятов (стихов) из 36-й суры «Йа-син в пятой части «Эфсен» («Заклинание») хорового концерта «Мунаджаты». В переводе на русский язык эти аяты звучат так:

Йа. Син. Клянусь мудрым Кораном!
Воистину, ты - один из посланников
На прямом пути.
Он ниспослан Могущественным, Милосердным,
Чтобы ты предостерег людей, отцов которых никто не предостерег, из-за чего они оставались
беспечными невеждами.

Открывается «Эфсен» формулой зикра (поминание Всевышнего Аллаха) «Әгүзү билләхи минә шәйтани рражим. Бисмилләһир рахмәнир рахим» («Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана. Во имя Аллаха Милостивого и

Милосердного») в партии басов. Это молитва, которой мусульмане предваряют чтение Корана и совершение любого дела, содержит просьбу защитить их от происков Шайтана и всяческого зла (Пример 1).

Пример 1. Ш. Шарифуллин «Эфсен»

Композитор организует ритмическое движение первого мотива, следуя нормам таджвида (Таджвид – правило орфоэпического чтения Корана, которое «предусматривает регулирование целого ряда параметров звучащего текста, среди которых можно выделить артикуляцию (произнесение отдельных слов, букв и знаков), длительность букв, слогов и слов, уместность и точность пауз, фразовых и смысловых ударений» [7, с. 44]). В дальнейшем, как пишет А.Н.

Хасанова, «в партитуре сочинения можно встретить разные варианты ритмического оформления рассматриваемых нами молитвенных строк: все они имеют чуть большее или меньшее количество расхождений с долготной схемой, определяемой *таджвидом*, и связаны в первую очередь с выравниванием протяжённости долгих и коротких слогов...» [7, с. 47]. Композиционно часть решена в сонорной технике, выбор которой сам композитор обуславливал

намерением «создать своеобразный звуковой, сонорный эффект огромной толпы людей, читающих вслух эту суру в большой и просторной, гулкой мечети» [9, с. 94].

Ш. Шарифуллин, с целью передать коллективное моление, внедряет в звучание *divisi* голосов, деля каждую партию на три. Голоса вступают поочередно от басов к сопрано посредством канонических имитаций. Постепенно

разрастаясь, двенадцатиголосная звучность, каждый голос которой является самостоятельным по мелодическому рисунку, достигает кульминации, образуя по вертикали кластер, а полифоническая фактура уступает место аккордовой. Здесь все партии в одном ритме, как бы утверждая, произносят начальную истиазу (мусульманская молитва, мольба к Аллаху о защите и покровительстве) (Пример 2).

Пример 2. Ш. Шарифуллин «Эфсен»

За опытом обращения к кораническим текстам Ш. Шарифуллина последовало молодое

поколение композиторов. Одним из ярких примеров может служить хоровая миниатюра для

женского хора Р. Калимуллина «Ходай каршында без сынаулы» («Перед Господом мы в ответе») (1995) написанная на слова Н. Тарзема-нова. Хоровое звучание так же, как и у Ш.

Шарифуллина, предваряется распевом молитвы «Әгүзү билләхи минә шәйтани рражим», однако звучит монодийно у меццо-сопрано соло (Пример 3).

Пример 3. Р. Калимуллин «Ходай каршында без сынаулы»

Лишь после слов молитвы в партии солистки появляются поэтические строки Н. Тарзема-нова. Хоровая фактура представляет собой

вокализируемую подголосочно-полифоническую ткань, служащую тембровым фоном для диалога двух женских голосов (Пример 4).

Пример 4. Р. Калимуллин «Ходай каршында без сынаулы»

Еще одним сочинением Р. Калимуллина для хора а cappella, написанным на текст из священной книги мусульман, является «Әлвидаг» («Прощай»). В основу хоровой миниатюры лег текст молитвы (зикра) «Аль-уадаг», читаемой в месяц Рамадан.

Сочинение открывает соло сопрано со словами «әлвидагу, әлвидагу, шәһрирәхмәт,

әлвидаг» – «прощай, месяц благодати, до свидания» (Пример 5).

Для сочинения характерным является прием формирования музыкальной фактуры из полифонизированных горизонтальных мелодических линий. Восточный (арабский) колорит создает попевка, в основе которой лежит второй тетрахорд гармонического минора (Пример 6).

Пример 5. Р. Калимуллин «Элвидаг»

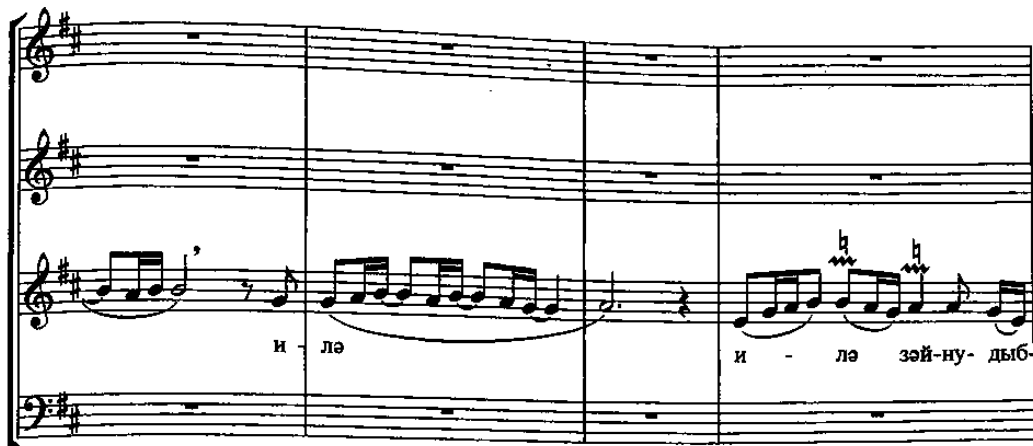
Пример 6. Р. Калимуллин «Элвидаг»

В процессе развития музыкальной ткани этот мелодический сегмент транспонируется, передается в разные партии, усиливается дублировками и инкрустируется в вертикали терцового и нетерцового строения.

«Элвидаг» содержит основные типы интонирования коранических текстов – псалмодирование и импровизационное орнаментированное вокализирование (Пример 7).

Пример 7. Р. Калимуллин «Элвидаг»

Такбир (возвеличивание Аллаха в исламе) «Аллаху акбар» вслед за С. Габяши использует композитор М. Шамсутдинова в начале кантаты «О, Эдэм балалары» («О, дети Адама») (1993). Поручая звучание тембрам мужских голосов, поющих в унисон, композитор применяет для напева традиционную для мусульман ритмоформулу с более протяженным по звучанию слогом «ла» с слове «Аллаху» (Пример 8).

Еще одним сочинением, содержащим обращение к Всевышнему «Бисмиллә», стало произведение С. Зорюковой «Ялвару» («Мольба») для хора, альтовой флейты, контрабаса, препарированного рояля и ударных. Идущая «из глубин души» сакральность слов подчеркивается приемом *Sprechstimme* у хора (Пример 9), переходя затем в орнаментированное пение (Пример 10).

Пример 8. М. Шамсутдинова кантата «О, Эдэм балалары»

Пример 9. С. Зорюкова «Ялвару» (1)

Пример 10. С. Зорюкова «Ялвару» (2)

Выводы. Анализ написанных хоровых сочинений татарских композиторов позволил подчеркнуть особую роль священной книги мусульман в музыкальной культуре республики. Обращение к кораническим текстам, на наш взгляд,

не только обусловлено желанием композиторов приникнуть к источнику исламской духовной этики, но и осмыслить свое прошлое из настоящего, тем самым прочертив путь в будущее.

1. Акбарова, Г. Н. Духовные произведения композиторов Татарстана: новая жизнь традиции // Искусство, наука, практика. – 2022. – №37. – С. 66–75.
2. Акбарова, Г. Н. Современные духовные сочинения композиторов Татарстана как отражение духовной культуры татарского народа // Культура в евразийском пространстве: традиции и новации. – 2022. – №6. – С. 4–10.
3. Бордовская, Л. З. Традиции суфизма в татарской музыке: автореф. ... канд. иск. (17.00.02). – Казань, 2004. – 23с.
4. Булгаков, В. Д. Хоровая музыка татарских композиторов: этапы развития, жанровый обзор, проблемы роста // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2012. – № 20. – С. 206–210.
5. Коврикова, Е. В., Нургаянова Н. Х. Творчество современных татарских композиторов на основе этномызыкальных традиций народов Поволжья // Культура и искусство. – 2017. – №11. – С. 56–64.
6. Файзуллаева, М. П., Галиуллина Э. Ш. Хоровые произведения Шамиля Шарифуллина как импульс к развитию профессиональной хоровой музыки в Татарстане // Манускрипт. – 2022. – Том 15, вып. 2. – С. 71–74.
7. Хасанова, А. Н. С. Габяши и традиции чтения молитв в музыке композиторов Татарстана // Музыка. Искусство, наука, практика. – 2019. – №2(26). – С. 42–53.
8. Шарипова, Р. М. Татарская хоровая культура XX века: история развития, композиторское творчество: дисс...канд. иск. (17.00.02). – Казань, 2011. – 306 с.
9. Шарифуллин, Ш. К. Комментарии [к нотному изданию] // Хоровые концерты: Мунаджаты. Деревенские напевы. – Казань: Татар.кн. изд-во, 2003. – С. 93–95.

QURANIC TEXTS IN CHORAL WORKS MODERN TATAR COMPOSERS

© 2024 N.V. Shirieva

*Nadezhda V. Shirieva, PhD in Art History, Associate Professor,
Head of the Department of Choral Conducting*

E-mail: taha1978@mail.ru

*Kazan State Conservatory named after N.G. Zhiganov
Kazan, Russia*

The purpose of this work is to concentrate the reader's gaze on the choral works of Tatar composers, to show that the creation of these works was inspired directly by a religious idea, and this idea manifested itself at the level of the use of Koranic texts. The research material was partly the work of S. Gabyasha, as well as works by Sh. Sharifullin, R. Kalimullin, M. Shamsutdinova, S. Zoryukova for choir, alto flute, double bass, prepared piano and percussion. The author of the article comes to the conclusion that the appeal to the Koranic texts of modern Tatar composers is not only due to the desire to join Muslim spiritual ethics, but also to comprehend their past from the present, thereby outlining the appropriate vector of musical development into the future.

Key words: Koran, verses, Tajwid, choral cycle, choral concert, choral miniature, Sh. Sharifullina, R. Kalimullina, M. Shamsutdinova, S. Zoryukova

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-107-113

EDN: CMJJVK

1. Akbarova, G. N. Dukhovnye proizvedeniia kompozitorov Tatarstana: novaia zhizn' traditsii (Spiritual works of composers of Tatarstan: new life of tradition) // *Iskusstvo, nauka, praktika*. – 2022. – №37. – S. 66–75.
2. Akbarova, G. N. Sovremennye dukhovnye sochineniia kompozitorov Tatarstana kak otrazhenie dukhovnoi kul'tury tatarskogo naroda (Modern spiritual works of composers of Tatarstan as a reflection of the spiritual culture of the Tatar people) // *Kul'tura v evraziiskom prostranstve: traditsii i novatsii*. – 2022. – № 6. – S. 4–10.
3. Bordovskaia, L. Z., Traditsii sufizma v tatarskoi muzyke: avtoref. ... kand. isk.(17.00.02) (Traditions of Sufism in Tatar music: abstract. ...cand. claim (17.00.02)). – Kazan', 2004. – 23s.
4. Bulgakov, V. D. Khorovaia muzyka tatarskikh kompozitorov: etapy razvitiia, zhanrovyi obzor, problemy rosta (Choral music of Tatar composers: stages of development, genre review, problems of growth) // *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*. – 2012. – № 20. – S. 206–210.
5. Kovrikova, E. V., Nurgaianova N. Kh. Tvorchestvo sovremennykh tatarskikh kompozitorov na osnove etnomuzykal'nykh traditsii narodov Povolzh'ia (Creativity of modern Tatar composers based on the ethno-musical traditions of the peoples of the Volga region) // *Kul'tura i iskusstvo*. – 2017. – №11. – S. 56–64.
6. Faizullaeva, M. P, Galiullina E. Sh. Khorovye proizvedeniia Shamilia Sharifullina kak impul's k razvitiu professional'noi khorovoi muzyki v Tatarstane (Choral works of Shamil Sharifullin as an impetus for the development of professional choral music in Tatarstan) // *Manuskript*. – 2022. – Tom 15, vyp. 2. – S. 71–74.
7. Khasanova, A. N. S. Gabiashi i traditsii chteniia molitv v muzyke kompozitorov Tatarstana (Gabyashi and traditions of reading prayers in the music of composers of Tatarstan) // *Muzyka. Iskustvo, nauka, praktika*. – 2019. – №2(26). – S. 42–53.
8. Sharipova, R. M. Tatarskaia khorovaia kul'tura XX veka: istoriia razvitiia, kompozitorskoe tvorchestvo: diss...kand. isk. (17.00.02) (Tatar choral culture of the 20th century: history of development, composer's creativity: diss... cand. claim (17.00.02)). – Kazan', 2011. – 306 s.
9. Sharifullin, Sh. K. Kommentarii [k notnomu izdaniiu] (Comments [to the musical edition]) // *Khorovye kontserty: Munadzhaty. Derevenskie napevy*. – Kazan': Tatar.kn. izd-vo, 2003. – S. 93–95.

УДК 616.314-72 (Зубоврачебный инструментарий)

**ЦИФРОВАЯ ДИАГНОСТИКА ПАРАФУНКЦИОНАЛЬНЫХ НАРУШЕНИЙ
ЖЕВАТЕЛЬНЫХ МЫШЦ ПРИ ПОВЫШЕННОМ СТИРАНИИ ЗУБОВ**

© 2024 В.С. Тлустенко

*Тлустенко Владимир Станиславович, кандидат медицинских наук, доцент кафедры
стоматологии института последипломного образования**E-mail: titan250@mail.ru**Самарский государственный медицинский университет
Самара, Россия*

Статья поступила в редакцию 01.02.2024

В отечественной и зарубежной литературе публикуются исследования о взаимосвязи снижения межальвеолярной высоты, обусловленной повышенной стираемостью зубов, с расстройствами жевательной мускулатуры (бруксизма). Основными признаками бруксизма являются сжатие и скрежетание зубов. Цель исследования: изучить функциональный статус парафункциональных нарушений жевательных мышц при повышенном стирании зубов на основании цифрового анализа электромиографии. Однако наряду с их общими свойствами отсутствуют сведения об их различии в состоянии мышечного тонуса, что и явилось целью исследования. Проведены моделирование процессов и сравнительная оценка состояния мышечного тонуса при этих симптомах на основании цифрового метода исследований – электромиографии. Для анализа созданы 2 группы: основная (I и II подгруппы) и контрольная. В I подгруппу вошли пациенты с основным симптомом «сжатие зубов», во II – «со скрежетанием». Результаты показали в I подгруппе более высокие средние значения амплитуды биопотенциалов в собственно жевательной и в височной мышце по сравнению со II подгруппой. Цифровая диагностика методом ЭМГ позволила установить наличие парафункциональных нарушений жевательных мышц. Автор подчеркивает, что при проведении дентальной имплантации необходимо учитывать влияние парафункциональных нарушений жевательных мышц и осуществлять превентивную диагностику.

Ключевые слова: положительная корреляция, моделирование ЭМГ, механические процессы, биоэлектрическая активность, статистическая обработка, прикладные программы, информационная система, превентивная диагностика, цифровой блок

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-114-118

EDN: ZKKHZA

Введение. Повышенное стирание зубов среди населения неуклонно растёт и составляет по данным разных авторов до 75% [1, 13]. При этом распространённость снижения высоты нижнего отдела лица декомпенсированной формы достигает до 85% [12]. Реабилитация этой патологии достаточно сложна [1, 8], поскольку она может сопровождаться не только дисфункциональными расстройствами ВНЧС, но и парафункциональными расстройствами жевательной аппаратуры [4]. Хронический эмоциональный стресс-фактор возникновения парафункций жевательных мышц, которые и обуславливают повышенную стираемость зубов.

История вопроса. В ряде публикаций выявлена положительная корреляция между гипертонусом жевательной мускулатуры и степенью стираемости зубов. Парафункциональные расстройства (бруксизм) могут представлять определённую опасность не только для ортопедических

конструкций, но и для имплантатов [8]. Учитывая, что основными признаками бруксизма является сжатие зубов и скрежетание ими, определённый интерес представляет состояние тонуса жевательных мышц при этих симптомах. Этот вопрос до настоящего времени остаётся дискуссионным [10, 7, 11, 9].

Одним из способов изучения тонуса жевательных мышц является электромиография (ЭМГ). Высокая информативность ЭМГ как цифрового метода исследования представляет интерес с позиций оценки стоматогнатической системы перед проведением дентальной имплантации и последующего зубного протезирования с целью исключения скрытой патологии. Наибольшую ценность представляют такие характеристики ЭМГ, как её насыщенность, амплитуды потенциалов, продолжительность интервалов между периодами непроизвольной активности и покоя вне функции.

Цель исследования: изучить функциональный статус парафункциональных нарушений жевательных мышц при повышенном стирании зубов на основании цифрового анализа электромиографии.

Методы исследования. Обследовано 45 пациентов из исследуемой группы №1 в возрасте от 28 до 65 лет человек (мужчин и женщин). Критериями отбора служили жалобы на скрежетание зубами и сжатие их, стираемость зубов, усталость жевательных мышц, прикусывание щек и языка, периодическую боль и затрудненное открывание рта в связи со спазмом жевательных мышц. Критерии невключения – пациенты с деструктивной патологией ВНЧС.

В обследовании пациентов большое значение уделялось схеме опроса и выявлению этиологического фактора. Выяснялся характер болей, их локализация, продолжительность (постоянные или с периодами ремиссии), время возникновения (день или ночь), во время приема пищи или после него, характер сжатия челюстей. Уточнялись стрессовые ситуации, психоэмоциональные нагрузки.

Пациентов на основании жалоб распределили на 2 подгруппы. Подгруппа 1 – пациенты с клинической формой парафункции «сжатие зубов» (23 чел.), подгруппа 2 – пациенты с клинической формой парафункции «скрежетание зубами» (22 чел.) Контрольную группу составили лица без стоматологической и соматической патологии (14 человек), она сопоставлена с основными подгруппами по возрасту и полу.

Дентальная имплантация планировалась при частичном отсутствии зубов, всех видов дефектов зубного ряда по классификации М.З. Миргазизова. Были использованы клинические методы и электромиография жевательных мышц. Метод электромиографии (ЭМГ) основан на оценке биоэлектрической активности жевательных мышц. Известно, что основными показателями гармонии зубочелюстной системы является не только соотношение зубных рядов, но и сократительная способность жевательных мышц. Для исследования функционального состояния жевательных мышц проводили поверхностную электромиографию с помощью четырехканального электронейромиографа «Синапсис» («Нейротех», Россия), включающего 4-канальный усилитель биопотенциалов мышечной активности, цифровой блок, блок управления электростимулятором, а также дополнительные блоки управления световым, звуковым стимуляторами.

Биоэлектрическую активность жевательных мышц измеряли билатерально, симметрично в положении пациента сидя; тип отведения – псевдомонопольное. Кожные покровы предварительно обезжировали 96% спиртом. Одноразовые накожные электроды прикреплялись в области моторных точек собственно жевательных и передних пучков височных мышц. Локализацию двигательных точек, соответствующую наибольшей напряженности мышечных волокон, определяли пальпаторно при сжатии зубов в положении центральной окклюзии. Референтный электрод закрепляли в средней части лба пациента, заземляющий электрод накладывали на запястье.

В ходе электромиографического исследования регистрировали биоэлектрическую активность собственно жевательной и височной мышц. На ЭМГ анализировались следующие показатели: A_{cp} – средняя амплитуда биопотенциалов мышцы; A_{max} – максимальная амплитуда биопотенциалов мышцы; $A_{общ}$ – сумма четырех средних амплитуд исследуемых мышц; T_a – время активности; T_n – время покоя; K – отношение времени активности к времени покоя.

Статистическую обработку проводили с использованием пакета прикладных программ 25, вычисляли значения среднеарифметической (M) и среднего квадратичного отклонения (G), стандартной ошибки (m). Оценку различий между выборками проводили с использованием t -критерия Стьюдента и U -критерия Манна-Уитни-Вилконсона, применяли критерий χ^2 Пирсона, достоверно значимыми считали различия при уровне вероятности 95% ($p < 0,05$).

Результаты исследования. Объективный осмотр пациентов 1-й подгруппы выявил основные клинические признаки: наличие уплотнений в области собственно-жевательных мышц справа и слева, их болезненность.

Во второй подгруппе пациентов в анамнезе ночное и дневное скрежетание зубами, при пальпации также отмечался повышенный тонус собственно жевательных и височных мышц, их гипертрофия, периодически тоническое сокращение жевательных мышц. Наблюдалась повышенная стираемость зубов, снижение высоты нижнего отдела лица, наличие девиации и дефлексии при открывании рта. Результаты электромиографии в I и II подгруппах (основной группы) и контрольной до лечения представлены следующими значениями (таблица 1).

Таб. 1. Показатели ЭМГ в привычной окклюзии в основной (подгруппы 1,2) и контрольной групп (EMG indicators in habitual occlusion in the main (subgroups 1,2) and control groups)

Показатели ЭМГ	1 под- группа n=23	2 под- группа n=22	Контроль- ная группа	p 1-2	p 1-к	p 2-к
Td A cp(мкВ)	679,6±61,2	618,4±59,4	477,4±45,7	0,001	<0,001	<0,001
Ts A cp(мкВ)	664,8±63,4	601,2±57,3	465,1±41,9	0,001	<0,001	<0,001
Md A cp(мкВ)	698,4±67,2	641,3±63,7	513,7±47,4	0,006	<0,001	<0,001
Ms A cp(мкВ)	702,7±69,8	638,9±62,9	486,6±44,8	0,002	<0,001	<0,001
Kc Td/Ts	0,72 ±0,1	0,68 ±0,2	0,98 ±0,2	0,398	<0,001	<0,001
Kc Md/Ms	0,67 ±0,2	0,64 ±0,1	0,95 ±0,2	0,531	<0,001	<0,001
Kc Td/Md	0,74 ±0,2	0,61 ±0,1	0,89 ±0,2	0,009	0,016	<0,001
Kc Ts/Ms	0,76 ±0,1	0,63 ±0,2	0,91 ±0,1	0,008	<0,001	<0,001

Примечание: Td – правая височная мышца; Ts – левая височная мышца; Md – правая собственно жевательная мышца; Ms – левая собственно жевательная мышца; Kc – коэффициент симметрии.

У лиц 1-й подгруппы средние амплитуды биопотенциалов собственно жевательных мышц составили 698,4±67,2 мкВ справа и 702,7±69,8 мкВ слева, что превышало показатели лиц контрольной группы на 36 и 44,4% соответственно; у лиц 2-й подгруппы средние амплитуды биопотенциалов собственно жевательных мышц составили 641,3±63,7 мкВ справа и 638,9±62,9 мкВ слева, что превышало показатели лиц контрольной группы на 24,8 и 31,3% соответственно. Показатели средних амплитуд биопотенциалов височных мышц составили в 1-й подгруппе: 679,6±61,2 мкВ – справа и 664,8±63,4 мкВ – слева, что выше контроля на 49,34% и 42,8% соответственно; во 2-й подгруппе 618,4±59,4 мкВ справа и 601,2±57,3 мкВ слева, что превышало показатели контроля на 29,6% и 26% соответственно.

Из таблицы 1 видно, что показатели ЭМГ имели статистически значимые отличия в основной группе (подгруппы 1 и 2) (кроме К.С Td/Ts, К.С Md/Ms) в сравнении с контролем. Увеличение амплитуд биопотенциалов собственно жевательных мышц в 1-й и 2-й подгруппах связано с увеличением числа вовлеченных в процесс сокращения двигательных единиц как результат парафункциональной активности. Не менее

важное значение имеет анализ симметричности показателей как между одноименными мышцами справа и слева, так и между мышцами (собственно жевательной и височной) с одной из сторон. У лиц 1-й и 2-й подгрупп при максимальном сжатии зубов наблюдалась различная картина асимметрии биоэлектрической активности, но наиболее часто выявлялось преобладание показателей собственно жевательных мышц с обеих сторон по сравнению с височными, что отражалось в уменьшении коэффициента К: Td/Md в 1-й подгруппе составил 0,74 ±0,2, Ts/Ms – 0,76 ±0,1; во 2-й подгруппе – 0,61 ±0,1 и 0,63 ±0,2 соответственно.

Таким образом, в первой подгруппе (основной группы) (сжатие зубов) установлены более высокие средние значения амплитуды биопотенциалов в височной и собственно жевательной мышце по сравнению с аналогичными показателями во II подгруппе (скрежетание зубами).

Выводы. Цифровая диагностика позволила установить наличие парафункциональных нарушений жевательных мышц при повышенном стирании зубов. Методика анализа ЭМГ цифровой диагностики показала свою эффективность при изучении характера зависимости повыше-

ния тонуса мышц и их напряжении как при сжатии, так и скрежетании зубов. Однако превышение этих показателей в сравнении с контрольными значениями отмечено при симптоме «сжатие зубов».

Увеличение амплитуд биопотенциалов собственно жевательных мышц в 1-й и 2-й подгруппах связано с увеличением числа вовлеченных в процесс сокращения двигательных единиц как результат парафункциональной активности.

Проведена сравнительная оценка состояния мышечного тонуса при симптомах бруксизма на основании цифрового метода – электромиографии для состояний с основным симптомом «сжатие зубов» и «со скрежетанием».

При проведении дентальной имплантации необходимо учитывать влияние парафункциональных нарушений жевательных мышц и осуществлять превентивную диагностику.

1. Аболмасов, Н. Г. Ортопедическая стоматология: учебник для студентов / Н.Г. Аболмасов, Н. Н. Аболмасов, М. С. Сердюков, Е. А. Булычёва_10 - е изд., перераб. и доп. – М.: МЕДпресс-информ, 2018. – 556 с.: ил.-ISBN 978-5-00030-542-3.
2. Алпатьева, Ю. В. Реабилитация пациентов со сниженной межальвеолярной высотой при повышенной стираемости и полной потере зубов: дисс. ... канд. мед. наук: 14.01.14 / Алпатьева Юлия Викторовна; Моск. гос. медико-стоматол. ун-т им. А. И. Евдокимова. – М.: МГМСУ им. А. И. Евдокимова, 2017. – 196 с.: 100 ил.
3. Войтяцкая, И. В. Синдром сниженного прикуса / И. В. Войтяцкая, А. В. Цимбалистов // Head and neck | Голова и шея. – 2017. – №3. – С. 46 – 50.
4. Габдрафиков, Р. Р. Результаты клинического обследования пациентов с декомпенсированной формой генерализованной патологической стираемости зубов и жалобами на состояние височно-нижнечелюстного сустава / Р. Р. Габдрафиков // Аспирантский вестник Поволжья. – 2020. – № 1-2. – С. 80-84.
5. Доказательства психического генеза гипертонии жевательных мышц: (часть IV) / Е. А. Булычёва, С. О. Чикунов, В. Н. Трезубов, А. С. Грищенко // Институт стоматологии. – 2012. – №3 (56). – С. 36-41.
6. Сальников, С. В. Повышенная стираемость зубов как фактор развития снижающегося прикуса. Этапы лечения // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2017. – Т. 7. – №11. – С.16-22.
7. Alqutaibi, A. Y. Randomized study on the effect of single-implant versus two- implant retained overdentures on implant loss and muscle activity: a 12-month follow – up report / A. Alqutaibi, A. F. Kaddah, M. Farouk. – Text: direct // International Journal of Oral and Maxillofacial Surgery. – 2017. – Vol.46. – Iss. 6. – P. 789-797.
8. Beddis, H. Sleep bruxism: an overview for clinicians / H. Beddis, M. Pemberton, S. Davies. –Text: direct // British Dental Journal. – 2018. – Vol.225, Iss. 6.-P.497 – 501.
9. Elsyad, M. A. Masticatory function with ball and resilient telescopic anchors of mandibular implant – retained overdentures: A crossover study /M. A. Elsyad, A. F. Shawky. – Text: direct // Quintessence International. – 2017. – Vol. 48. – Iss. 8. – P. 615-623.
10. Prevalence of degenerative joint disease of the temporomandibular joint: a systematic review / L. L. Q. Pantoja, I. P. de Toledo, Y. M. Pupo [et al.]. – DOI 10.1007/s00784-018-2664-y // Clinical oral investigations. – 2019. – Vol. 23. – N 5. – P. 2475 – 2488.
11. Safe clinical technique for increasing the occlusal vertical dimension in case of erosive wear and missing teeth / C. D’Arcangelo, M. Vadini, M. Buonvivere, F. De Angelis. Text: electronic // Clinical Case reports. 2021. – Vol. 9, Iss. 12 e047747 – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8643126/pdf/CCR3-9-e04747.pdf> (date accessed: 25.10.2021).
12. Sonego, M. V. Electromyographu evaluation of masseter and temporalis, bite force, and qualitu of life in elderly patients during the adaptation of mandibular implant – supported overdentures / M. V. Sonego, M. C. Goiato, D. M. Dos Santos. – Text: direct // Clinical Oral Implants Research. – 2017. – Vol. 28, Iss. 10. – P.169 – 174.
13. Tocaciu, S. Surgical management of recurrent TMJ dislocation- a systematic review / S. Tocaciu, M. J. McCullough, G. Dimitroulis – DOI 10.1007/s10006-019-00746-5 // Oral and maxillofacial surgery. – 2019. – Vol. 23. – N 1. – P. 35-45.

DIGITAL DIAGNOSTICS OF PARAFUNCTIONAL DISORDERS OF THE MASTICATORY MUSCLES WITH INCREASED TOOTH ABRASION

© 2024 V.S. Tlustenko

Vladimir S. Tlustenko, PhD, Associate Professor of the Department
of Dentistry at the Institute of Postgraduate Education

E-mail: titan250@mail.ru

Samara State Medical University
Samara, Russia

In the domestic and foreign literature, studies are published on the relationship of a decrease in interalveolar height due to increased tooth abrasion with disorders of chewing muscles (bruxism). The main signs of bruxism are clenching and gnashing of teeth. However, along with their general properties, there is no information about their difference in the state of muscle tone, which was the purpose of the study. The processes were modeled and a comparative assessment of the state of muscle tone in these symptoms was carried out on the basis of a digital research method—electromyography. 2 groups were formed for the analysis: the main (I and II subgroups) and the control. Subgroup I included patients with the main symptom of "clenching teeth", and subgroup II included patients with "gnashing teeth". The results showed higher average values of the amplitude of biopotentials in the masticatory and temporal muscles in subgroup I compared with subgroup II. Digital diagnostics by the EMG method made it possible to establish the presence of parafunctional disorders of the masticatory muscles.

Keywords: positive correlation, EMG modeling, mechanical processes, bioelectric activity, statistical processing, application programs, information system, preventive diagnostics, digital block

DOI: 10.37313/2413-9645-2024-26-94-114-118

EDN: ZKKHZA

1. Abolmasov, N. G. Ortopedicheskaya stomatologiya: uchebnik dlia studentov (Orthopedic dentistry: a textbook for students) / N. G. Abolmasov, N. N. Abolmasov, M. S. Serdiukov, E. A. Bulycheva_10 - e izd., pererab. i dop. – M.: MEDpress-inform, 2018. – 556 s.: il. – ISBN 978-5-00030-542-3.
2. Alpat'eva, Iu. V. Reabilitatsiia patsientov so snizhennoi mezh'alveoliarnoi vysotoi pri povyshennoi stiraemosti i polnoi potere zubov: diss. ... kand. med. nauk: 14.01.14 (Rehabilitation of patients with reduced interalveolar height with increased abrasion and complete loss of teeth: dissertation) / Alpat'eva Iuliia Viktorovna; Mosk. gos. mediko-stomatol. un-t im. A. I. Evdokimova. – M.: MGMSU im. A. I. Evdokimova, 2017. – 196 s.: 100 il.
3. Voitiatskaia, I. V. Sindrom snizhennogo prikusa (Low bite syndrome) / I. V. Voitiatskaia, A. V. Tsimbalistov // Head and neck | Golova i sheia. – 2017. – №3. – S. 46 – 50.
4. Gabdrifkov, R. R. Rezul'taty klinicheskogo obsledovaniia patsientov s dekompensirovannoi formoi generalizovannoi patologicheskoi stiraemosti zubov i zhalobami na sostoianie visochno-nizhnecheliustnogo sustava (Results of a clinical examination of patients with a decompensated form of generalized pathological abrasion of teeth and complaints about the condition of the temporomandibular joint) / R. R. Gabdrifkov // Aspirantskii vestnik Povolzh'ia. – 2020. – № 1-2. – S. 80-84.
5. Dokazatel'stva psikhicheskogo geneza gipertonii zhevatel'nykh myshts: (chast' IV) (Evidence of the mental genesis of hypertension of the masticatory muscles: (part IV) / E. A. Bulycheva, S. O. Chikunov, V. N. Trezubov, A. S. Grishchenkov // Institut stomatologii. – 2012. – №3 (56). – S. 36-41.
6. Sal'nikov, S. V. Povyshennaia stiraemost' zubov kak faktor razvitiia snizhaiushchegosia prikusa. Etapy lecheniia (Increased tooth wear as a factor in the development of a declining bite. Stages of treatment) // Biulleten' meditsinskikh internet-konferentsii. – 2017. – T. 7. – №11. – S.16-22.
7. Alqutaibi, A. Y. Randomized study on the effect of single-implant versus two- implant retained overdentures on implant loss and muscle activity: a 12-month follow – up report / A. Alqutaibi, A. F. Kaddah, M. Farouk. – Text: direct // International Journal of Oral and Maxillofacial Surgery. – 2017. – Vol.46. – Iss. 6. – P. 789-797.
8. Beddis, H. Sleep bruxism: an overview for clinicians / H. Beddis, M. Pemberton, S. Davies. –Text: direct // British Dental Journal. – 2018. – Vol.225, Iss. 6.-P.497 – 501.
9. Elsyad, M. A. Masticatory function with ball and resilient telescopic anchors of mandibular implant – retained overdentures: A crossover study /M. A. Elsyad, A. F. Shawky. – Text: direct // Quintessence International. – 2017. – Vol. 48. – Iss. 8. – P. 615-623.
10. Prevalence of degenerative joint disease of the temporomandibular joint: a systematic review / L. L. Q. Pantoja, I. P. de Toledo, Y. M. Pupo [et al.]. – DOI 10.1007/s00784-018-2664-y // Clinical oral investigations. – 2019. – Vol. 23. – N 5. – P. 2475 – 2488.
11. Safe clinical technique for increasing the occlusal vertical dimension in case of erosive wear and missing teeth / C. D'Arcangelo, M. Vadini, M. Buonvivere, F. De Angelis. Text: electronic // Clinical Case reports. 2021. – Vol. 9, Iss. 12 e047747 – URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8643126/pdf/CCR3-9-e04747.pdf> (date accessed: 25.10.2021).
12. Sonogo, M. V. Electromyographu evaluation of masseter and temporalis, bite force, and quality of life in elderly patients during the adaptation of mandibular implant – supported overdentures / M. V. Sonogo, M. C. Goiato, D. M. Dos Santos. – Text: direct // Clinical Oral Implants Research. – 2017. – Vol. 28, Iss. 10. – P.169 – 174.
13. Tocaciu, S. Surgical management of recurrent TMJ dislocation- a systematic review / S. Tocaciu, M. J. McCullough, G. Dimitroulis – DOI 10.1007/s10006-019-00746-5 // Oral and maxillofacial surgery. – 2019. – Vol. 23. – N 1. – P. 35-45.

РЕЦЕНЗИИ =====REVIEWS=====

АНТИМЕТАФИЗИКА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ Д.Г. ПЛЫНОВА «СИНДРОМ ПРИЧАСТНОСТИ: ДИАГНОЗ, КОТОРОГО НЕТ, А СИМПТОМЫ УЖЕ НАБЛЮДАЮТСЯ»

© 2024 М.А. Дударева, О.А. Чердынцева

*Дударева Марианна Андреевна, доктор культурологии, профессор
кафедры общей и славянской филологии.*

РГУ им. А. Н. Косыгина

Чердынцева Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры русского языка № 2.

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Москва, Россия

В науке можно назвать непосредственно анти-метафизиков, которые представляют позитивистов, направленных против метафизического освоения мира (показательна работа Огюста Конта «Дух позитивной философии»). Для них любое наше суждение должно основываться на данности факта, к которому приходим рациональным и экспериментальным методом. Для Конта метафизика — своего рода хроническая болезнь, от которой нужно избавиться. Но можно ли абсолютно отказаться от метафизики и не является ли полный отказ от нее уже качеством новой, преобразованной метафизики?

Сегодняшнее общество, подверженное *цифровому беспокойству*, конечно же, далеко от метафизических вопросов, поскольку человеку нашего эона истории кажется, что все ему доступно, все блага мира он может заполучить и даже в онлайн-форме совершить путешествие в любую страну. Бывают эпохи, по мысли современного философа Н.А. Хренова, когда *трансцендентное отношение* к бытию угасает. Сегодня, по всей видимости, такая эпоха: цифровая реальность подменяет нам даже бытовую, медиапространство влияет на сознание, порождая новые формы словесности, искусства (последнее особенно важно для русского бытия, поскольку Россия — литературоцентричная страна). Однако человек все-таки как существо духовное хочет быть *чему-то* со-причастным. Чему? Современный деятель культуры, педагог и психолог, главный редактор литературного издания «Клаузура» Д.Г. Плынов в своей новой монографии исследует феномен *сопричастности* человека, желание его быть приобщенным к какой-либо социальной группе. Ученый отмечает: «Возникает навязчивое желание индивида быть причастным к определенным социальным группам, основываясь на их высоком статусе и успешности. В этом

контексте синдром причастности проявляется через стремление к социальной ассимиляции без наличия реальных оснований для этого». В этом, на наш взгляд, и состоит антиметафизика современного общества, в котором, однако, орган для усвоения трансцендентного еще не полностью редуцирован, поскольку желание быть в обществе, в кругу друзей и коллег имеет архаические основания, связано с психологическим детерминизмом самоутверждения. Однако под влиянием онлайн-среды, виртуальной жизни, новых культурных координат этот здоровый посыл в человеке изменился.

Д.Г. Плынов описывает модификации синдрома причастности (быть в центре внимания, устойчивое желание принимать участие в общественных мероприятиях, стремиться стать членом многочисленных социальных сетей и т.д.): «Современные технологии и социальные сети создали новые возможности для людей, чтобы находить единомышленников и общаться с ними. Однако это также может привести к усилению синдрома причастности в онлайн-коммуникациях и социальных медиа». Депрессия и тревожность, которые вызваны описанным синдромом, также связаны с морбуальными состояниями в культуре и ноуменом смерти. Можно предположить, что этот социальный *синдром причастности* обусловлен антиметафизикой смерти, когда смерть теряет свои сакральные основания, что и произошло с культурой смерти в период Нового времени (подробно эти процессы десакрализации смерти описаны в труде Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти»).

Чувство сопричастности Другому (бытию, человеку, природе) очень важно, поскольку только так человек может почувствовать себя микрокосмом внутри макрокосма. Однако сегодня, как показывает исследование Д.Г. Плынова, это чувство

модифицировалось и редуцировалось до синдрома причастности. Автор книги подробно описал симптомы, проявления этой болезни *цифрового общества*. Каковы ее метафизические основания? Не возникает ли здесь опасная ситуация «онтологического одиночества неузнанности», когда не осуществляется бахтинский диалог

между своим и чужим? Как выйти из этого лимитального состояния? Человек не один, но одинок одновременно. Думается, что предпринятое исследование было бы продуктивно перевести в философский регистр, что, возможно, и сделает автор в дальнейшем.

5 ноября 2023 г.

**Издание журнала осуществлено при финансовой поддержке
Гранта губернатора Самарской области**

**The edition of the Academic journal is carried out with
Financial support Grant of the Governor of the Samara region**

Известия Самарского научного центра Российской академии наук.

Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки

Учредитель: федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Самарский федеральный исследовательский центр Российской академии наук

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре, свидетельство ПИ №ФС77-64960 от 04.03.2016

Главный редактор: доктор культурологии Э.А. Радаева

Том 26, номер 1 (94), 29.02.2024

Индекс: 80808. Распространяется бесплатно

Адрес учредителя и редакции: 443001, Самарская область,

г. Самара, Студенческий пер., 3а. Тел. 8 (846) 340-06-20

Издание не маркируется

Сдано в набор 27.02.2024 г.
Офсетная печ.

Подписано к печати 29.02.2024
Усл.печ.л. 14,18 Тираж 300 экз.

Формат бумаги 60x84 1/8
Зак. № 025 от 29.02.2024

Отпечатано в типографии ООО «СЛОВО»
443070, Самарская область,
г. Самара, ул. Песчаная, д. 1, офис 310/9. Тел.: 8 (846) 267-36-82